

А. БЕЛЯЕВ

ЧАЙКИ САДЯТСЯ НА ВОДУ

А. БЕЛЯЕВ

**ЧАЙКИ
САДЯТСЯ
НА ВОДУ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
МОСКВА
1969

М О Р Е Ш У М И Т

Море шумит... Вторую неделю ревет не переставая ветер от норд-веста и горизонт затянут мутной пеленой брызг. Сырые, тяжелые тучи хмуру нависли над водой и словно придавили океан. Из мрачной морской дали бесконечной чередой бегут и бегут к берегу приземистые ряды длинных волн с пенистой гривой. С грохотом они разбиваются о темный, гладко отполированный гранитный утес, на вершине которого стоит стройная башенка автоматического маяка.

Вот уже много лет однообразно подмигивает маяк ночному морю, много лет бесстрастно смотрит на извечную борьбу моря и скал, на бессильную ярость волн.

Стоит маяк, мигает исправно и молчит, прислушиваясь к шуму моря. Днем и ночью проходят мимо него огромные океанские корабли. Неторопливо вспахивая форштевнями зеленоватую толщу морской воды, они идут по большой морской дороге, и приветливые вспышки огня встречают и провожают их в дальний путь. И в штиль и в шторм, и зимой и летом идут и идут корабли мимо.

Но приходилось видеть маяку и другое.

...В тот год весь февраль свирепствовали северные ветры. словно задумав выплескать весь океан, они гнали и гнали на берег неисчислимые полчища волн и рушили их на обледенелые скалы.

И когда, казалось, ураган достиг своей высшей силы, далеко на горизонте показалась полузатопленная шлюпка. То пропадая среди волн, то снова взметываясь на вершину девятого вала, она неслась вперед, прямо на встающие из воды утесы.

В шлюпке были люди. Они сидели по пояс в воде и ждали чуда. Больше им не на что было надеяться — разбушевавшаяся стихия давно разбила мотор, переломала и унесла все весла, измотала и измучила людей.

Их было четверо. Все, что осталось от экипажа рыболовного траулера, погибшего в те дни в Баренцевом море. Восемь дней ураганный ветер гнал шлюпку неизвестно куда, пока, наконец, впереди не показались скалы.

— Земля! — хрипло выкрикнул боцман траулера Иван Никифорович Журавлев. Обросшее, изможденное лицо его с воспаленными глазами оживилось. Он повернулся к корме шлюпки, где лежал капитан траулера Захар Семенович Штыков, и приподнял его голову.

— Захар! Земля показалась!

Но капитан молчал. Вторые сутки он находился

в забытьи, лишь время от времени начиная бредить и просить воды.

По-разному восприняли это известие двое других моряков. Матрос Степан Шкатов, худощавый парень лет тридцати, с жесткими, колючими глазами и тяжелым, выступающим вперед подбородком, долго всматривался в далекий берег, туда, где из воды поднимались белые шапки гор.

— Это Скалистый, — угрюмо сказал он и тревожно посмотрел на боцмана. Тот кивнул и отвернулся.

— Скалистый.

Оба они хорошо знали, что северный склон полуострова Скалистого круто обрывался в море; оба хорошо представляли себе, что ждет их беспомощную шлюпку, когда волны со страшной силой бросят ее на гранитную стену.

Четвертый моряк — молодой механик Леон Чикваидзе шумно радовался открывшейся земле. Он сорвал с головы кожаную шапку с «крабом» и, размахивая ею, восторженно закричал «ура!». Ему казалось, что самое страшное теперь позади.

Берег приближался быстро. Его заснеженные, угловатые вершины зловеще нависли над белой пеной кипящего прибоя.

Люди в шлюпке притихли, с тревогой смотря на гранитную стену, встающую перед ними из воды. Метрах в десяти от берега то появлялся, то снова скрывался под водой острый риф.

— Капитана спасать в первую очередь! — натужно закричал боцман. — Или выберемся вместе, или останемся с ним до конца!

Волна бросила шлюпку прямо на риф. Тяжелый удар расколол ее надвое, и шлюпка тут же затонула.

Люди беспомощно забарахтались в нахлынувшей волне, которая неудержимо потащила их на отвесный утес. Но, чуть не дойдя до берега, волна растеряла свою силу, опала и откатилась назад, бросив людей у подножия скалы. Нельзя было терять ни секунды. Вдали море снова вздувалось пухлым горбом. С глухим ревом он стремительно катился к берегу, на гла-

зах вырастая в водяную гору, способную сокрушить все на своем пути.

Боцман торопливо поднялся, подхватил на руки капитана и тяжело зашагал вдоль гранитной стены. Он увидел невдалеке глубокую узкую расселину. Это была неширокая ложбина, и вела она в глубь полуострова. Вслед за ним побежали Шкатов и Чикваидзе.

Волна все же догнала моряков, сбила с ног и закрутила в мощном потоке. Далеко протаскив по ложбине, она бросила их, избитых и измученных, на крупную гальку и, теряя на камнях пену, скатилась обратно в море.

Моряки выбрались на сухую площадку и свалились на промерзшую землю, не чувствуя ни ее холода, ни ее ледяной жесткости. Хриплое, судорожное дыхание разрывало им грудь, глаза застилал белесый туман.

Неласковая была эта каменистая земля — морозная, безлюдная. Но все же это была земля, она давала им сейчас отдых, она вселяла надежду на спасение, сулила жизнь.

Первым очнулся Шкатов. Крупная дрожь сотрясала его. Он с трудом оторвался от земли, поднялся на ноги и, пытаясь согреться, стал подпрыгивать и колотить себя руками. Ледяная корка, которой успела покрыться одежда, с хрустом посыпалась на камни. Шкатов затянул потуже поясной ремень и принялся тормошить товарищей.

— Ребята! Хватит валяться, замерзнете так, слышите? Вставайте!

Они подняли с земли капитана, и боцман взял его на руки, как ребенка.

— Захар, ты слышишь меня? — настойчиво повторял боцман.

Но капитан не слышал. Лицо его горело, губы потрескались. Он тяжело дышал короткими частыми вздохами.

— Жар у него сильный, — озабоченно проговорил боцман. — Надо бы потеплее одеть его.

Он передал капитана на руки Шкатову, торопли-

во снял свою затвердевшую на морозе стеганую куртку и с трудом стянул с себя толстый шерстяной свитер.

— Сними с Захара фуфайку, — коротко бросил он Шкатову и затем бережно надел на капитана свой свитер. Зябко поеживаясь, боцман натянул на себя мерзлую фуфайку.

— Свитер хоть и мокрый, но он все же шерстяной, так ему будет теплее. А мы на ходу будем греться, мы здоровые, не замерзнем, — словно оправдываясь перед товарищами, говорил боцман. Шкатов и Чикваидзе молчали.

Они постояли еще немного, собираясь с силами перед дорогой. Три полузамерзших, голодных моряка с тяжелобольным товарищем на руках, они молча стояли, прижавшись друг к другу, и с тревогой смотрели вперед, по ходу ложбины, уходившей куда-то в горы. Какие испытания ждут их на этом пути?

Боцман вздохнул.

— Путь у нас один — кроме как по этой ложбине, нам нигде не пройти. Куда-нибудь да приведет она. Капитана будем нести по очереди. — Боцман с доброй улыбкой посмотрел на Шкатова и Чикваидзе и продолжал: — Огня у нас нет, еды тоже. Ничего нет. Выход один — идти сколько сил хватит. Наверное, нас ищут сейчас по всему берегу.

И они тронулись в путь. Впереди, осторожно ступая, шел с капитаном на руках боцман. За ним, согнувшись и плотно обхватив себя руками, шагал Шкатов. Последним торопливо подпрыгивал, стараясь согреться, Чикваидзе.

Да, неласковая была эта земля. Собственно, земли не было — кругом громоздились гранитные утесы и скалы. Обломки камней, большие и малые, обильно усеяли всю ложбину.

Моряки шли, торопливо прыгая с камня на камень, согреваемые надеждой на близкое спасение, радуясь тому, что им удалось победить море, вырваться из

кипящей пучины и обрести под ногами твердую землю.

Земля! Она всегда мила сердцу моряка, даже если и такая неласковая, такая холодная, такая пустынная и безлюдная, как эта.

Давно уже не было слышно грохота морского прибоя, а ложбина все вела и вела моряков в глубь полуострова, медленно поднимаясь в гору.

Они шли, гремя обледеневшей одеждой, и лишь эти скрежещущие звуки нарушали мертвую тишину.

Они устали, они страшно устали. Обмороженные ноги отказывались повиноваться, но боцман, идя впереди, никому не давал отдыха.

— Вперед! Вперед, ребята! — то и дело раздавался его хриплый голос. — Вперед, иначе замерзнем!

И они шли, неся по очереди капитана на руках, пока не свалился Чикваидзе. Лишь тогда устроили короткий привал. Шкатов уложил поудобнее Чикваидзе, сел рядом с ним и тут же заснул. Присел на камень и боцман. Он осторожно устроил на своих коленях капитана, потрогал его горячий лоб и тихо позвал:

— Захар!

Но капитан по-прежнему не отвечал. Голова боцмана медленно опустилась на грудь, и он задремал.

Они шли всю ночь, лишь изредка останавливаясь для короткого отдыха. Но все чаще и чаще стал отставать Чикваидзе, все труднее поднимался он после привалов. А когда приходила его очередь нести капитана, моряк брал его на руки, делал несколько не твердых шагов, падал, снова поднимался и снова падал. При этом он так жалобно стонал, что боцман и Шкатов махнули на Чикваидзе рукой и решили нести капитана вдвоем.

К утру ложбина вывела их на перевал. Они поднялись на пригорок и огляделись. Вокруг тянулась унылая, занесенная снегом холмистая тундра. Далеко-далеко, где-то за горизонтом, ритмично всплескивались на небе бледные сполохи. Моряки долго смотрели на это неяркое мерцание неба.

— Кажется, Пур-Наволок, — устало проговорил Шкатов. — Далеко мы от него ушли.

— Да, это маяк, — подтвердил боцман. — Миль сорок по прямой будет до него. Два дня хорошего хода по хорошей дороге, — и он с сожалением вздохнул.

— Два дня хода! — вдруг выкрикнул сидевший в сторонке Чикваидзе. — А в чем я пойду?

Он показал на ноги. Почерневшие и окровавленные пальцы торчали из разбитых ботинок.

— Как я пойду? — злобно кричал Чикваидзе. — Я не чувствую ног, они отморожены. И сил у меня больше нет.

Боцман и Шкатов переглянулись и посмотрели на свои ноги — они их тоже не чувствовали. Шкатов медленно подошел к Чикваидзе, присел рядом и обнял его за плечи.

— Ты что, Леня, — тревожно спросил он, — заболел?

Чикваидзе вырвался из его рук и грязно выругался. Но Шкатов снова положил руку на плечо товарища.

— Ну, ну, Леня, не надо нервничать, этим не поможешь делу. А насчет обуви — обойдемся. Оторвем рукава от фуфаяк и такие бурки сделаем, что на неделю хода хватит.

— Через неделю мы все будем на том свете! — вдруг яростно завопил Чикваидзе. Потрясая кулаками, он истерично кричал, наступая на боцмана: — Я уже трое суток ничего не ел, я весь обморожен, у меня нет сил идти, нет больше сил нести его, — он жестом показал на капитана. — И у тебя нет сил и у Шкатова, а ты все заставляешь нас. Из-за этого мы и тащимся еле-еле. Так мы все четверо здесь подохнем через пару дней, если не раньше. Ты что, хочешь нас угробить?

Наступило молчание.

Боцман и Шкатов в упор смотрели на Чикваидзе. Тот не выдержал и снова закричал срывающимся голосом:

— Скажете, я не прав, да? Почему трое должны погибнуть из-за одного? Разве это справедливо?

— Вот в чем, оказывается, дело, — медленно проговорил боцман. — А он нам ноги свои побитые показывал, плакался на голод и холод. — Боцман помолчал, сдерживая нараставшее в груди негодование, затем продолжал: — Как же у тебя язык повернулся сказать такое про своего брата моряка? Ведь это же наш капитан...

Но Чикваидзе скривился в усмешке.

— Подымают все одинаково: и капитаны и кочегары — и нечего из себя героев строить. «Братья моряки, капитан...» Тыфу, надоели все эти громкие слова! Все мы одинаковые перед смертью.

— Врешь, шкура! — взорвался боцман. — Я и помирать буду как моряк! Как советский моряк, понял ты? Я моряк, и Степан моряк, а ты... ты...

— Ну, кто же я?

Но боцман вдруг устало махнул рукой.

— Тебе этого все равно не понять.

— Не понять? А то, что мы завтра концы отдадим, это я понимаю, по-твоему, или нет?

— Это-то ты хорошо усвоил, потому и трясет тебя так страх.

— При чем тут страх? Почему из-за одного обреченного трое должны погибать? Где тут логика, я спрашиваю тебя?

Молчавший все время Степан поднялся и, держа в руках увесистый обломок, мрачно произнес:

— Слушай, ты, логика... Брось душу травить... Капитана мы не оставим, заруби это себе на носу. А тебя никто не держит, уходи... Ты смотри мне в глаза, в глаза смотри! Можешь уходить, шкурная твоя душа!

— И пойду! — злобно огрызнулся Чикваидзе.

— Ну и иди! Иди! — взревел Шкатов. — Скорее уходи, гад, и подымай там, как пес, в одиночку!

— Ах так? — Чикваидзе вскочил и дико сверкнул глазами. — Ну и оставайтесь тут со своим благородством, и посмотрим, кто вперед подохнет!

Прихрамывая, он двинулся в ту сторону, где бледнели на небе сполохи маяка, фигура его мелькнула несколько раз за холмами и вскоре скрылась совсем.

Степан яростно швырнул обломок на землю, плюнул и сел на промерзший валун.

Боцман подождал немного, подтащил капитана и сел рядом.

— Успокойся, Степан. — Голос боцмана вздрагивал. — Успокойся. Жидковат механик оказался, не выдержал.

Степан поднял искаженное гневом лицо и проговорил задыхаясь:

— На фронте мы расстреливали таких!

Боцман осторожно обнял товарища и привлек к себе. Так сидели они, не говоря ни слова.

Медленно тянулось время. Бледный рассвет робко рассеивал ночную тьму. Боцман поднял голову, взглянул на капитана и тронул за плечо Шкатова.

— Пора, Степан. Идти надо.

Они оторвали рукава от стеганых фуфаяк и с трудом натянули их на обмороженные ноги.

...И снова захрустел под ногами снег. Повсюду подстерегали занесенные снегом ухабы и ямы, огромные валуны часто заставляли сворачивать с прямого пути и делать лишние шаги в обход. Силы моряков заметно убывали. Даже вдвоем им теперь трудно было нести капитана. Приходилось чаще останавливаться, чтобы передохнуть. И каждый раз все труднее становилось вставать и снова идти вперед.

Между тем капитану становилось все хуже и хуже. В полдень он вдруг протяжно застонал, потом приоткрыл глаза, посмотрел на боцмана и, задыхаясь, чуть слышно сказал:

— Иван... передай Марине моей... передай... — Голова капитана начала клониться к груди, и он опять замолчал. Потом очнулся, тревожно пошарил рукой по лицу боцмана и, напряженно глядя куда-то в небо, четко и раздельно проговорил:

— Я сделал все, что мог... все, слышишь?..

— Слышу, Захар. Все передам, как ты сказал, —

серьезно ответил боцман, но капитан уже снова впал в забытие.

К вечеру он скончался.

Моряки молча перенесли капитана на высокий пригорок и так же молча, старательно закладывали его тело камнями, пока на пригорке не вырос высокий холмик. Потом они долго сидели у могилы капитана, и каждый думал о чем-то своем.

Уже давно наступила ночь, и в темноте ярко вспыхивали на горизонте далекие огни маяка. На ясном небе торопливо мерцали большие звезды, и красно-зеленые сполохи северного сияния легкими, сказочными шторами переносились с одного края горизонта на другой. Луна бледным светом заливала холмистую поверхность полуострова. Черные тени от камней и валунов подчеркивали ослепительно серебристую белизну снега; щедро разбросанные повсюду глыбы гранита приобретали самые причудливые очертания, и казалось, что в этой безжизненной ледяной пустыне безмолвно застыли полчища неземных чудовищ. В гнетущей тишине чуть слышно шуршал по камням сдуваемый ветерком сухой снег.

Шкатов долго смотрел на игру красок в небе и протянул задумчиво:

— Как небо-то разыгралось! Каждая звезда с кулак.

— Да, редко такое увидишь, — отозвался боцман. Они снова замолчали.

— А мороз прижмет нас к утру, — равнодушно проговорил Шкатов.

— Прижмет, — так же равнодушно ответил боцман, — главное, не заснуть бы. Если я не буду подниматься или стану засыпать на ходу, ты бей меня, Степан, не жалея. Нам нельзя сдаваться, мы должны дойти до маяка.

— Ты тоже следи за мной.

— Ладно. Ну, пошли?

— Пошли.

Они поднялись.

— Прощай, Захар, — тихо сказал боцман, — не сумели сберечь тебя...

Поддерживая друг друга под руки, моряки медленно двинулись в путь.

Давно уже скрылся из глаз высокий холмик, сложенный ими на могиле капитана, давно уже наступило утро, а они все шли и шли, не давая себе отдыха. И вдруг остановились. Прямо перед ними лежал на земле человек, головой в ту сторону, откуда они шли, уткнувшись лицом в снег и зябко поджав под себя руки. Моряки повернули закоченевшее тело.

— Он, — хрипло выдохнул боцман.

Они молча постояли над замерзшим механиком и снова побрели вперед.

Метрах в двухстах нашли полузасыпанную снегом шапку с «крабом». Шкатов поднял ее, отряхнул, потом оглянулся туда, где остался лежать Чикваидзе, и глухо сказал:

— Он возвращался...

— Понял все-таки, — дрогнувшим голосом проговорил боцман.

— Поздно дошло до него. — Степан сунул найденную шапку в карман. Теперь они брели еще медленнее, каждый шаг давался им с огромным трудом. Усталость заполнила каждую клеточку тела, и они так долго боролись с ней, что теперь перестали ее ощущать, как давно уже перестали ощущать холод и голод. Они механически переставляли и переставляли ноги, совершенно их не чувствуя. Они боялись остановиться и присесть, — у них уже не хватило бы сил подняться.

Так прошли еще полдня. Шкатов все тяжелее и тяжелее повисал на плечах боцмана, а потом и вовсе остановился. Он стоял, опустив безвольно руки, пошатываясь из стороны в сторону, и глубоко запавшие глаза его отрешенно смотрели перед собой.

— Все, Иван... выдохся... — вяло протянул он.

— Я тебе дам выдохся! — взметнулся боцман.

Но Степан безразлично смотрел на боцмана и ничего не отвечал.

Боцман тряс его, грозил, звал, но все было на-

прасно. Степан молчал. Тогда боцман обнял его и закричал прямо в лицо:

— Ты не имеешь права сдаваться, Степан! Мы ведь с тобой коммунисты, слышишь?

Степан чуть слышно ответил:

— У них тоже есть предел...

— Неправда! Нет такого предела! Помнишь сорок первый? Под Смоленском, Степа! Прижали нас танки к болоту, а у нас — по одной бутылке с бензином. Мы тогда тоже думали, что нам крышка. А ведь комиссар поднялся и пошел им навстречу с бутылкой горючки в руках. И мы все бросились вслед за ним на танки. Не надеялись мы тогда остаться в живых. А ведь пробились с одними бутылками! Ты помнишь, как мы пели в том бою?

И нутужным, сиплым голосом боцман запел:

Вставай, проклятьем заклеянный,
Весь мир голодных и рабов,
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов!

Боцман пел, и глаза у Степана начали светлеть, в них появилось осмысленное выражение; он поднял голову, словно прислушиваясь к далекому зову, и вдруг хриплым шепотом стал подпевать:

Это есть наш последний
И решительный бой...

Страшную картину являли собой эти два моряка — полузамерзшие, обросшие, в обледенелой рваной одежде, на ногах — рукава от фуфаек, они стояли, обнявшись, и пели песню, ставшую гимном коммунистов всех стран мира. Их простуженные, сиплые голоса были едва слышны, но им казалось, что песня громом разносится повсюду и люди слышат ее. Они пели, и песня словно отогревала их души, вливала в них новые силы. Глаза их загорелись огнем, спины распрямились, в голосе появились твердые нотки.

Боцман обнял Степана, и они медленно тронулись в путь, осторожно переступая израненными и обмороженными ногами. На подмерзшем твердом снегу за

ними оставалась частая цепочка ярко алевших следов.

Снова начали подкрадываться сумерки, когда Степан остановился и с трудом заговорил:

— Я не могу больше... лучше конец... — Он пошатнулся и грузно осел на снег.

— Ну, ну, ты брось слюни распускать! — грозно, как ему казалось, закричал боцман. На самом деле он тоже говорил с трудом негромким, простуженным голосом. Он посмотрел на Степана и добавил тихо:

— Степа, пока мы вместе, мы не погибнем. Держись, родной, немного ведь осталось.

Но Степан мотнул головой.

Боцман тоскливо оглянулся вокруг, шагнул к Степану и сел рядом.

— Будем замерзать вместе, — устало проговорил он и опустил голову на колени.

Степан приоткрыл глаза и прошептал:

— Иван... Иди...

Боцман покачал головой:

— Я не дойду один. Пойдем вместе, Степан, вместе, слышишь!

Степан хрипло выдохнул:

— Не могу... Я давно уже ног не чувствую. И голова... целый день сегодня кружится... И гудит часто. Вот опять... гудит... Гудит и гудит... — он сжал голову ладонями и застонал.

А боцман вдруг насторожился и стал всматриваться в небо.

— Гудит. В самом деле гудит! Степа! Это самолет! Нас ищут!

Но Степан покачал головой.

— С утра у меня гудит... А теперь и у тебя...

— Нет, черт возьми! — закричал радостно боцман. — Это самолет!

Он жадно шарил глазами по небу. А гул мотора все приближался. И вдруг из-за вершины невысокой сопки вынырнул вертолет и боком пошел прямо на них.

Страшное возбуждение захватило моряков — они прыгали, махали руками, что-то неистово кричали, и по лицам их катились слезы.

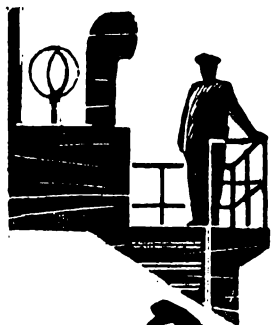
С вертолета заметили их. Машина приземлилась неподалеку. Но после пережитого волнения моряки совсем лишились сил. Они сидели на снегу, молча глотали слезы и смотрели, как от вертолета бежали к ним люди...

...Ритмично, одна за другой подкатываются волны к гранитному утесу. Глухо шипя, они рассыпаются у подножия его белой пеной и медленно отползают назад. Но вдруг море отхлынет от берега, и вот уже вдали вздувается на его поверхности чуть заметный горб. Он бежит к берегу с каждым мигом все быстрее и быстрее, вырастает на глазах, превращаясь в огромный, колыхающийся холм; вот он уже закрыл собой весь горизонт, поднялся грозной стеной перед утесом и, не в силах остановить свой бег, с ревом и грохотом рушится на скалы, разбиваясь в брызги, в пену, и белая водяная пыль словно дымом заволакивает берег, медленно оседая в клокочущий прибой. Укрытый вал стремительными потоками снова возвращается в море, а вслед ему утес еще долго выплевывает из расщелин воду.

А наверху, высоко над этой извечной борьбой моря и скал, стоит маяк и через положенные ему промежутки времени шлет и шлет пучки яркого света в широкую морскую даль. Там, по большой голубой дороге, днем и ночью, и в штиль и в шторм, неторопливо идут океанские корабли. Они проходят мимо маяка и исчезают за горизонтом.

А море шумит и шумит...

НАСТОЯЩИЙ МОРЯК

Тихим августовским вечером на кормовой палубе океанского парохода «Ореанда» сидела группа практикантов из мореходного училища. Тонкими шкертами они старательно оплетали небольшие кранцы. Рядом, на комингсе пятого трюма, удобно устроился судовой боцман Иван Васильевич Задоров, коренастый, плотный мужчина лет сорока пяти. Усталыми глазами он наблюдал за работой курсантов и неторопливо покуривал папиросу.

Глубоко внизу ритмично и глухо рокотал гребной винт, неумоимо перемалывая зеленоватую толщу морской воды, и судно легко бежало вперед. За кормой до самого горизонта тянулся пузырчатый шлейф — недолгий след прошедшего здесь судна. Молчаливая чайка упорно гналась за пароходом, низко паря над кильватерной струей. Иногда чайка камнем падала на воду и тут же взмывала вверх, блеснув пойманной рыбешкой.

По левому борту, милях в трех, тянулся невысокий ровный берег, окаймленный узкой песчаной полосой. Видневшийся вдали лесок казался с судна дремучим и непроходимым. Время от времени на берегу показывались становища — рыбацкие поселки в несколько домов, приютившиеся в устьях небольших речушек.

Нежаркие лучи заходящего солнца вдруг вспыхивали ослепительными молниями, натолкнувшись на окно рыбацкой избы. Легкий ветерок доносил слабые запахи берега и приятно охлаждал загорелые лица моряков.

Увлеченные своим делом, курсанты сосредоточенно трудились, не обращая внимания на тихую прелесть северного летнего вечера.

Дробный перестук шагов донесся на корму со стороны средней надстройки. Боцман насторожился и посмотрел на ходовой мостик.

Вот шум раздался уже ближе, и на ботдеке показалась маленькая щуплая фигурка матроса первого класса Алексея Аленушкина. Ему было всего двадцать лет, но весь комсостав судна, в том числе и боцман, уважительно называли его по имени-отчеству — Алексей Андреевич. Круглое конопатое лицо Аленушкина с чуть вздернутым маленьким носом и озорные с лукавинкой карие глаза так и светились неистребимой жизнерадостностью. Когда он улыбался, то ямочки на щеках, белые ровные зубы, мягкий блеск искрящихся глаз делали его лицо обаятельным.

Матрос вихрем пронесся мимо спасательных вельботов, на секунду остановился у трапа, ведущего

с ботдека на главную палубу, и, легко подпрыгнув, лихо скатился по поручням вниз.

— Привет труженикам пеньки и свайки! — прокричал Аленушкин, подбегая к курсантам. Он подмигнул боцману и наклонился к одному из практикантов:

— Что, брат, свайка никак не лезет в прядь?

Юноша улынулся и кивнул.

— Так она же деревянная! Ты попроси боцмана, — проникновенно продолжал Аленушкин, — у него палец железный, это я точно знаю, он им стальные тросы протыкает.

Курсанты негромко засмеялись, осторожно посматривая на боцмана. А тот, сдерживая улыбку, покачал головой:

— Вроде и взрослый ты стал, Алексей Андреевич, а все дурачишься. Пора бы перестать.

Аленушкин выкатил глаза, щелкнул каблуками и, приложив руку к фуражке, выпалил:

— Рад стараться — перестать!

Все опять засмеялись.

А Аленушкин, весело подмигнув курсантам, подбежал к выпущенному за кормой лагу и четкими движениями быстро выбрал его из воды. Столь же стремительно он уложил лаглинь в аккуратную бухточку, шутливо помахал боцману рукой и убежал обратно на мостик.

Боцман проводил его теплым взглядом и повернулся к курсантам.

— Видали, как надо работать? То-то. Все у него горит в руках, все он делает красиво. Таким и должен быть моряк, ловким, быстрым, умелым и, конечно, веселым.

— Не каждый же рождается таким, — со вздохом ответил один из курсантов.

Боцман посмотрел на него и кивнул:

— Верно, не каждый. Да не в этом дело. Он море любит, по-настоящему любит, вот в чем суть.

— А если бы мы не любили море, то, уж наверное, не пошли бы в мореходку.

Боцман задумчиво покачал головой.

— Тут годы пройдут, пока поймешь, что без моря тебе нет жизни. Алексей тоже не родился моряком. Да что там «родился». Когда он пришел на судно, его целый год, кроме как салажонком, никто и не называл. И имени-то его никто не знал толком. А теперь вон каким отличным моряком стал.

— Это кому как повезет! — бойко выкрикнул сидевший поодаль курсант.

Боцман нахмурился:

— «Повезет». Не дай бог, чтоб так везло, как Алексею. Это неумные люди на «везет» ссылаются. На море, брат, если сам не везешь, то тебе ни в жизнь не повезет, запомни. Так и останешься салажонком и всю жизнь будешь на подхвате или убежишь на берег. Если вам рассказать историю Алексея... Да на нем места живого нет, вот как ему везло в первый год...

Боцман вернулся на свое место, засопел, разминая в руках новую папиросу, и начал рассказывать.

— Прибыл Аленушкин к нам на судно три года назад. Стояли мы тогда у девятого причала в Мурманском порту, заканчивали последние приготовления к отходу в рейс на остров Вайгач. Дело было уже под осень, погода стояла дождливая, часто штормило. Короче, рейс предстоял нелегкий, тем более что разгрузку на таких островах всегда приходится делать своими силами — там ведь нет ни грузчиков, ни причалов. В таких условиях каждый человек на счету, а у нас двух матросов не хватало по штату.

Перед самым отходом в рейс, смотрю, поднимается по трапу мальчуган, маленький, тощий, одет, прямо скажем, не по сезону: в парусиновом костюме и сандалиях. Поднялся он на борт, положил свой рюкзачок на палубу и стоит молчит, по сторонам пугливо поглядывает. Подошел я к нему, спрашиваю строго:

— Кто такой? Почему без спросу на палубу лезешь?

Паренек торопливо подхватил рюкзак, протянул мне бумажку и сказал чуть слышно:

— Меня послали... Сказали, тут матросов не хватает...

Поглядел я — действительно, все как положено: отдел кадров направляет в распоряжение капитана судна Аленушкина Алексея для использования в качестве матроса второго класса.

Вызвал я старпома к трапу, докладываю: вот, мол, так и так, прибыл новый матрос на судно. Старпом прочитал направление и смотрит на меня.

— Где же матрос?

— Да вот, — говорю, — на трапе пока стоит.

Старпом поглядел на паренька, потом опять на меня и говорит:

— Ты что же, старик, шутки шутить со мной вздумал?

— Никак нет, — говорю, — все как есть правда. Это и есть новый матрос.

Старпом окинул взглядом мальчугана и в сердцах сказал:

— Они там с ума посходили! Это же не детский сад, это пароход! Нам в Арктику идти, а они салажаты шлют!

А мальчуган стоит, слушает и глаз испуганных со старпома не спускает.

Покричал, покричал старпом, а только выхода не было, пришлось зачислить Аленушкина в штат матросом второго класса. Было ему тогда семнадцать лет, и, кроме десятилетки, ничего он еще не видел. Само собой понятно, о матросской работе он имел самое туманное представление.

Вышли в рейс. Идем по заливу, вроде бы и качки нет, а новичок наш весь позеленел, едва ноги передвигает. Вижу, подбежал к борту, отдал рыбам весь свой обед, постонал, помычал, но, однако, снова за работу принялся. Откровенно говоря, это мне понравилось — хоть и страдал тяжко, а от работы не убежал.

Вечером вызвал меня старпом к себе.

— Как там твой салажонок, жив еще?

— Все нормально, — говорю. — Травит, как и положено, до жвака-галса.

— Ты смотри за ним позорче, боцман. Нам его надо живым назад привезти, понял?

— Понял, — отвечаю, — отчего не понять. Доставим назад в лучшем виде.

До острова Вайгач шли мы трое суток. Качало не очень сильно, но Аленушкину туго пришлось. Уж так укачивался он! Одна тень зеленая осталась, ни есть, ни пить не может, глаза мутные стали, то и дело к борту бегал. Совсем было духом упал парень. В таких случаях лекарство одно — работа на палубе, да потяжелее, чтоб забыть и о качке и о болезни своей. Я и прописал ему побольше этого лекарства. Смотрю — парень стал пореже к борту бегать, в глазах живой огонек появился.

На третьи сутки вроде полегче ему стало, привыкать начал к качке. А тут и Вайгач показался. Зашли мы в бухту Восточную, стали на якорь, спустили на воду две моторные шлюпки и начали выгрузку своими силами. Остался на палубе один бессменный вахтенный матрос — Аленушкин наш. Конечно, большой пользы от такого вахтенного матроса не было, да куда же его девать при рейдовой выгрузке? На шлюпку не пошлешь, к лебедке тем более не поставишь. Вот он и бегал от носа судна до кормы, на якорь-цепь посматривал и, как говорится, наблюдал за обстановкой.

Выгружали всю ночь. Под утро первая шлюпка подошла к борту судна. Матрос бросил швартовый фалинь на палубу парохода. Аленушкин замешкался, прозевал момент и только-только успел схватить фалинь за самый кончик.

Ну, прозевал — и ладно, ему бы бросить фалинь, и дело с концом, еще раз подали бы со шлюпки. Только не догадался Аленушкин, не бросил. Вцепился в фалинь обеими руками, пытается удержать шлюпку, да разве удержишь! Шлюпка тяжелая, а быстрое течение так тащит ее вдоль борта судна, что и вдвоем без кнехта не удержать. Ну, значит, течение тащит шлюпку, шлюпка тащит фалинь, а фалинь тащит Аленушкина вдоль борта к корме.

Бежит он по палубе, глаза вытаращил, а бросить фалинь все не догадается. Со шлюпки кричат ему:

— Брось конец, салага чертова! Брось, еще раз подадим!

Только Аленушкин вряд ли в тот момент что слышал.

На кормовой палубе был у нас груз уложен — бочки и пиломатериалы. Здесь было — ни пройти, ни проехать. И когда Аленушкин добежал с фалинем до этого места, он замер было на момент, соображая, что же ему делать теперь. А фалинь-то рвет из рук! Тогда Аленушкин вдруг прыгнул на планшир фальшборта и, не бросая фалиня, побежал по планширу к корме. Мы все так и ахнули. Ведь это все равно что в цирке новичку по канату ходить с закрытыми глазами!

Дальше ясно, что случилось. Шлюпка дернулась на волне, фалинь рывком натянулся, и Аленушкин полетел за борт.

Шуму много наделал, людей перепугал, а еще больше сам напугался. Когда его вытащили из воды, то долго не могли вырвать фалинь из рук — вцепился он в него мертвой хваткой.

Поднялся Аленушкин на палубу, а там старпом стоит, весь кипит от злости.

— Ты что же, такой-сякой и так далее, цирк тут мне устраиваешь?

А Аленушкин стоит, в глазах слезы, отвечает:

— Я забыл...

— Что забыл?

— Про бочки на палубе забыл...

— Бочки! Забыл! — взорвался старпом. — Будь я твой отец, выдрал бы тебя сейчас, чтобы не забывал, где находишься!

Аленушкин покорно кивнул:

— Это точно...

— Что точно? — оторопел старпом.

— Отец бы выдрал...

Старпом круто повернулся и ринулся на мостик. Само собой, от меня Аленушкину тоже попало.

Вечером опять вызвал меня в каюту старпом, говорит:

— Ты мне чтоб его теперь за ручку лично водил

по судну. Придем в Мурманск, сразу спишем на берег, понял?

— Понял, — отвечаю, — как не понять. Только я бы не торопился списывать. Все-таки Аленушкин, — говорю, — теперь, так сказать, боевое крещение получил — опыт уже имеет.

Старпом посмотрел сердито на меня и говорит:

— Вы меня со своими опытами под суд подведете. А ну как утонул бы он, кого к ответу притянут? И не уговаривай, боцман, спишу твоего салажонка.

— Он такой же мой, — говорю, — как и ваш. А паренек смысленный.

Но старпом махнул рукой, и с тем я и ушел.

Поругали тогда Аленушкина крепко и комсомольцы. Чудно было у них на собрании. Сидит Аленушкин в первом ряду, а его спрашивает комсорг:

— Ты знаешь, каким должен быть моряк?

— Конечно, — отвечает Аленушкин, — читал же я Станюковича.

— Тогда в чем дело? Почему у тебя все наоборот получается?

Аленушкин развел руками, вздохнул:

— Я стараюсь...

И так искренне, так жалостно произнес он это, что все собрание расхохоталось. Стали решать, как записать в протокол. Одни кричат: наказать надо, другие — не за что наказывать, сам все поймет. Так и разошлись без всякого решения. Самому предложили выводы сделать.

После Вайгача пошли мы на Новую Землю. Целых три недели шли от Губы Белужьей до Маточкина Шара. Штормило, и приходилось подолгу стоять под разгрузкой в становищах.

За это время Аленушкин окреп. Воздух морской, питание отличное — смотрим, щеки стали у него округляться, и вообще веселее стал чувствовать себя парень. Привык и к качке. И мы стали привыкать к нему. Да и то сказать — он не хныкал никогда, работал безотказно, старших уважал. А однажды удивил всех. Плавал у нас тогда плотником Симков. Он хорошо играл на баяне. И вот как-то вечером сидели

мы в красном уголке, развлекались кто как мог. Симков потихоньку наигрывал разные мелодии на баяне. А когда он заиграл «Прощайте, скалистые горы», Аленушкин восторженно вскрикнул, прислушался — и как запел!

Пел он замечательно. Все побросали свои игры, окружили Аленушкина, слушают. Долго он пел, много песен знал. Голос молодой, чистый, сильный, с переливами, ну, прямо за душу брал всех! За песни полюбила его команда. Такие концерты устраивали по вечерам — заслушаешься! Аленушкин запевал, а мы все с удовольствием подтягивали. И, как бы вам сказать, от песен этих, что ли, помягче становились люди на пароходе, душевней как-то...

Боцман помолчал, раскурил папиросу и продолжал:

— Через месяц вернулись мы в Мурманск. На полубаке у нас на швартовках третий помощник капитана командовал. Когда подошли к причалу, он приказал подать швартовый конец на берег. Матросы были уже наготове, конец тут же был подан и закреплен на береговую тумбу. И вдруг неожиданно капитан дал ход вперед и скомандовал убрать конец. Что уж там стряслось — не знаю, только судно быстро пошло вперед и поданный на берег швартовый конец стал стремительно разматываться с вьюшки. В таком положении что можно сделать? Ничего.

Пароход идет все быстрее, швартовый конец со свистом слетает с вьюшки, искры так и сыплются кругом. Третий помощник кричит: «Полундра! Долой с полубака!» И как назло, в этот момент что-то заело на вьюшке. А пароход-то летит вперед и, конечно, вьюшку тут же с корнем вырвало из гнезда и потащило к клюзу. По пути вьюшкой зацепило паропровод на брашпиль и оборвало его. Пар с ревом ударил струей на полубак. Все успели отбежать, а Аленушкин, ошеломленный случившимся, промедлил. Струя пара ударила ему прямо в ноги.

Оттащили мы его с полубака, а он лежит, лицо белое как полотно, и виновато смотрит на всех. Всю правую ногу ему обварило, кожа клочьями висела.

Старпом перепугался — ведь с него же спрос за технику безопасности на судне, — мажет Аленушкину эмульсией ногу, а сам ругается на чем свет стоит.

Ну, вызвали «Скорую помощь» и отправили Аленушкина в больницу. Когда понесли его с борта, он попросил старпома подойти и говорит:

— Простите меня, товарищ старпом, такой уж, видно, я невезучий. — Тут он отвернулся и вроде как бы и заплакал. От обиды, конечно, что так не везет ему. А потом робко попросил, чтобы не списывали его с судна. Старпом наш хоть и шумливый был мужик, но понял, что не следует добивать парня. Подзывает он меня и говорит строго:

— Боцман, у этого парня кожа с одной ноги уже содрана. Так вот, когда вернется он из больницы, сдирай с него хоть всю остальную, но чтоб матроса мне сделал из него, понял?

— Так точно, — говорю, — понял. Сдерем и остальную.

Аленушкин весь так и засветился радостью. Настроение у него поднялось, глаза заблестели. Засмеялся он и говорит:

— Да хоть две сдирайте, только не списывайте!

Ушли в очередной рейс, а Аленушкин остался в больнице. Но к нашему возвращению в порт нога у парня зажила, и он вернулся на судно.

Встретили мы его приветливо, по-хорошему. Правда, разным шуточкам в его адрес конца не было. Особенно кок всех рассмешил — он приготовил к обеду блюдо под названием «беф-Аленушкин», объяснив всем, что мясо приготовлено по опыту Аленушкина, то есть сначала было вымочено в соленой воде, а затем отварено на пару.

Боцман скупой улыбнулся, помолчал и, почувствовав, что заинтересовал курсантов своим рассказом, продолжал:

— А потом пошли мы в рейс на остров Шпицберген. На твиндеке второго трюма был закреплен у нас груз-тяжеловес — огромный железный ящик весом в семь тонн. Дошли до мыса Нордкап и легли курсом на остров Шпицберген. А ночью задул ветер от норд-

веста, да так разошелся, что к утру заревел на все двенадцать баллов. Тьма наступила кромешная — не понять было, где небо, а где море, все смешалось, кругом вода. Большие ли были волны — не скажу, в темноте трудно было рассмотреть их, но только начало нас жестоко. Иной раз, как говорится, трубой черпали воду. Но старушка наша выносливой оказалась — один мостик торчал, весь корпус под водой, а «Ореанда» шла и шла помаленьку вперед. Правда, ход был полторы-две мили в час, но все-таки вперед шли, не назад.

На третьи сутки ударом волны разнесло в щепки спасательные вельботы левого борта. А сколько раз волны разбивали двери в надстройках — и счет тому потеряли. Все время аврал за авралом у нас шел, матросы измучились вконец.

Беда стряслась на пятые сутки, когда волна почти совсем положила «Ореанду» на правый борт. В районе второго трюма вдруг раздался страшный грохот, а затем такой тяжкий удар в правый борт, что все судно вздрогнуло, легло на правый борт, да так и осталось лежать на боку. Крен был градусов двадцать. Сыграли тревогу, и мы бросились в твиндек второго трюма.

Случилось самое страшное — тяжеловес оборвал все крепления и ударил в правый борт. Железная громадина лежала у борта, создавая крен, а мы с ужасом прикидывали, что будет, когда волна положит судно на другой борт. Тогда ничто не остановит эту махину! Такую дыру разворотит, что все море через нее ворвется в трюм.

Ну, понятно, подгонять никого не требовалось, все понимали, что спасение наше — в быстроте. Сумеем вовремя расклинить, закрепить этот ящик — значит еще поплаваем, не сумеем — дело плохо будет. А как расклинить? Крен большой, сами еле ходим, а надо еще и аварийные брусья тащить. Только успели три бруса укрепить, как судно начало медленно переваливаться. Тяжеловес дрогнул и пополз на нас. Не сумели мы брусья завести как следует...

Крен все увеличивался, и огромная железная ко-

робка в семь тонн весом со скрежетом и визгом ползла к левому борту. Старпом понял, что ничего теперь не сделать и надо скорее спасти матросов. Он крикнул что было сил:

— Полундра! Пошли все из трюма! Быстро!

И вдруг вижу, от кучки матросов отделилась маленькая фигурка и бросилась к брусью, прямо навстречу ползущей громаде.

Все в ужасе закричали:

— Назад! Назад, салага чертова, задавит!

Казалось, ничто уже не предотвратит несчастье — эта махина в лепешку раздавит салажонка. Старпом застонал и схватился в ужасе за голову.

Аленушкин же подскочил к аварийному брусу, с трудом приподнял один конец его и, как копье, направил навстречу тяжеловесу.

Конечно, не спасло бы это парня, брус переломился бы, как спичка. Да, видать, в рубашке родился наш моряк. Судно перестало заваливать, тяжеловес не успел разогнаться и, ткнувшись в поднятый Аленушкиным брус, замер посередине твиндека.

Ну, тут уж мы не упустили момента — матросы ринулись вперед и в одно мгновение расклинили тяжеловес. Остальное доделали быстро — через полчаса ящик был закреплен намертво. И только тогда вспомнили об Аленушкине. Видим, стоит он у выхода из трюма, весь дрожит и никак прикурить папиросу не может.

Окружили мы его, дали раскуренную папиросу и стоим смотрим, как Аленушкин курит. Не курил ведь до этого парень. А он прокашлялся, поглядел на нас и говорит сердито:

— Что вы на меня уставились? Не видали, что ли?

Спрашиваем его, как же это он не побоялся, ведь убить могло. А он только застенчиво улыбнулся и развел руками:

— Сам не знаю... Надо же кому-то было... Я потом испугался, когда уже все кончилось, вот до сих пор коленки дрожат.

Что ж, у любого задрожат после такого дела, главное, что в нужный момент они у него не дрог-

нули. Вот тогда, думаю я, парень и стал настоящим моряком, когда почувствовал в себе силу встать против стихии.

Благодарность Аленушкину капитан объявил, а министр часами именными наградил. В газетах писали про подвиг матроса Аленушкина, по радио рассказывали, а на пионерские сборы и до сих пор приглашают. Только Алексей не зазнался, все такой же, как говорится, душа нараспашку. Надо сказать, что после этого случая и отношение к нему на судне изменилось: уже никто не называл Алексея салажонком, все больше по имени-отчеству стали звать. Ну, да он и заслужил это. Настоящий моряк получился из него, и море любит он по-настоящему...

«Ореанда» шла по широкой полноводной Северной Двине. Впереди вдоль набережной показались белые многоэтажные дома Архангельска. На судне торопливо зазвучали пронзительные сигналы редуна, вызывающие матросов на швартовку.

Боцман озабоченно поднялся и зычно скомандовал:

— По местам стоять, на швартовые становиться!

Он с довольной улыбкой посмотрел вслед разбегавшимся курсантам и быстрым шагом направился на полубак.

СНАБЖЕНЧЕСКИЙ РЕЙС

И так, мне опять не повезло. Понесла меня не легкая в Управление пароходства именно в этот день! Третий год подряд не могу вырваться в отпуск.

Только я зашел в контору, как натолкнулся на начальника отдела кадров Ивана Павловича Мудрова. Он подхватил меня под руку и потащил к себе в кабинет. Усадив в мягкое кресло перед круглым столиком, он шумно уселся рядом и, радостно улыбаясь, предложил закурить «Пол-мол» —

длинные американские сигареты в ярко-алой пачке, терпкие и очень крепкие. Он подождал, пока я размял сигарету, и щелкнул зажигалкой.

— Дорогой мой, я тебя сегодня весь день ищу по всему городу!

«Так я тебе и поверил!» — чуть не вырвалось у меня.

Иван Павлович, попыхивая сигареткой, без устали говорил. Он задавал мне вопросы и сам же на них отвечал, хлопал меня по плечу, по колену, то и дело весело смеялся — словом, вел себя необычно. Я же никак не мог сообразить, что все это значит. Зачем я ему понадобился? А он продолжал:

— Понимаю, понимаю. Два года не был в Союзе, вчера только пришли в порт, и настрой у тебя на отпуск, верно ведь?

Я кивнул.

— Понимаю тебя вполне: лето, денег много, парень молодой, красивый, только и погулять теперь. Нет-нет, я вполне согласен, ты заслужил свой отпуск, отзывы о тебе как о штурмане и о помощнике капитана отличные, и ты у нас на лучшем счету в пародстве...

Я воспользовался паузой и спросил:

— Иван Павлович, я что-то не понимаю, к чему весь этот разговор. Нельзя ли пояснее?

— Пояснее? — Мудров испытующе взглянул на меня. — Можно и пояснее. Вот в чем дело, дорогой товарищ Акимов: придется вам повременить с отпуском.

— Как... повременить? — изумился я.

— Вот так. Вчера мы обсудили предложение о посылке вас старпомом на дизель-электроход «Липецк». Вот и все. Приказ печатается и сегодня будет подписан.

Я возмутился:

— Не может быть этого! Во-первых, мне положен отпуск за три года, во-вторых, я еще вторым-то помощником только полгода плаваю...

Мудров спокойно курил сигарету. Я взглянул в его усталые глаза и осекся — он не слушает меня. И я

понял, что все мои попытки отстоять право на отпуск бесполезны.

Помолчав, он спросил:

— Тебе сколько лет?

— Двадцать шесть.

— Ну вот. Вполне зрелый человек. Сейчас, брат, линия такая — везде молодежь на первый план выдвигается.

— Куда идет «Липецк»? — спросил я.

Мудров отвел глаза в сторону и равнодушно проговорил:

— Рейс обычный. Надо обслужить четыре пункта в Карском море и в море Лаптевых.

Я ужаснулся и вскочил на ноги.

— Снабженческий рейс?

Мудров кивнул:

— Снабженческий...

Боже мой! Вот так порадовали меня! Снабженческий рейс! Я знаю, что это такое. У нас на «Ашхабаде» ходил в такой рейс в прошлом году старпом. Он рассказывал нам, как все это выглядит в действительности. Старпом хороший моряк, это все признают. Но уж если он говорит, что лучше пойдет матросом в загранку, чем старпомом в снабженческий рейс в Арктику, то это что-нибудь да значит. Работа в ледяной воде, ни днем ни ночью нет и минуты покоя, миллион аварий, и за каждую с тебя норовят содрать шкуру — нет уж, благодарю покорно, уважаемый Иван Павлович, плывите туда сами.

Пока я подыскивал веские аргументы, чтобы отказать от рейса, Мудров все говорил и говорил. А я сидел, смотрел на него и с горечью думал: «За дурака, что ли, он меня принимает? Честь, почет... мы тоже кое в чем разбираемся... Не пойду в этот рейс. Ни за что...»

Но я плохо знал нашего начальника отдела кадров. Он слушал мои горячие речи и вежливо улыбался.

— Я буду жаловаться на вас, — устало проговорил я.

А Мудров вдруг обрадовался:

— Отлично! Вот и пойдем сейчас же в партком, и там ты на меня пожалуйся.

— И пойду! — решительно отрезал я.

— Чудненько! Пошли.

Держа меня под руку, словно боясь, что я могу сбежать, Мудров повел меня в партком...

Я искренне и пылко рвался в бой отстаивать свои права. А в парткоме так повернули дело, что я сам же попросил направить меня в этот проклятый рейс! Да еще рад был, что секретарь парткома великодушно согласился не вспоминать мое, как он выразился, «несерьезное поведение».

Спустя полчаса в своем кабинете Мудров вручил мне выписку из приказа по пароходству о назначении старпомом на «Липецк». Затем он облегченно вздохнул и вытер пот со лба.

— Ну, слава богу... Эх, теперь бы на «Сосну» подобрать второго...

— Кто капитаном на «Липецке»?

Мудров поднял голову, взглянул на меня непонимающе, переспросил:

— Капитаном? Где? А-а... на «Липецке»... Бородулин. — И снова уткнулся в свои бумаги.

Я вышел.

Бородулин Илья Гаврилович... «Илья-пророк-громовержец» — так звали его между собой моряки за крутой нрав. Говорили, что у него на судне никто из помощников больше года не задерживался, что служба у него поставлена, как на военном корабле, что... словом, многое про него говорили.

На «Липецк» я перебрался в тот же вечер. Моросил дождик, и настроение у меня было самое мрачное. На палубе «Липецка» не было ни души. Только у парадного трапа мок под дождем вахтенный матрос.

— Стали бы под навес, — посоветовал я ему.

Матрос хмуро взглянул на меня.

— Попробуй отойди от трапа, — проворчал он. — Боцман живьем слопают.

Я направился к капитану. Не могу сказать, что Бородулин обрадовался моему приходу. Высокий,

в меру плотный старик с раздвоенным подбородком и редкими белесыми бровями, он равнодушно выслушал мой рапорт о прибытии в его распоряжение, прочитал направление из отдела кадров и долго бесцеремонно осматривал меня с ног до головы.

Я стоял перед ним и не знал, куда мне деть руки. Мне показалось, что они у меня вдруг стали не по росту длинные. Нет, на самом-то деле руки у меня были нормальные. Но недавно мне пришлось подшить обтрепавшиеся края рукавов кителя. А если рукава коротки, вам всегда кажется, что руки будто в самом деле длинные. И когда капитан на мгновение остановил взгляд на кистях моих рук, я почему-то вдруг сунул их в карманы брюк, почувствовал, что краснею, с досады засунул их поглубже и вызывающе уставился на хмурое лицо Бородулина. А тот, словно не заметив моей дерзкой позы и не предложив сесть, стал задавать вопросы:

- Давно плаваете?
- Третий год.
- Старпомом работали?
- Нет.
- С каботажным плаванием знакомы?
- Нет.
- В Арктику приходилось ходить?
- Нет.

Я начинал злиться. Ужасно неприятно на все вопросы отвечать «нет». Чувствуешь себя беспомощным мальчишкой, которого только что высекли и теперь читают мораль.

А капитан отвернулся к иллюминатору и запыхтел трубкой. Когда он снова взглянул на меня, его глаза были холодными и жесткими.

— Отход в рейс назначен через три дня. Потрудитесь успеть получить все снабжение. Имейте в виду, это вам не заграничье. Здесь не привезут готовенькое к борту, здесь самому надо побегать, — поучал капитан. — Накладные и прочие документы у второго помощника. Завтра в двадцать ноль-ноль доложите мне лично о проделанной работе. — И, помолчав, он спросил: — Имейте ко мне вопросы?

— Нет, не имею, — ответил я.

— Кстати, хотел бы вам напомнить, что моряки в разговоре со старшими никогда руки в карманах не держат. Рекомендую прочитать книгу адмирала Степана Осиповича Макарова. Там на сей счет сказано предельно четко и ясно. Вы свободны. До свиданья.

Руки у меня вдруг сами собой выскочили из карманов и вытянулись по швам. От этого я стал ненавидеть себя еще больше. Сгорая со стыда, я торопливо вышел на палубу.

Да, радости тут будет мало. Как видно, он не будет прощать мне ни малейшего промаха. «Это вам не загранийс», — вспомнил я скрипучий голос капитана. «Старый крокодил, сидит всю жизнь в каботаже и злится на весь свет».

Его хмурая физиономия преследовала меня всю ночь — тыча толстым обкуренным пальцем, он грозно спрашивал меня, маленького, испуганного человечка: «А вы ходили в Арктику?»

Утром я боялся встретиться с капитаном, боялся его голоса, презрительного взгляда и старался не попадаться ему на глаза. Но не было минуты, чтобы я не чувствовал его за своими плечами.

По своей наивности я полагал, что сумею получить все арктическое снабжение для судна в один день; стоит только правильно оформить и завизировать документы — и материалы будут на борту.

Весь первый день ушел на беготню по отделам пароходства. Я носился по этажам управления и ловил подписи, бежал потом на склады пароходства, а ухмыляющиеся кладовщики говорили мне, что этих подписей мало, надо еще завизировать в бухгалтерии. И я летел обратно в пароходство. Путь не маленький — два километра, а транспортом моим были собственные ноги. Вот уж никогда не думал, что на свете есть столько начальников и каждый обязан расписаться на накладной о рукавицах.

Наконец я собрал все документы, позвонил на судно, приказал боцману спустить катер на воду и подойти к складу № 5. «Будем получать снабже-

ние», — обрадованно сказал я. А боцман хмыкнул в ответ что-то неопределенное и положил трубку.

Когда я прибежал на склад, катер уже был там. Я с трудом разыскал заспанного кладовщика.

— Скорей, скорей, дядя, нам некогда, — поторапливал я его. Тот лениво скреб ногтями свою небригую бороду и не торопясь разглядывал документы. Потом собрал их в кучу и вернул мне.

— Не пойдет.

— Что не пойдет?

— Нет визы Иван Ивановича.

— Какого еще Иван Ивановича?

— Завскладом нашим, понятно? Он тут царь, бог и воинский начальник. Старпому надо бы знать порядки.

Я готов был зареветь от злости. Весь день бегал как угорелый, вызвал людей, катер, собрал все подписи, и вот все мои старания оказались напрасными. «Нет визы Иван Ивановича». Да черт его знал, что он существует, такой Иван Иванович!

Я растерянно переводил взгляд с кладовщика на боцмана, на матросов, видел их ухмылки и... не знал, что делать.

— Что же теперь? — проговорил я.

— Приходите завтра. Он будет тут к обеду, — буркнул кладовщик.

Я не выдержал, начал кричать на него. А кладовщик отпихнул меня от двери и укоризненно сказал:

— Чего глотку дерешь? Слыхали мы эти песни, не испугаешь. Сказано нет, значит нет.

Обратно мы ехали на катере молча. Я понимал, что в глазах боцмана и матросов мой авторитет теперь подорван основательно. Они, наверное, втихомолку смеются сейчас надо мной...

К капитану я попал на доклад лишь в одиннадцатом часу вечера. Он сидел на диванчике, в новеньком парадном костюме с нашивками до локтей и дырил трубкой. Как только я вошел, капитан снял с руки часы и протянул их мне.

— Потрудитесь посмотреть, который сейчас час.

— Двадцать два часа двадцать минут, — подавленно ответил я.

— А вы должны были явиться ко мне в двадцать ноль-ноль.

— Да, но...

— Никаких «но». Я сижу и жду вас два с половиной часа, хоть у меня были несколько иные планы на этот вечер.

— Зачем же вы сидели? Я же никуда не убегу, — вырвалось у меня.

— Затем, — опять заскрипел голос капитана, — чтобы разъяснить вам то простое положение, что моряк обязан быть точным и аккуратным, наконец, элементарно дисциплинированным.

Я готов был провалиться сквозь землю, мне было стыдно и вместе с тем во мне кипела злость на капитана. Ведь он же знает, что я не гулял! А капитан вдруг без всякого перехода сказал:

— Докладывайте, что из снабжения сумели получить сегодня.

Я выдавил из себя:

— Ничего...

— То есть как ничего?

— Так... Я сумел только подписать документы, а получить ничего не успел.

Дальше говорил лишь один капитан. Я опустил голову и молча слушал поток — о нет, не бранных! — гладких, отшлифованных, корректных фраз, в которых капитан выразил свое «недоумение» по поводу решения начальника пароходства послать в ответственный рейс такого «весьма беспечного» молодого человека.

Лучше бы он отругал меня, чем так пилить! Я был совершенно подавлен. «Вас разбаловали заграничниками, но я из вас сделаю моряка», — звучал в моих ушах голос капитана.

На следующее утро, послав боцмана на склад получать материалы, сам я побежал в контору начальника отдела снабжения. Мне надо было добыться и получить спецробу для команды — теплую одежду, сапоги, валенки, шапки, рукавицы, теплые

и брезентовые, шерстяное белье, — специально предназначенную для работы в условиях Арктики. Я составил заявку по всей форме. Но начальник снабжения посмотрел на заявку и вернул.

— Нереально, — сказал он.

Я не понял его.

— Как нереально? Экипаж у нас сорок восемь человек, значит сорок восемь комплектов плюс резерв. Все законно.

Он усмехнулся и покачал головой:

— Молодой человек, есть инструкция министерства, по которой вы можете требовать арктической экипировки лишь на пятьдесят процентов экипажа, и не более. А на «Липецке» должны быть еще старые комплекты.

— Да вы смеетесь! — вскричал я. — Мы идем в снабженческий рейс, там все разгружать самим придется, как же без робы?

— А вот так. Не все же сразу будут работать. Будете чередоваться. Могу дать лишь на тридцать процентов команды.

Меня затрясло от злости.

— Ну, знаете, — я даже начал заикаться от негодования, — если бы такие снабженцы были у наших космонавтов — не видать бы им космоса еще лет пятьдесят.

Начснаб спокойно взглянул на меня и изрек:

— А вот подождите немного. Как начнут в космос караванами отправлять, так и космонавтам срежут нормы снабжения. Освоенный район, скажут. Вот и все. Раньше, скажем в тридцатые годы, и у нас совсем другие нормы были. А сейчас что ж, трасса как трасса...

Но я не дослушал его, забрал свои бумаги и побежал наверх, к начальнику пароходства.

Когда я к нему пробился, наступил уже полдень. Через сутки мы должны были отходить, а я еще ничего не получил. Положение мое было отчаянным.

Начальник пароходства Виктор Андреевич Шилов, еще не старый, сухощавый мужчина с грубыми, твердыми чертами лица, внимательно посмотрел на

меня, налил из графина стакан воды и придвинул ко мне.

— Можег, сначала выпьете воды, товарищ старпом? — предложил он.

Я отмахнулся. Мне не до воды было.

— Я слушаю, — Шилов склонил голову набок.

И вот здесь прорвалось у меня все наболевшее на душе за эти двое суток, и я, торопясь и сбиваясь, принялся рассказывать ему о всех своих горестях, обидах и неурядицах, которые мне пришлось пережить за эти дни. Шилов слушал, внимательно наблюдал за мной, а потом вдруг спросил:

— Так что же вы хотите от меня?

— Извините, — спохватился я, — вот наряды.

Я протянул ему бумаги и продолжал:

— Завтра у нас отход, мы идем в снабженческий рейс, нам самим придется разгружать. Мороз, сырость, ветер, а начальник отдела снабжения дает экипировку лишь на одну треть команды.

Шилов внимательно посмотрел заявку и вызвал начальника отдела.

Тот вошел, взглянул на меня и грустно вздохнул.

— Ты что же, старик, обижаешь молодые кадры? — спросил его Шилов. — Люди идут в Арктику, им придется в ледяной воде работать. Холодно там, а? Как ты думаешь, начснаб? Вот старпом мне все это здорово объяснил.

Начснаб усмехнулся:

— Он и мне это все объяснил. А только где ж я возьму ему столько? Ведь он там понаписал черт знает что, да еще и с запасом. «Кожаные сапоги на меху», — фыркнул начснаб. — Таких у нас сроду и не было.

— Ну, ну, ты не жмись, а помоги человеку.

Шилов что-то коротко черкнул на накладной и передал ее начснабу.

— Ну вот, молодой человек, характер у вас, я вижу, горячий, напористый. Желаю успеха. Идите со стариком и не отступайте от него, пока не получите все, что положено.

Я вышел из кабинета окрыленный.

Арктическую экипировку для экипажа я получил теперь быстро, но, увы, лишь на половину команды. Все же это была моя первая победа.

Вечером, точно в двадцать ноль-ноль — я выдержал этот срок, — минута в минуту, я докладывал капитану о полученном снабжении. Капитан выслушал и сухо заметил:

— Это вы должны были сделать вчера. Опаздываете ровно на сутки.

Старый сыч, поди угоди ему! «Опаздываете ровно на сутки». Педант и сухарь. «Я из вас сделаю моряка», — вспомнил я еще раз его обещание и улыбнулся: боцман, видимо, подражая капитану, тоже кричит на матросов: «Я вас сделаю тонкими, звонкими и прозрачными!» Ну и командочка!

— Вы чему улыбаетесь? — спросил капитан.

— Извините.

— Вам не улыбаться, а выводы делать надо. Рейс в Арктику — это не шутки и не какая-нибудь там граница. Займитесь немедленно проверкой судна. Отходим завтра после полудня.

— Есть, — коротко ответил я.

Наступил час отхода. Буксир оттащил нас на рейд, отцепился и быстро побежал обратно к причалу.

— Малый вперед! — скомандовал капитан.

Я повторил команду и передвинул ручки телеграфа. «Длинь-длинь!» — прозвенел ответ из машинного отделения, и «Липецк» медленно стал набирать скорость.

Отправлялся я в рейс не первый раз, но никогда раньше не испытывал такого волнения. Я не мог спокойно стоять на одном месте и нетерпеливо переходил с одного крыла мостика на другой, зорко следя за капитаном. Он стоял на правом крыле, повернувшись лицом к причалам. Крупные руки его в черных кожаных перчатках недвижно лежали на планшире, и сам он, большой и грузный, одетый в тщательно отутюженную парадную форму, стоял не шелохнувшись. Чуть в стороне так же молча стояли второй и третий помощники.

— Дать прощальные гудки! — не поворачивая головы, отчеканил капитан.

Я взялся обеими руками за широкое, обшитое кожей кольцо, свисавшее на короткой медной цепочке в центре рулевой рубки, и изо всех сил потянул его на себя.

Это был настоящий морской гудок. Сначала слышалось глухое шипение где-то позади рубки, затем в этом шипении стали нарастать басовые ноты, стекла в рубке вдруг мелко задрожали, и донесся густой, рокочущий, низкого тембра долгий звук гудка. Он не был оглушительно громким, но в нем слышалась такая мощь, что у меня даже мурашки побежали по спине. Такие гудки бывают только у настоящих океанских лайнеров.

Три протяжных гудка солидно прозвучали над притихшим заливом. После короткого молчания загудели в ответ корабли у причалов. Я отвечал каждому.

Прощальная переключка гудков на рейде каждый раз тревожит мне душу. Почему-то всегда кажется, что в эти минуты на нас смотрит весь порт и все люди на улицах города, заслышав гудки, останавливаются и провожают глазами уходящее судно.

— Штурман! Дайте полный вперед! — резкий голос капитана вернул меня к действительности.

Я поспешно бросился к машинному телеграфу.

Из залива мы вышли в открытое море через три часа. Все это время капитан стоял на крыле мостика. Я только выполнял его команды и старался вовремя отметить каждый поворот, каждый траверз маяка в черновике судового журнала. За всю вахту я не услышал от капитана ни одного лишнего слова. Молчаливый и недоступный, он стоял на мостике, не обращая на меня никакого внимания. А мне казалось, что он видит каждое мое неловкое движение, каждый мой шаг, и от этого я чувствовал себя неуверенно.

Когда я сдал вахту третьему штурману и спустился в свою каюту, то почувствовал страшную усталость. Я не в состоянии был даже сходить

в кают-компанию поужинать и, едва добравшись до койки, уснул как убитый.

В предтоходной сутолоке я как-то не обратил внимания на молодую камбузницу Тамару Кузько. На судне называли ее «вечно сияющей» за веселый нрав, общительность и постоянную улыбку на лице. Она была молода, энергична, правда, на мой взгляд, излишне озорна. А на судне было сорок семь мужчин, все молодые, здоровые, веселые... И я заметил, что у камбуза всегда толпились свободные от вахты моряки. Оттуда слышался смех, возгласы, а иногда доносился пронзительный визг Тамары.

Мы спокойно шли курсом на Диксон. Вахта сменялась за вахтой, каждый вечер в кают-компании крутили фильмы, старые и новые, а в красном уголке продолжалась нескончаемая игра в «козла» — в домино.

И вдруг однажды в полдень капитан вызвал меня к себе в каюту. Я шел, стараясь вспомнить свои упущения за последние дни, и не мог найти ничего особенно страшного.

— Садитесь, товарищ старший помощник, — кивнул мне капитан.

Я сел. Капитан попыхтел трубкой — он всегда напускал дыму, когда хотел кого-либо отчитать.

— Вы следите за жизнью на судне? — спросил он.

— Стараюсь, — ответил я.

— Плохо стараетесь.

Я пожал плечами.

— Да, плохо. Вы знаете, что у нас на судне есть камбузница Кузько?

— Конечно.

— А чем она занимается?

— Помогает готовить пищу, моет посуду.

— А вам известно, уважаемый товарищ старший помощник, что она неправильно ведет себя в быту?

— Н-нет, — выдавил я и с тревогой уставился на капитана. На что он намекает?

— Так вот, ставлю в известность, что в каюту к камбузнице Кузько ходит непонятно зачем электромеханик Валдаев. И я требую, чтобы был прекращен этот кабак на судне. С парторгом я уже говорил, он примет свои меры, но старпом здесь вы, с вас и будет спрос.

Я вышел от капитана в недоумении. Какие могут быть отношения у Кузько с Валдаевым, человеком женатым? И что же я должен делать? «Прекратите этот кабак на судне». Как я его прекращу?

Вечером я вызвал к себе в каюту Валдаева. Он вошел, весело посмотрел на меня и воскликнул:

— Что заставило старшего штурмана заинтересоваться электромеханической частью?

Я молчал. Я не предлагал ему сесть, но он сам удобно устроился в кресле. Я смотрел на него и думал, что нет, не может этого быть, капитан ошибся: ну что может быть общего у этого пожилого человека с Тамарой, то есть с Кузько? А если капитан прав?..

— Я жду вопросов, Сергей Акимович, — подал голос Валдаев.

— Слушайте, Валдаев, у меня имеются сведения о том, что вы постоянный гость в каюте у камбузницы Кузько. Это верно?

Он расхохотался.

— А что, недурна девочка?

Злость закипела у меня в груди. Эти нахальные глаза, этот развязный тон... Нет, не верю!

— Вы же женатый человек, Валдаев, как можно так вести себя?

— А кто сказал, что я холостой? Я же не жениться собираюсь на ней.

У меня чертики запрыгали в глазах от лютого желания ударить по этой наглой физиономии, я в бешенстве стукнул кулаком по столу и заорал на него:

— Прекратите! Имейте в виду, пока я здесь старпомом, не позволю разводить кабак на судне, понятно? И жене вашей сообщу отдельно письмом о вашем поведении.

Лицо Валдаева странно задергалось и побледне-

ло. Он встал с кресла и заговорил уже совсем другим тоном:

— Сергей Акимович, вы меня не так поняли. Я пошутил. Зачем же сразу «письмо жене» и так далее?

Я не стал его слушать.

— Предупреждаю, Валдаев, если еще раз я увижу вас у Кузько, письмо вашей жене будет послано немедленно, а ваше поведение обсудим на судовом собрании. Хорошенько это поймите. И шутки шутить со мной не советую.

Когда он ушел, меня трясло как в лихорадке. Но какова Тамара... то есть Кузько, как же она может принимать ухаживания женатого человека? Вот женщины, поди пойми их! А мне предстоял еще разговор с ней. Это было достаточно неприятно. Но одно воспоминание о беседе с капитаном подстегивало меня немедленно довести дело до конца. И я вызвал к себе Кузько.

Она стояла в дверях и, лукаво улыбаясь, посматривала на меня. А я молчал. Молчал, как дурак! Я не знал, что ей сказать.

— Ну, — певучим голосом протянула она, — я пришла.

— Вижу, — сухо ответил я. — У меня официальный разговор.

— О чем?

— О недостатках в вашем поведении.

— Какие же это недостатки обнаружились у меня?

— К вам в каюту ходят мужчины.

— Ну и что? И вы можете зайти.

Я упорно старался не смотреть на нее и бубнил:

— Не положено по уставу, чтобы в каюту к женщине входил мужчина и оставался там.

Она повела плечами.

— Так прикажите им не ходить.

Она не спускала с меня своих смеющихся глаз и, конечно, видела мое смущение. Я это понимал, но ничего поделать с собой не мог.

— Да и то сказать, — усмехнулась она, — хо-

дят-то все старики. А молодые у нас какие-то нелюбимые, очень уж сердитые, — Кузько вдруг прыснула смехом: — Ой, у вас на щеках пятна красные, как у девушки!

Взъяренный, я пулей вылетел из каюты и ринулся к капитану. Как смеет она так говорить со мной! Не дожидаясь ответа на стук, я открыл дверь и, задышавшись, выпалил:

— Прошу уволить меня от бесед с этой девицей.

Капитан холодно посмотрел на меня.

— Потрудитесь успокоиться. Вы старпом или мокрая тряпка? Идите и выполняйте свои обязанности.

Я выскочил обратно как ошпаренный. «Вот крокодил! — скрежетал я зубами. — «Вы старпом или мокрая тряпка...» А вы кто — человек или бом-брам-стенъга?»

Через сутки мы пришли на рейд острова Диксон, уточнили ледовую обстановку и после короткой стоянки направились к первой точке. Точка эта называлась островом Уединения и лежала далеко-далеко на севере Карского моря. Все эти дни я внимательно присматривался к поведению Кузько. На Валдаева моя беседа подействовала, он теперь и близко не подходил к Тамаре. А вот другие по-прежнему осаждали камбуз, шутили и старались ухаживать за камбузницей. По-моему, кое-кто уж слишком вольно вел себя с девушкой. Не мог же я пригрозить каждому написать письмо жене, к тому же не все имели жен.

Но вот беда: чем чаще я видел Тамару, тем больше меня тянуло к ней. Мне хотелось пошутить с ней, как шутят и все остальные, посмеяться вместе, но ничего у меня не получалось. Едва я подходил к камбузу, как она становилась серьезной и такой вежливой, что слова застревали в горле. Наверное, я казался ей смешным. А мне было совсем не смешно.

Мы стояли на рейде острова Уединения и выгружались. По вечерам я обычно обходил судно, осматривал палубу и помещения. И вот однажды, подойдя к камбузу, я услышал какую-то возню за дымовой трубой. Заглянув, я увидел, что матрос Поликанов, молодой здоровенный детина, обнял Кузько и, как мне

показалось, старался ее поцеловать. Она смеялась и колотила его по плечам, но он не замечал этих ударов. Я рванул Поликанова за плечо и крикнул:

— Вы чем тут занимаетесь?

Поликанов отпрянул от девушки и смущенно затоптался на месте. Я услышал, как Кузько сердито пробормотала:

— Черт противный, опять лезет...

Сердце у меня упало. Кому она это говорила? Мне или матросу? Я выпрямился и, стараясь говорить спокойно, приказал Поликанову идти на шлюпку.

— А с вами у меня будет особый разговор, — сухо бросил я камбузнице. — Через полчаса зайдите ко мне.

Не оборачиваясь, я быстро пошел к себе.

Она пришла через час. Я не стал спрашивать ее о причинах опоздания, мне было не до этого. Внутри у меня все горело. Тамара встала у двери и спокойно смотрела на меня своими глазами. Я отвел взгляд в сторону и спросил срывающимся голосом:

— Почему вы позволяете им так обращаться с собой?

— Как это «так»?

— Не притворяйтесь. Прекрасно понимаете, о чем я говорю.

— А вам какое дело?

Я смотрел на нее и, кроме этих огромных ее глаз, ничего не видел.

— А вам какое дело? — повторила она и вдруг потупила глаза. Вызывающая улыбка сбежала с ее лица, и она прошептала:

— Я пойду... я лучше пойду... к себе...

Я сиплым голосом пробормотал:

— Конечно, идите... идите...

Я едва сдержал себя. Для нее я должен быть здесь только старпомом.

Она, наверное, кое-что поняла. И пусть! Но что же теперь делать? Этот вопрос не давал мне покоя. А ответа у меня не было.

После острова Уединения мы «обслужили», как записано в судовом журнале, два пункта у пролива

Вилькицкого. Здесь было труднее. Подули ветры, потянулись по морю льдины. Берега у островов были отмелые, и выгружать шлюпки приходилось далеко от берега. Надо было поторапливаться, а вода была ледяная, и запасной робы у нас не было. Мы не успевали ее сушить, и матросы натягивали спецовку на себя совсем сырую. Но удивительно — никто не болел. Говорят, в Арктике воздух такой чистый и так проморожен, что ни одной бактерии нет. Снабженцам от нас доставалось крепко. Мы вспоминали их денно и нощно и кляли их так, как только могут клясть моряки. Но легче нам от этого не было. Капитан все эти дни был не в духе. Каждый день он доставал из своих запасов бутылки со спиртом и приказывал налить всем, кто участвует в разгрузке, по чарке. Это помогало. За это я могу поручиться, потому что тоже таскал проклятые мешки по пояс в воде и пил капитанский спирт.

Наступил конец сентября, а нам еще предстояло идти к одному островку в море Лаптевых. Задули нордовые ветры, и льда в проливе Вилькицкого становилось все больше и больше. За ночь легкий морозец покрывал все море «блинами» — молодым ледком. И тут из Москвы пришла радиограмма: «Во что бы то ни стало обеспечить завоз груза на последнюю точку». Это значило — хоть сами зимуйте. И мы пошли в море Лаптевых.

Капитан почти не спускался с мостика. Не уходил он и на моей вахте. В кожаном реглане на меховой подкладке, в шапке и теплых ботинках, он неподвижно стоял в рулевой рубке и молча смотрел вперед в раскрытое окно. Только однажды, когда я заступил на первую свою ходовую вахту во льдах, он угрюмо предупредил:

— Старайтесь вести корабль по разводьям. Обходите большие льдины.

Это надо было понимать так: он доверяет вести корабль в такой сложной обстановке мне, своему старпому. Нервы мои были напряжены до предела. Слишком велика была ответственность. К тому же неподвижная фигура капитана, постоянно торчавше-

го на мостике, заставляла волноваться еще больше. Не дай бог сделать промах, дать не ту скорость или скомандовать рулевому не тот поворот — и тогда уже не жди пощады от старика.

Я стоял на крыле мостика, зорко смотрел вперед, выискивая разводья и трещины во льду, подавал команды рулевому и менял ход корабля. Хотя и медленно, все же мы продвигались вперед, на выход к морю Лаптевых. Мне удалось высмотреть покрытое тонким ледком широкое разводье, и я ввел в него корабль. Шли минуты, и мы довольно быстро продвигались среди льдин. Я осмелел и прибавил машине ход. Возможно, я слишком поверил в это разводье, возможно, на какое-то время потерял бдительность и не столь внимательно смотрел вперед. Как бы то ни было, разводье вскоре закончилось массивной ледяной глыбой, неожиданно вставшей прямо по курсу. И вместо того чтобы маневрировать ходами, я стал подавать команды рулевому: «Лево на борт!», «Право на борт!» Но везде, куда ни поворачивал корабль, торчали из воды массивные ледяные глыбы. А машина работала «полный вперед». Мы неминуемо должны были врезаться в одну из этих ледяных скал — и тогда пробоина в борту. По моей вине. Я растерялся и беспомощно взглянул на капитана. А тот, даже не повернув головы, спокойно попыхивая трубкой, негромко сказал:

— Попробуйте отработать машиной назад.

Машина! Как же я забыл про нее? Конечно же, только она сейчас спасет нас!

Я дал полный назад, и судно остановилось у самой льдины, глухо стукнувшись в нее форштевнем. Я глубоко вздохнул, вытер ладонью взмокший лоб и остановил машину. Мне нужно было немного прийти в себя, осмотреться, снова обрести уверенность в своих действиях. Я настороженно ждал капитанского окрика, разноса, грубой ругани. А он молчал и смотрел вперед.

В конце моей вахты мы вышли на чистую воду. Когда я спускался с мостика, сдав вахту третьему штурману, сердце мое ликовало: сегодня впервые ка-

питан не сказал мне ни слова упрека, хоть я и допустил опасный промах. Я ощущал необычайный прилив энергии. Мне хотелось шутить и смеяться. Сегодня впервые я почувствовал себя старшим помощником этого нелюдимого, хмурого, старого капитана. Он даже начинал мне нравиться.

Поужинав, я прошел по палубе и, словно невзначай, остановился у камбуза. Против обыкновения здесь не было ни одного человека. Заглянул в полукруглую дверь. У плиты на табуретке сидела Тамара и задумчиво смотрела на сияющие медные кастрюли. Я готов был стоять так весь вечер. Но Тамара вдруг вздрогнула и обернулась.

— Ой, кто это там?

— Добрый вечер, — приветливо сказал я.

Она испуганно смотрела на меня и молчала. Я чувствовал, что молчать мне сейчас нельзя. Такое молчание будет значить больше многих слов. И я ляпнул первые пришедшие на ум слова:

— Как идут дела?

Она ответила в тон мне:

— Спасибо. Хорошо идут дела.

— С посудой управилась?

— С посудой управилась.

Черт, опять я говорю не то, не эти дурацкие, никому не нужные слова должен я сейчас говорить! Но ничего другого на ум не приходило. Помолчали. Она смотрела себе под ноги, я смотрел на кастрюли.

— Вы со мной, кроме как о грязной посуде, ни о чем больше не можете говорить? — тихо спросила Тамара.

Еще секунда — и я погибну. Но я же старпом, я не имею права! Капитан съест меня живьем, если я поддамся. А что команда скажет? Тот же Валдаев, тот же матрос Поликанов? Все это молнией пронеслось у меня в голове.

— Старпом обязан следить за чистотой на судне, в том числе и за чистотой посуды, — сухо сказал я.

Она взглянула на меня, и бешеный огонек мелькнул в ее глазах.

— Ну, так и следите за посудой, и разговаривайте с кастрюлями, а не со мной.

«Вот и все, — подумалось мне, — теперь я для нее только старпом».

К полудню следующего дня мы пришли на рейд островка и стали на якорь в двух милях от берега — обширная отмель не позволяла подойти ближе. Ветер все усиливался, и потемневшее море глухо стучалось о борт судна. Временами налетали снежные заряды, и тогда все исчезало в белой мгле. У нас не было времени выждать хорошую погоду, и капитан принял решение начинать выгрузку немедленно.

— Вы пойдете на катере. Будете обеспечивать безопасность переходов и выгрузку на берег, — приказал он мне. — Смотрите в оба и следите за сигналами с судна.

— Есть! — по-военному ответил я и пошел на катер.

...Кончались третьи сутки, когда на берег были вытасканы последние мешки с мукой. Мы были мокрые и замерзшие, мы были усталые и злые, мы не говорили нормальными человеческими голосами, а кричали друг на друга. Но никто не обращал на это внимания. И тут ко мне подбежал начальник станции. За ним шли две закутанные в шубы женщины с чемоданами в руках.

— Старпом, возьми женщин с собой на катер. Их надо отправить на материк, им нельзя больше оставаться здесь.

«Ну вот и тут женщины!» — подумал я.

Я не имел права без согласия капитана брать пассажиров на судно и отказал начальнику.

— Ты должен взять их, старпом, — настойчиво твердил начальник станции. — Ваш пароход последний в этом году, а женщины больные.

— Обращайтесь к капитану! — крикнул я ему.

— Я говорил с ним по радио. Капитан сказал: на усмотрение старпома по погодным условиям. Теперь от тебя все зависит.

Хитер старик! «По погодным условиям». Я взглянул на море. Бесконечные ряды волн с глухим шумом

катились к берегу. Тугой, порывистый ветер яростно налетал на их взлохмаченные вершины, срывал белопенную шапку и расстилал ее над морем в длинные полосы брызг. Судна не было видно. Лишь слабенькая красноватая точка прожектора на мостике подтверждала, что оно на месте и ждет нас.

Пожалуй, волнение моря было на все пять баллов. Никакой регистр не разрешил бы спускать наш катер на воду в таких условиях. Нас шестеро. Катер вмещает только четырех человек. А если взять еще двух, да на буксире две шлюпки... Нет, не могу!

Начальник станции тронул меня за руку. Я повернулся. Женщины смотрели на меня. В глазах у них — страх, мольба и полнейшая покорность судьбе.

— Возьми, старпом, — повторил начальник станции. — У них нет другого выхода.

— Но ты же видишь, какое море, — неуверенно начал я. И вдруг неожиданно для себя решил: — А, черт с тобой! Попробуем!

— Ну вот, давно бы так. Садитесь, бабоньки, поедете! — закричал он женщинам.

Легко было сказать «садитесь». Катер стоял метрах в тридцати от берега, и добраться до него можно было, лишь шагая по поясу в воде. Матросы спустили на длинном буксире шлюпку поближе к берегу и на руках перенесли в нее женщин. Затем шлюпку подтянули, и мы перетаскивали наших пассажиров на катер.

Теперь нас было восемь человек. За кормой тянулись на буксире две порожние шлюпки. Сквозь вой ветра доносились частые короткие гудки парохода — нас звали назад, на судно.

Волна и ветер были встречными. Катер тяжело переваливался с одного гребня волны на другой. А волны шли плотным строем, и нос катера то и дело зарывался в них по самую рулевую рубку.

Мы уже не обращали внимания на то, что в рубке было по колено воды. Все молчали и лишь тревожно прислушивались к гулу мотора. Теперь все надежды были на него: если выдержит, не сдаст, значит дойдем до судна. Если не опрокинет — значит будем

живы. На женщин было тяжело смотреть: измученные качкой, они сидели прямо в воде, безучастные ко всему на свете, и тихо стонали. Но помочь им мы ничем не могли.

А идти становилось все тяжелее. Ход тормозили шлюпки: захлестнутые волнами, они держались на поверхности лишь благодаря воздушным ящикам. При других обстоятельствах я не посмел бы обрубить буксир и бросить шлюпки в море, ведь я за них отвечал головой. Но усилился ветер, и катер стало тащить назад — слабенький мотор не справлялся. Иного выхода не было, и мне пришлось дать команду обрубить буксир.

Катер снова медленно пополз вперед с горы на гору. Только теперь болтало его еще сильнее. Мы перетащили женщин в крохотный носовой кубрик и наглухо задраили люк. Я знал, что там им будет гораздо хуже, чем на палубе. Но оставлять их наверху было уже нельзя, в любую минуту их могло смыть за борт.

...К судну нам удалось подойти хорошо, — на откатывающейся волне катер легко привалился к борту парохода и тут же, скрежеща корпусом о борт судна, пополз вверх — из-под днища корабля выкатывалась новая волна; она-то и возносила наш катер. С мостика загремел усиленный мощным динамиком голос капитана:

— Застропить катер, и всем людям по штормтрапу подняться на борт судна!

В суматохе мы позабыли выбросить вдоль борта мягкие кранцы, и теперь катер полз вверх, обдирая краску с железных листов обшивки корабля. Исправлять ошибку было уже некогда.

Матросы изловчились поймать спущенные стропы, набросили и закрепили их на специальных крючках в катере и один по одному вскарабкались по штормтрапу на палубу «Липецка».

Я оставался на палубе катера один. Волны мерно вздымали и опускали его у борта судна и временами тяжело стучали об обшивку парохода. Медлить было нельзя. Я делал отчаянные знаки и орал истошным

голосом: «Вира!» Но никто не слышал моих команд. Все ждали, чтобы я тоже покинул катер. А я не мог. Ведь внутри, в кубрике, были заперты две женщины!

С мостика опять загремел голос капитана:

— В чем дело там, на катере? Почему не идете на борт?

Как я мог покинуть катер, когда в кубрике оставались люди? Но капитан же этого не знает... И матросы с катера почему молчат там, на палубе? Почему не объяснят положение?

Я кричал, подавал знаки, чтобы поднимали катер вместе со мной, но капитан яростно пророкотал в микрофон:

— Немедленно наверх! Выполняйте приказание!

Я выбрался на палубу парохода. И в тот же момент загрохотала лебедка — катер начали поднимать наверх.

Я бросился к боцману.

— Боцман, там две женщины в кубрике остались. Поставь самых лучших лебедчиков.

Он тревожно взглянул на меня и тут же отдал распоряжение.

Мерно грохотали лебедки. Катер, оторвавшись от воды, медленно плыл вверх. Я стоял у борта и не отрываясь смотрел вниз, на катер. В тот момент я никого не видел и ничего не слышал. Только бы не оборвались стропы! Только бы выдержали! А судно раскачивалось с борта на борт, и в такт этой качке медленно плывущий наверх катер то отходил от борта парохода, то глухо стучался об него.

Когда днище катера поднялось над фальшбортом корабля, большая волна вдруг резко положила пароход на подветренный борт. Висящий в воздухе на стропях катер стремительно отлетел от парохода и замер на мгновение. Судно начало переваливаться на другой борт, и катер устремился к судну. Теперь он был словно маятник. Остановить его было невозможно, пока он не завершит свою гигантскую амплитуду. Сейчас он пролетит над палубой, перелетит на другой борт, и тогда... И тогда конец. Стropы не выдержат такой резкой перегрузки... А ведь там, в кубри-

ке, люди, и это я запер их как в мышеловке, это по моей вине они сейчас погибнут.

Не отрывая взгляда от катера, я поднял руку:

— На лебедках! Внимание!

Надо было точно уловить тот единственный миг, когда можно будет подать команду «майна!». Мне нельзя было ошибиться.

Едва только нос катера вышел над фальшбортом корабля, я повернулся к лебедкам и рывкнул:

— Майна!

На «Липецке» всегда были хорошие лебедчики, отличные лебедчики. Открыв клапаны на полный ход, они не опустили, нет, они бросили катер вниз, и он, перелетев над люком трюма, с грохотом и треском бухнул на палубу, у противоположного борта.

Я вытер рукавом пот со лба. Руки у меня тряслись, меня знобило, и я ничего не видел, кроме этого брошенного на палубу катера. Я вдруг почувствовал неодолимую усталость во всем теле... Промедли лебедчики долю секунды, и катер не попал бы на палубу...

Привалившись к переборке, я тупо смотрел на катер, на матросов, что-то кричавших мне, и никак не мог понять, чего им от меня надо. Мне страшно хотелось опуститься прямо на палубу и уснуть.

Кто-то тронул меня за плечо, и я услышал знакомый, чуть хриловатый голос:

— Закури, Акимыч. Здорово сработано.

Передо мной стоял боцман и протягивал мне раскуренную папиросу. Его всегда недовольные, колющие глаза сейчас смотрели на меня с непривычной добротой. Я жадно затянулся дымом.

— Иди отдохни, Акимыч. Теперь нам ясно, что тут надо делать. Не беспокойся, все будет в лучшем виде.

«Теперь нам ясно, что тут надо делать...» Милый мой боцман, старый ты скрипун! Я готов был расцеловать его небритое, грязное лицо. Да разве я не знаю, что тебе и раньше все было абсолютно ясно?

Медленно поплелся я в свою каюту. Мне стоило больших трудов добрести до нее. Ноги стали как чугунные и не слушались меня. Обессиленный, прямо

в одежде я повалился на койку и лежал лицом к переборке в каком-то оцепенении.

В дверь громко постучали. Я не ответил.

В наступившей тишине послышался тихий плеск воды. «Вода... Откуда здесь вода?» — с трудом сообщал я сквозь дремоту. Вдруг пальцам рук стало холодно. И я догадался, что вода выливается из моих сапог и, наверное, течет ручейком по одеялу. Но я даже не пошевелился.

Скрипнула дверь. Было слышно, как кто-то вошел в каюту. Я равнодушно ждал, что будет дальше. Мне было все равно. И вдруг послышалось робкое, испуганное:

— Сергей Акимович!

Я стремительно повернулся. В каюте стояла Тамара. Я стал поспешно застегивать пуговицы своей стеганой фуфайки и никак не мог застегнуть — деревянные пальцы никак не могли справиться с гладкими круглыми кусочками пластмассы.

— Не надо, не вставайте!

Тамара шла ко мне.

— Сергей Акимович... Я... — Тамара остановилась посередине каюты.

И снова стук в дверь! Тамара беспомощно взглянула на меня и поспешно села на диван, испуганная и сразу посерьезневшая. Я приподнялся.

— Да, да, войдите.

В дверях стоял капитан.

Мне сразу стало жарко, и я вскочил на ноги.

— Простите, Илья Гаврилович. Я... я...

Капитан сделал вид, что не заметил Тамары.

— Ничего, лежите. Это пройдет. Я советую вам принять горячий душ и хорошо выспаться, Сергей Акимович. — Это в первый раз он назвал меня по имени-отчеству! — Вашу вахту с четырех до восьми я отстою сам. Вы отдыхайте. Спокойной ночи.

И капитан ушел.

Тамара всплеснула руками.

— Ой, что теперь будет! — прошептала она и кинулась к выходу.

Я рванулся за ней, но Тамара уже выбежала из каюты и захлопнула за собой дверь.

...Я еще долго стоял у иллюминатора, смотрел, как волны бились о его толстое стекло и широкими струями стекали обратно в море. Странно, но теперь я не ощущал усталости. Весь был переполнен радостью, ожиданием чего-то необычного.

Снизу доносились ритмичные вздохи работающей машины. «Липецк» шел на запад, к проливу Вилькицкого. Там нас ожидает ледокол. Он проведет нас к Диксону, а оттуда рукой подать до Мурманска...

Вот и кончился мой снабженческий рейс. Не будет больше выгрузок «своими силами»; не надо натягивать на себя не успевшую просохнуть робу и таскать по пояс в воде тяжеленные мешки и ящики; позади беспокойные бессонные ночи, когда не хватает времени, а море штормит, а груз надо вывезти на берег во что бы то ни стало, и приходится принимать самые рискованные решения...

А мне жаль, что все это уже позади; мне жаль расставаться с кораблем, с моими товарищами по рейсу, с редкими, крохотными островками, к которым ближе чем на две мили судно подойти не может; жаль этого хмурого низкого неба; мне жаль расставаться с Арктикой...

На толстое стекло иллюминатора начали опускаться лохматые хлопья снега. Одиночные пушистые снежинки робко касались стекла и тут же пропадали, превращаясь в тонкую струйку воды. Но снег повалил гуще, и вот уже все стекло оказалось залепленным толстым слоем. Ну что ж, до свиданья, Арктика! До следующего лета!

КРУТАЯ ВОЛНА

Все лето дул холодный, резкий норд-ост. Кончался сентябрь, а льды в бухте так и не разошлись. От ветра ледяные поля крошились и с треском лопались. Повсюду громоздились бесформенные груды торосов.

На берегу бухты стояла невысокая худенькая девушка с кроткими голубыми глазами и долго смотрела на ледяной хаос. Потом она грустно вздохнула и поднялась на пригорок. Там стоял маленький домик с радиомачтой. А через час она торопливо

бежала вниз, где у самого берега бухты зябко жались к земле три рубленых домика полярной станции. Рывком распахнув дверь, девушка вбежала в столовую зимовки, или, как ее называют, кают-компанию. Здесь обычно проводили свое свободное время зимовщики. И сейчас в просторной комнате сидели две пары шахматистов. Начальник станции Тимофей Иванович Крылов, пожилой, плотный мужчина с большими залысинами на лбу и с крупным рябоватым лицом, сидел в кресле и задумчиво посасывал потухшую трубку. Несколько болельщиков молча следили за игрой.

Девушка обвела всех сияющими глазами и воскликнула:

— Товарищи! Слушайте, какую я радиogramму приняла сейчас с Диксона! — И, четко выговаривая слова, она торжественно прочитала: — «Вам вышел ледокольный пароход «Прончищев» точка примите меры разгрузке максимально короткий срок точка».

Шахматисты на мгновение подняли головы, равнодушно посмотрели вокруг и снова склонились над досками. Метеоролог Петя Заиграев, коренастый парень лет двадцати пяти, с толстыми добрыми губами и сонным взглядом сероватых глаз, подошел, взял из рук девушки синенькую полоску радиogramмы, прочитал вслух еще раз и вернул обратно.

— Сколько уж таких «грамм» ты приняла за лето? — спросил он.

Девушка непонимающе смотрела на него.

— Это пятая. Но при чем здесь прежние?

— А при том. Этот тоже потолкается во льдах, да и назад. А мы тут должны нервную систему себе устраивать ожиданием.

— Но это же «Прончищев»!

— Ну и что?

— «Прончищев» пробьется! — упрямо повторила девушка.

— Ты так уверена?

В сонных глазах метеоролога мелькнула живая искорка. Он повернулся к сидевшим в комнате зимовщикам и, подмигнув, внушительно произнес:

— Слышали? «Прончищев» пробьется! А почему? А-а... ну то-то!

Все засмеялись.

Девушка покраснела и, сердито взглянув на метеоролога, сказала:

— Как не стыдно тебе, Петр! Вовсе не поэтому, а потому, что у «Прончищева» ледовая обшивка.

— Вот я и говорю... ледовая обшивка... только сидит она в машине парохода, — Заиграев дружелюбно подмигнул девушке.

Тимофей Иванович подозвал ее и взял радиogramму.

— Похоже на то, что действительно пробьется, — спокойно сказал он и посмотрел искоса на девушку. — Небось рада?

Девушка смущенно потупила глаза.

Все жители этого крохотного островка, затерянного в холодных просторах Карского моря, знали, что на «Прончищеве» плавает третьим механиком Евгений Цесарский. Таня Маслова, радистка полярной станции, познакомилась с ним летом прошлого года на борту «Прончищева», когда ехала сюда, на зимовку. Всю зиму на остров шли от Цесарского длинные телеграммы. На зимовке любили подшучивать над их «телеграфной» любовью. Особенно допекал Таню метеоролог Петя Заиграев. Когда долго не было телеграмм от Цесарского, он успокаивал Таню.

— Ты не горюй, — говорил он с серьезным видом. — Ваша любовь самая дорогая — шутка ли, каждое слово стоит три копейки! Просто парень всю зарплату уже пустил в эфир, а теперь сидит, сухари жует и ждет полочки.

Таня смеялась вместе со всеми и не обижалась.

После радиogramмы на станции поднялось радостное оживление. Зимовщики пачками писали письма, ремонтировали спуск к морю, очищали от порожней тары склады. Но прошли сутки, вторые, третьи, а парохода все не было. На пятый день радиogramма сообщила, что «Прончищев» застрял во льдах недалеко от острова.

Теперь все зависело от ветра. А он, не ослабевая, дул и дул от норд-оста.

С надеждой и тоской смотрела Таня на ледяные поля, медленно плывшие с севера. Заиграев каждый день грозился бросить свою «проклятую» профессию, из-за которой, мол, его не любят девушки, и обещал Тане:

— Вот погоди, я сделаю тебе такую погодку, что пальчики оближешь. И твой «Прончищев», как по Черному морю, пройдет сюда.

Таня лишь вздыхала в ответ.

И вдруг ветер сменился. За одну ночь он круто зашел к юго-западу и задул порывистыми шквалами, сотрясая стекла в окнах домов зимовки.

Бухта начала постепенно очищаться ото льда.

«Прончищев» пришел на десятые сутки ночью. На острове не спали. Все толпились на берегу и поздравляли друг друга с прибытием первого и, как видно, последнего в этой навигации судна.

Пароход стал на якорь милях в трех от берега: далеко выступающая в море отмель не позволяла подойти ближе.

На берегу стихли.

Вскоре донеслось глухое рокотание мотора, и к острову пристал небольшой катер. На берег выпрыгнул капитан «Прончищева» — Иван Семенович Антуфьев, еще не старый, сухощавый мужчина, с коротенькой прямой трубкой во рту. Он озабоченно поздоровался с зимовщиками, отвел Тимофея Ивановича в сторону и негромко сказал:

— Полчаса назад я получил штормовое предупреждение. Циклон от норд-веста, как обещают, придет сюда часов через пять-шесть.

Тимофей Иванович сразу посерьезнел и деловито спросил:

— Как думаете поступить?

Капитан помолчал и, взглянув в глаза начальника зимовки, спокойно ответил:

— У меня на борту шестьдесят тонн груза для вас. Больше пароходов не будет. Надо успеть.

И они начали обсуждать детали предстоящей работы.

Вслед за капитаном на берег прыгнул с катера моторист. Петя Заиграев лукаво взглянул на стоящую поодаль Таню и провозгласил:

— Главному корреспонденту острова наш пламенный привет! Ребята, это же Женя Цесарский, райская птичка залетела к нам!

Лицо механика расплылось в улыбке. Его окружили и по команде Заиграева принялись качать под общие возгласы и смех.

— Будет вам, медведи белые! Все кости растрясете! — кричал довольный Цесарский. Вырвавшись из цепких рук зимовщиков, он увидел Таню и бросился к ней.

— Таня! — Схватив ее руку, он оглянулся на ребят и вдруг, решившись, обнял девушку.

Кругом притворно закашляли и завистливо задышали.

Таня неловко высвободилась из объятий Цесарского и укоризненно сказала:

— Женя, неудобно, видят же все.

— Ну и пусть видят! — пылко воскликнул Цесарский.

Подошли капитан и начальник зимовки. Тимофей Иванович внимательно оглядел всех и сказал:

— Положение таково, что нельзя терять ни минуты. Начнем разгрузку. На нашей шлюпке пойдут Заиграев, Афонин и Кибирев. Капитан обещает спустить свой вельбот и помочь в разгрузке. Шлюпки будут ходить на буксире у катера. Есть вопросы?

— Есть! — воскликнула Таня. — Разрешите мне быть на катере во время разгрузки.

Тимофей Иванович повернулся к капитану:

— Как, Иван Семенович, разрешим? Только, чур, чтобы твой механик не увез с собой нашу Таню.

Катер со шлюпкой на буксире быстро бежал к стоящему на рейде «Прончищеву». Волны неспеш-

но катились из открытого океана. Катер то взбирался на вершину гребня, то вдруг рывком скатывался к подножию следующего вала. Шлюпка в точности повторяла его маневры.

— А ты, как заправдашняя морячка, не боишься качки. Молодец, Танюша! — повернувшись от штурвала, ласково проговорил Цесарский.

Таня сидела на задней банке и, крепко вцепившись в низкие бортовые релинги, с радостным изумлением смотрела на бесконечные, свинцового цвета волны, которые мерно вздымали и опускали катер.

Улыбнувшись Цесарскому, она сказала:

— Ой, что ты! Я трусиха. А моря боюсь больше всего. Как подумаю, что под нами такая глубина, так голова кружится и скорей на берег хочется, — она засмеялась. — Я, наверное, никогда бы не смогла стать морячкой.

— А женой моряка? — игриво спросил Цесарский.

— Не знаю, — смущенно ответила Таня.

Цесарский перешел на шепот:

— Уедем, Танюша. Я так истосковался. И мама ждет нашей свадьбы, все уже приготовила. Что тебе этот остров? Ты и так уже второй год на нем сидишь. А я не могу больше без тебя.

Таня покачала головой.

— Нет, Женя. Еще год надо работать здесь. Ведь я договор подписала. На меня надеются, а я вдруг...

Она замолчала, а затем, прижавшись лбом к его плечу, тихо закончила:

— Не надо об этом, Женечка. Мне ведь тоже нелегко.

Цесарский осторожно прижался щекой к ее голове. Со шлюпки тотчас донеслись крики и свист. Трое сидевших там ребят шутливо махали кулаками и кричали:

— Эй, полундра!

Таня отпрянула. Цесарский добродушно рассмеялся:

— Вот черти, следят за нами, — и, повернувшись, весело крикнул: — Больше не будем, ладно уж! — и снова стал сосредоточенно смотреть вперед.

Таня озабоченно произнесла:

— Смотри, какая большая зыбь. Трудно будет груз из шлюпок на берег переносить. Достанется ребятам нынче.

Цесарский усмехнулся.

— Ничего, наши помогут. Что тут трудного? Помокнуть, конечно, нам придется. На каждой зимовке так. Главное, погода чтоб не подвела. Если заштормит, груза вам не видать.

Таня пристально посмотрела на него.

— Не говори так. Нам эти припасы очень нужны.

— Постараемся, конечно. Мы-то не боимся шторма, но капитан судном рисковать не будет, он сразу — вира якорь — и курс на Диксон.

Цесарский круто развернул катер и плавно подошел к борту «Прончищева».

Тотчас же началась погрузка.

В обратный путь катер тащил за собой две тяжело нагруженные шлюпки. Корма катера низко осела, и догонявшие его волны нередко заплескивались внутрь. Цесарский не умолкая рассказывал Тане смешные морские истории. Девушка слушала, весело смеялась и время от времени принималась ковшом вычерпывать воду.

Метрах в ста от берега тяжелые шлюпки сели на мель. Цесарский выключил мотор, и катер, как поплавок, закачался на волнах.

Таня испуганно вскрикнула:

— Что же теперь делать? Женя, что ты сидишь, надо предпринять что-нибудь, надо снимать их с мели.

Цесарский посмотрел на Таню и рассмеялся.

— Не волнуйся, Танюша, ребята уже предприняли все, что нужно.

Таня оглянулась и увидела, как от шлюпки к острову один за одним потянулись почти по пояс в воде ребята. Каждый нес на плече тяжелый мешок. Последним осторожно сошел в воду Заиграев. Он помахал Тане рукой, крикнул:

— Чур, не целоваться! — и тяжело двинулся к острову. Догонявшие его волны с шумом набрасывались на спину и быстро убегали вперед. Заиграев крепко

держал обеими руками мешок на плече и, пошатываясь, медленно брел к берегу.

Таня ахнула:

— Что они делают, сумасшедшие! У Заиграева только что ангина была. Опять сляжет. Боже мой, надо немедленно остановить их!

Цесарский посмотрел вслед ребятам и спокойно сказал:

— Ничего с ними не случится. Они делают то, что им и положено делать.

Он быстро пересел к Тане и обнял ее за талию. Таня вздрогнула и отвела его руки.

— Нет, нет. Я не могу так. Мне стыдно.

Цесарский обиженно отвернулся.

— Ты напрасно расстраиваешься. Им за это деньги платят.

Таня укоризненно посмотрела на него:

— Женья!

Цесарский шутливо поднял обе руки вверх:

— Молчу, молчу! Я пошутил, Таня, больше не буду.

Почти целый час заняло перетаскивание мешков на берег. Начальник зимовки долго смотрел, как посиневшие от холода зимовщики и матросы упрямо шагали по пояс в ледяной воде с тяжелыми мешками на плечах. Затем он молча ушел, но спустя несколько минут вернулся, держа в руках бутылку со спиртом и эмалированную кружку.

Спирт согрел ребят. Они весело расселись в подтащенные теперь к самому берегу порожние шлюпки, и катер снова повел свой поезд на рейд, к густо дымившему «Прончищеву».

Шторм начался гораздо раньше, чем предсказывали синоптики. Сначала потянулись в бухту редкие льдины, затем стремительно понеслись по небу низко нависшие над морем, темные, тяжелые облака.

Катер вел от «Прончищева» последнюю шлюпку с грузом, когда внезапно налетел норд-вестовый ветер

и закрутил на воде белые гребешки. Резкими, сильными порывами ветер набрасывался на катер, словно пытался вывернуть его из воды.

Побледневшая Таня широко открытыми глазами смотрела вокруг, ладонью заслоняясь от непрерывного потока соленых брызг. Одежда вмиг стала мокрой. Цесарский сжался в комок и молча смотрел на подкатывавшиеся валы. Катер упорно шел вперед, переваливаясь на крутых пенистых волнах. На длинном буксире сзади тяжело колыхалась шлюпка. Трое ребят сидели там на мешках, тесно прижавшись друг к другу.

Таня повернулась к шлюпке:

— Э-эй! Живы там?

Со шлюпки донеслось:

— А-а! — Шквалистые порывы ветра и грохочущий шум беспорядочно сталкивающихся волн заглушали звуки. Таня так и не смогла ничего разобрать. Она опять крикнула:

— Держитесь!

Тяжелая волна ударила в катер и с шумом перехлестнула через борт. Катер накренился, заметно осел кормой и, сделав зигзаг, снова вернулся на курс. Цесарский испуганно оглянулся.

— Вычерпывай скорей! Захлестнет нас!

Таня схватила тяжелый ковш и взялась за работу. Но не успела она вычерпать и половину набравшейся в катер воды, как ударила новая волна. Не обращая внимания на пронизывающий ветер и ледяную воду, Таня черпала и черпала ковшом. От холода и усталости руки окаменели и стали словно чужими — тяжелыми и непослушными.

— Женья, далеко еще до берега? — жалобно спросила она, с трудом пытаясь уложить в гнездо выпавший оттуда тяжелый аварийный топор.

— Если бы одни, так давно бы на берегу были, — отрывисто, с какой-то злобной усмешкой отозвался Цесарский. — Эта шаланда угробит нас. Ей-то ничего не сделается. Черт меня дернул полезть в этот рейс.

— Женья!

— Что Женя? Что Женя? Видишь, вон заряд идет, если не успеем удрать от него, нам придется хлебнуть воды из-за этой шаланды.

— Но там же люди, как ты можешь так?

— Знаю, что люди. Я тоже человек. Могли бы и сами на веслах добраться, а теперь и мы из-за них рискуем.

О борт застучали первые крупные снежинки. А через минуту все вокруг скрылось в непроницаемой снежной пелене. В наступившей темноте взвыл ветер и глухо зарокотало море.

— Женя, мне страшно! — воскликнула Таня и прижалась к его спине. Но Цесарский вдруг приподнялся, резко шатнулся в сторону и быстро закрутил штурвал. Катер медленно покатился влево, и в тот же миг Таня увидела, как рядом с бортом катера неторопливо проплыла вся изъеденная водой, тяжелая зеленоватая льдина. Цесарский оглянулся на Таню и зло прохрипел:

— Видела? Вот тебе и люди твои. Напоролись бы на нее, и капут сразу.

Неожиданно, словно схваченное чьей-то могучей рукой, суденышко замерло на месте, низко осев кормой. Тонко взвыл мотор, что-то с треском лопнуло, и катер стремительно прыгнул вперед, зарываясь носом в воду. Волна тяжело опрокинулась на ветровое стекло, и катер до половины наполнился водой. Мотор чихнул несколько раз, а затем заглох. С кормы беспомощно свисал обрывок буксира. В наступившей тишине лишь жестко хлестал по стеклу снежный заряд.

Перепуганная Таня без устали вычерпывала воду. Цесарский несколько мгновений сидел, дико озираясь, затем схватил пожарное ведро и бросился помогать Тане. Хрипло дыша, он непрерывно бормотал:

— Говорил, не надо было идти... Черт бы их всех побрал!.. Конец теперь...

Таня с недоумением посмотрела на его побелевшее лицо, трясущиеся губы и тревожно спросила:

— Что с тобой, Женя? Что ты говоришь?

Цесарский вдруг выпрямился, с размаху бросил ведро на дно катера и истерически закричал:

— Из-за паршивых мешков с мукой я пропадать должен, да?! Я еще жить хочу, понятно вам или нет? Будьте вы прокляты все!

Он с размаху сел на дно катера прямо в ледяную воду и закрыл лицо руками.

Страх охватил Таню. Она бросилась к Цесарскому и, силясь разнять его руки, плача и целуя его, торопливо и несвязно уговаривала:

— Женечка, милый, возьми себя в руки! Ну! Будь же мужчиной, Женья! Я всю воду сейчас вычерпаю, ты только мотор, мотор чини, Женья. Ты слышишь, мотор скорее чини, ведь потонем мы! И они потонут!

Цесарский медленно поднял голову и вяло спросил:

— Кто... они?

— Да ребята же! Ведь шлюпку оторвало!

— А-а... — равнодушно протянул Цесарский и снова опустил голову.

Но Таня энергично тормозила Цесарского. То ласково уговаривая, то угрожая, она заставила его подняться. Цесарский с трудом перелез через банку и начал ковыряться в моторе.

В белом мраке тяжело гудело встревоженное море, и черные волны хищно набрасывались на беспомощное суденышко. Но Тане некогда было смотреть вокруг. Она без усталости работала черпаком и что-то громко кричала, стараясь подбодрить струсившего не на шутку механика.

Вдруг мотор слабо фыркнул и ровно загудел. Цесарский вцепился в штурвал, развернул катер по ходу волны и дал полный ход вперед. Там, куда катились волны, должна была быть земля.

Таня оторопело взглянула на парня и схватила его за плечо.

— Ты куда правишь? А шлюпка? Там люди остались!

Цесарский резким движением сбросил с плеча ее руку:

— Черта с два теперь меня обратно погонишь!

Хватит, я еще не сошел с ума! Пусть сами добиваются!

О борт тяжело ударила волна. Катер сильно качнуло, и Таня, неловко взмахнув руками, свалилась на самое дно катера. Падая, она увидела далеко впереди тусклые огоньки зимовки. Цесарский обрадованно воскликнул:

— Берег! Берег виден!

Стоя на коленях, Таня горько зарыдала.

— Подлый ты трус! Там же люди тонут! Как ты можешь так поступать?

Но Цесарский все прибавлял ходу и, искоса взглянув на девушку, бормотал:

— Ничего, Танюша, нам бы только до берега добраться. Там нам помогут. А шлюпку найдут, не беспокойся...

По днищу катера перекашивался тяжелый топор, вырвавшийся из гнезда. Топорище больно задело Таню по руке.

Несколько секунд она бессмысленно смотрела на топор, будто силясь что-то понять. И вдруг, словно прозрев, схватила его, поднялась на ноги и со всей силой ударила по бортовой доске.

Цесарский мгновенно обернулся. Испуг отразился на его лице.

— Что ты делаешь? Сумасшедшая! — Он бросил штурвал и кинулся к Тане.

Таня поднялась ему навстречу. Не помня себя от ярости, она занесла топор над головой и страшно закричала:

— Не подходи!

В ее глазах была такая решимость, что Цесарский в страхе попятился назад.

— Ты что задумала, дура? — испуганно кричал он, не сводя глаз с топора. — Брось топор, слышишь? Кому говорить?

Но Таня не слушала его. Тяжелым взглядом она отчужденно смотрела на Цесарского:

— Я разобью катер, если ты сейчас же не повернешь в море. Понял меня?

— Понял, понял, — с готовностью закивал тот. —

Я все сделаю, только убери топор. — Он торопливо вернулся к штурвалу и покорно развернул судно навстречу шторму.

Таня устало опустилась на банку и, не выпуская из рук топора, с тупым равнодушием смотрела, как встречные волны бьются о катер. Ветер заметно стихал. Снежный заряд, растратив все свои запасы, сыпал теперь редкие струйки твердых, колючих снежинок. Цесарский осторожно оглянулся и вкрадчиво заговорил:

— Танюша, ты не так меня поняла. Я хотел для тебя лучше сделать. Ведь ты же устала, замерзла. Я бы потом обязательно за шлюпкой сходил.

Не поворачивая головы, Таня ответила ровным, странно-незнакомым голосом:

— Я все поняла. И, пожалуйста, не разговаривай больше со мной.

Цесарский принялся горячо убеждать ее. Но Таня молчала. Она жадно смотрела вперед, ища глазами затерявшуюся где-то среди волн шлюпку, и горькое чувство разочарования, обиды поднималось в ее груди. И вдобавок этот проклятый холод. Даже кости заныли от ледяной воды. А руки — словно их и нет, ничего не чувствуют. И голова. О, как она болит! Зачем он так поступил? Что подумают о них ребята? Таня вздрогнула. «Боже мой, они же наверняка подумали, что мы их бросили! Подлый ты человек!» — простонала Таня и вскоре увидела впереди шлюпку. Она медленно двигалась по ветру. Два человека с трудом ворочали веслами, третий непрерывно вычерпывал воду. Таня вскочила на ноги:

— Ребята!

Было видно, что на шлюпке заметили их, но никто не прервал своих занятий. Цесарский сбавил ход и осторожно подвел катер к подветренному борту шлюпки.

Тотчас же на катер перепрыгнул Заиграев. Он наклонился к понуро сидевшему за рулем Цесарскому.

— Что, механик, с курса сбился?

Цесарский заискивающе взглянул на Таню и негромко ответил:

— Мотор сдал... пока починил...

— А-а, понятно, — загадочно усмехнулся Заиграев.

Он шагнул к Тане и сел рядом с ней.

— Трудно, Танюша? — участливо спросил он.

Таня молча ткнулась лицом в мокрые колени Заиграева и затряслась в беззвучном плаче.

Заиграев осторожно погладил ее по голове и дрогнувшим, потеплевшим голосом проговорил:

— Ничего, Таня, ничего. Теперь уж не страшно, не надо плакать.

Таня прижалась к его руке и затихла.

Впереди показались и призывно замерцали редкие теплые огоньки зимовки.

НАЧАЛО ПУТИ

Серая пелена поздних сумерек опустилась на торговый порт, скрадывая очертания судов на рейде. На борту одиноко стоящего у причала грузового парохода «Печора» зажглись редкие огоньки. Бледный свет электрических ламп слабо освещал надстройки судна.

Коля Мухин поставил на палубу у трапа чемодан и осторожно кашлянул. Тотчас же из-за надстройки показался высокий парень в прорезиненном плаще. Он медленно подошел к Мухину,

хмуρο осмотрел его с ног до головы и отрывисто спросил:

— Тебе чего здесь надо?

— Меня к вам направили, — робко улыбнувшись, ответил Мухин и торопливо протянул вахтенному направление из отдела кадров. Тот внимательно прочитал, вздохнул, затем молча переставил чемодан Коли с палубы на площадку трапа, так же молча подтолкнул туда Колю и удалился, коротко бросив:

— Стой здесь и жди!

Коля долго стоял у трапа, осматривая палубу «Печоры».

Наконец показался вахтенный матрос. За ним шел высокий моряк в форменной фуражке и кителе с одной золотой нашивкой на рукавах — вахтенный штурман. Матрос, пропуская вперед помощника капитана, негромко обратился к нему:

— Товарищ третий, разве это правильно? Опять прислали зеленого юнца, а вкалывать придется за него нам. Детсад, а не пароход.

От этих слов Коле стало не по себе.

Стараясь не смотреть на матроса, он подхватил чемодан и торопливо пошел вслед за штурманом.

Они шли по ярко освещенному коридору надстройки. По обе стороны виднелись двери, на которых были привинчены начищенные медные пластинки с надписями. Штурман вошел в каюту старшего помощника капитана. Коля остался стоять в коридоре. Но через минуту дверь открылась, и его пригласили войти.

В кресле у стола сидел пожилой моряк с тремя золотыми нашивками на рукавах кителя. Он с любопытством посмотрел на Мухина и добродушно сказал:

— В море, конечно, не бывали?

— Нет, — ответил Коля. — Хотел в мореходное, да не прошел по конкурсу.

— Ну что же, не огорчайтесь. По крайней мере узнаете морскую жизнь. Мореходка от вас никуда не уйдет.

Вахтенный провел Колю к кормовой надстройке и открыл одну из дверей.

— Вот ваша каюта и койка. Постельное белье получите завтра утром.

Коля вошел в каюту, закрыл дверь и осмотрелся. Каюта четырехместная. Справа и слева койки в два яруса. В углу у входа узкий шкаф для одежды, в стене — два круглых окошка, против входа — маленький столик, рядом табурет и парусиновое кресло-раскладушка.

Закрытая матовым плафоном лампочка слабо освещала каюту. Было тихо, холодно и неуютно. Колю охватило щемящее чувство одиночества и грусти. Вспомнился ласковый голос матери, уговаривающей остаться дома. Она очень не хотела отпускать сына в далекий северный город. Не послушался тогда Коля. А может, и правда не нужно было уезжать? Ехал он с радужными надеждами, а приехал — и вот рушатся все его мечты. В училище поступить не удалось — не прошел по конкурсу; когда оформлялся в пароходство — приняли учеником матроса, а он хотел попасть в машинную команду; здесь, на пароходе, встретили его тоже неласково — привели в каюту, оставили одного, и никому нет до него дела.

За невеселыми мыслями Коля незаметно уснул. Разбудили его громкие голоса, раздававшиеся в каюте. Приоткрыв глаза, Мухин увидел трех молодых ребят, одетых в морскую форму. Они громко спорили. Двое были высокого роста, один из них с длинным русым чубом, нависшим на глаза, второй острижен наголо. Третий, кудрявый и рыжий, с множеством веснушек на лице, был поменьше, и Коля с удовольствием отметил про себя: «Ничуть не больше меня».

Ребята уселись за столик и развернули принесенные свертки с колбасой, булками и конфетами.

«А меня даже не замечают», — с обидой подумал Коля. И, как бы угадав его мысли, рыжий посмотрел на него и спросил:

— Что это за парень лежит у нас?

— Наверное, новенький, — равнодушно ответил стриженный.

— Может, он есть хочет? Давай разбудим. — И, не дожидаясь ответа, рыжий тронул Колю за плечо: — Друг, проснись! Ты есть хочешь? Вставай, садись с нами.

Коля открыл глаза и тихо ответил:

— Спасибо, не хочу.

— Что там не хочу, вставай!

— Смотри, опоздаешь! — добродушно вставил чубатый.

Коля доверчиво улыбнулся и встал. Рыжий подвинул ему раскладушку, а сам сел на койку.

— Ну, вот и порядок, — весело объявил он и спросил Колю: — Тебя как зовут?

— Коля Мухин.

— Муха, значит, — кивнул рыжий и, рассмеявшись, сказал:

— Мы с тобой тезки, можно сказать. Я Миша Пчелкин, а здесь зовут Пчелкой. Так что оба летающие. — Этот, — он указал на стриженного, — Ваня Ивлев, а этот, — он хлопнул по плечу чубатого, — наш чемпион по поднятию тяжестей Владимир Бурсин. Вчера ему удалось оторвать от земли целых тридцать две тысячи граммов! Результат зафиксирован, и протокол выслан в Москву на утверждение рекорда!

— Ты помолчал бы лучше. Жужжишь целый день, надоело, — лениво пробасил Бурсин, прожевывая кусок булки. — А то дам вот щелчка — сразу почувствуешь, какие это граммы.

— Когда удав глотает пищу, он безопасен! — со смехом ответил Пчелкин.

Коля слушал, как ребята беззлобно подтрунивали друг над другом, и смеялся вместе с ними. Ему захотелось поскорее стать таким же, как и они, так же уверенно чувствовать себя на судне.

— А вы кем работаете? — решил спросить он.

— Иван, как человек серьезный и солидный, — отвечал Пчелкин, — занимает руководящий пост матроса второго класса — старшего начальника над метлой и шваброй. Бурсин Владимир в будущем, конечно, будет занимать пост старшего рулевого, а пока

состоит в команде Ивлева. Ну, а я самый старший среди младших — юнга.

— А меня к вам палубным учеником направили, — сообщил о себе Коля.

— Бывал в море? — спросил Бурсин.

— Нет, первый раз на пароходе.

— Ну, брат, и пострадаешь же ты, когда выйдем в море, да если к тому же шторм прихватит! — всплеснул руками Пчелкин.

— Что ты человека пугаешь? Сам-то вспомни, как травил! Да и сейчас! Тоже ведь еще не привык: как чуть качнет, так весь позеленеет и скорей на койку, — отыгрывался теперь Бурсин.

— Неправда! — горячо запротестовал Пчелкин. — Я хоть и зеленею, но работаю! Это тебе боцман всегда скажет.

Ребята рассказывали Мухину о море, о пароходе, о своей работе. Коля тоже рассказал им о себе, о том, как попал на судно.

До утра хватило бы рассказов, но Бурсин взглянул на часы и заторопился:

— Эх, братцы, и засиделись мы! Давайте спать ложиться.

Коля забрался на матрац и уже совсем было устроился под своим пальтишком, как Пчелкин окликнул его:

— Ты что, на голом матраце собираешься спать? Так не годится. На вот тебе одну простыню. Вовка, — повернулся он к Бурсину, — у тебя две подушки, дай одну Мухе.

Пчелкин соскочил с койки, взял у Бурсина подушку и вместе с Мухиным принялся застилать матрац.

— Ты не стесняйся, — поучал он Колю, — у нас по-простому. Чего у тебя нет, так у товарищей берешь. А как же? Ты на голом матраце будешь валяться, а мы под двумя простынями? Так не по-морскому будет!

Накинув на Колю поверх простыни свою шинель, Пчелкин погасил свет.

Громкий звонок, раздавшийся в коридоре, разбудил Мухина. Он открыл глаза и приподнялся, удив-

ленно глядя на торопливо одевавшихся Пчелкина и Бурсина. Ивлева в каюте уже не было.

— Подъем! — крикнул Пчелкин. — Вставай, слышал, подъем играли?

— Это звонок-то?

— Ну да, как семь часов, так он и заливается! Вставай быстрее!

С помощью неугомонного Пчелкина Коля получил у кастелянши постель, заправил койку и отправился в столовую команды, откуда слышался стук посуды и гул голосов. Он невольно держался ближе к Пчелкину. К этому энергичному и уверенному в себе веселому пареньку он проникся полным доверием. В столовой они сели рядом, и Коля с интересом рассматривал моряков. Все были в форме, и только он один выделялся своей штатской одеждой. Это приводило Колю в немалое смущение. Каждый, кто заходил в столовую, с любопытством оглядывал незнакомого парнишку и спрашивал почему-то у Пчелкина:

— Новенький?

Пчелкин отвечал одно и то же:

— Новенький, наш, с палубы.

Пожилая женщина быстро подавала на стол тарелки с отварным картофелем и кусочками селедки. Коля позавтракал и вместе с Пчелкиным вышел из столовой.

— А что сейчас делать? — спросил он.

— У нас сегодня отход, работенки хватит. А тебе надо к боцману идти, доложиться и получить работу. Он скажет, что тебе делать.

Пчелкин объяснил, как найти боцмана, как надо «доложиться» и что спросить.

Боцмана Коля встретил на палубе.

— Товарищ боцман, можно у вас спросить?

Боцман хмуро посмотрел на Колю:

— Ну, спрашивай.

— Я — Мухин, ученик матроса. Что мне делать?

Лицо боцмана посветлело.

— А-а, новенький! Пока присматривайся ко всему, привыкай. А сейчас пойдем-ка со мной.

Он повел Мухина в кладовую, выдал ему сапоги,

рукавицы, тужурку и брюки. Коля схватил вещи в охапку и помчался в каюту переодеваться.

В новенькой робе парнишка вышел на палубу и направился к трюму, где работали матросы. Они быстро и ловко поднимали широкие толстые доски с палубы и клали их одну за другой, закрывая широкое горло трюма.

— Эй, парень! Чего стоишь? Иди помогай! — крикнул одетый в потрепанную куртку матрос. Коля узнал в нем вчерашнего вахтенного.

— Боцман сказал, что мне сегодня не надо работать. Я с судном буду знакомиться, — с достоинством ответил Коля, довольный, что он может и не подчиниться этому человеку.

— Ты думаешь, что знакомиться — это значит руки в брюки и гулять по палубе? А ну, иди сюда, берись за лючину. Я тебя познакомлю сейчас!

Коля испуганно подошел и осторожно взялся за широкий конец доски.

— Не так, не так! Не за доску берись, а за скобу. Эти доски лючинами называются, ими трюм закрывают, а сверху еще и брезент натягивается, чтобы вода в трюм не попадала, понял?

И матрос, ворча и чертыхаясь, долго объяснял Мухину устройство трюмов и учил морской терминологии. А Коля с ужасом убеждался, что он не способен запомнить ни одного из этих диковинных слов: «талрепы», «бимсы», «комингсы»...

Когда солнце скрылось за вершинами гор, пароход отошел от причала.

Для Коли это были особенно волнующие минуты — ведь он в первый раз в жизни уходил в рейс! Ему показалось странным, что береговой матрос медленно подошел к толстой тумбе, лениво скинул с нее швартовые концы и, даже не глядя на отходящий пароход, пошел на другой конец причала.

Колю задело такое подчеркнутое невнимание к их судну.

Мухин вместе с матросами выбирал швартовые концы, крутил выюшку, закрывал чехлом брашпиль.

Боцман, за весь день не проронивший ни слова, видя старание новичка, одобрительно сказал:

— Молодец, не ленивый.

От этих слов Коля зарделся и почувствовал вдруг необычайный прилив энергии. Он готов был работать всю ночь. Но уже через полчаса после отхода судна палуба опустела — все разошлись по каютам. Один Коля стоял на палубе и жадно смотрел вперед, туда, где за извилистой лентой залива открывался морской простор. Мимо плыли скалистые берега, покрытые бурыми пятнами мха. Из-за верхушек скал с левого борта широким веером разбегались по небу лучи солнца.

В тот вечер Коля так и не увидел моря, хоть и решил не ложиться спать, пока судно не выйдет из залива. Но целых три часа торчать на палубе без дела, да еще одному, невозможно, и он зашел в каюту. Потом прилег на койку всего на полчаса.

Утром Коля проснулся задолго до звонка побудки. Солнце врывалось в открытый иллюминатор. Снизу доносился глухой рокот работающей машины. В каюте стоял еле уловимый запах свежести и влажности, очень напоминавший пареньку запах зелени на грядках в огороде, куда он, бывало, бегал каждое утро, чтобы нарвать к завтраку холодных, в серебристых пятнах росы огурцов.

Ощущение чего-то необычного и радостного наполняло Колю. Он быстро встал, наскоро заправил койку, тихо вышел из каюты и невольно зажмурился от ударившего прямо в глаза яркого солнца.

Море, необозримое, могучее, манящее к себе море расстиралось перед ним. Тысячи зайчиков играли на гладкой, чуть колышущейся поверхности. Так вот оно какое, море! Коля жадно смотрел во все стороны широко открытыми глазами и полной грудью вдыхал в себя морской воздух.

Весь день Мухин был в приподнятом настроении.

Работалось легко. Вместе с Пчелкиным он выгребал мусор и грязь, драил медные ручки и поручни у трапов какой-то зеленой массой, которую все называли чистолью, делал приборку в боцманской кладовой, стараясь ни в чем не отставать от своего напарника.

В обед все собрались в столовой. Коля на этот раз уже не испытывал робости. Правда, боцман не пустил его в столовую в робе, заставил сходить в каюту и переодеться, но штатская одежда уже не смущала Колю. Теперь он вмешивался в разговоры и даже храбро попросил добавки. Пчелкин удивленно протянул:

— Ого-о!

Коля, в свою очередь, ответил ему:

— Говорят, каков в еде, таков и в работе!

Дружный хохот раздался в столовой. Сквозь смех слышались одобрительные возгласы:

— Ловко!

— Молодец, Муха, нажимай!

— Пчелкин, каков новичок-то? Ответил, а тебе и крыть нечем?

Пчелкин, смеявшийся громче всех, хлопал Колю по плечу и старался перекрыть шум:

— Вот так работник! Дня еще не проработал на судне, а уж добавки просит! Силен мужичок!

Боцман, улыбаясь в усы, одобрительно проговорил:

— Ничего, парню расти надо. Ешь, Мухин, не стесняйся, море сильных любит.

Вечером Коля храбро заявил Пчелкину:

— Вот видишь, на меня море не действует. Даже голова не болела!

Пчелкин усмехнулся и передразнил:

— Не действует! Такое-то море и на меня не действует. Подожди, вот попадем в шторм, тогда скажешь.

Они стояли на палубе. Был поздний час, но полярное солнце щедро лило свои лучи с ясного, без единого облачка, неба. Зеркальная гладь моря отбивала четкую линию горизонта на фоне чуть голубеющего небосклона. Пароход быстро шел вперед,

подрагивая всем корпусом. Перед тупым носом судна, тщетно пытаясь оторваться и убежать вперед, катилась невысокая пенистая волна. Форштевень непрерывно догонял ее и распускал длинными усами вдоль обоих бортов. Мягко журча, волна обтекала судно и отчетливо звонко плескалась о его железный корпус. За кормой до самого горизонта тянулась ровная шипящая кильватерная струя.

Прошло две недели, и новая жизнь властно захватила Колю Мухина.

Как и все новички, Коля мечтал попасть в шторм. В его воображении рисовались картины одна другой удивительней: вот громадная волна надвигается прямо на него, грозя смыть за борт, а он, не обращая внимания, продолжает делать какую-то очень важную работу. Волна сбивает его с ног, тащит по палубе и вот-вот выбросит за борт, но в последнюю минуту Коля успевает схватиться за кнехт и, весь промокший, в синяках, снова берется за дело. А вот волна смывает за борт Пчелкина... Коля храбро бросается в бушующее море и спасает друга.

Пчелкин подшучивал над его желанием попасть в шторм. Но Мухин не мыслил себе плавание без штормов. В самом деле, что ж это за плавание?

Сегодня погода резко изменилась. Темные, рваные облака быстро неслись навстречу выходящему из залива судну и скрывались за скалами. Резкий ветер вспенивал потемневшую воду залива и пронзительно свистел в снастях. Помрачневший боцман хлопотливо бегал по палубе и покрикивал на матросов, закрывавших трюмы:

— Пошевеливайтесь, пошевеливайтесь! Погодка-то, видите, какая. Качнет так, что все полетит. Веселей, веселей работать!

Матросы работали быстро и, против обыкновения, молча. Даже неугомонный Пчелкин и тот притих. Чувствовалось, что наступает что-то тревожное и грозное.

— Скоро качать начнет, — тихо проговорил Пчелкин. — Старпом говорил, что в море шторм восемь баллов. Достанется нам.

Коля посмотрел на посеревшее лицо своего друга, хотел пошутить, но понял, что шутка неуместна. Где-то поблизости раздался взрыв смеха. Они оглянулись — на трюме расположились матросы.

— Работать кончили, — оживился Пчелкин. — Пойдем к ним.

— Что, Миша, труба, брат, тебе приходит? — весело забасил Бурсин. — Вот погодка-то — кое-кому достанется. Э-э, да ты заранее позеленел?

— Ладно, не в первый раз, — хмуро отшучивался Пчелкин. — У меня теперь напарник есть — Мухин.

— Почему ты думаешь, что и меня укачает? — несмело возразил Мухин.

— Не поддавайся, Муха, держись! Только пчелы моря боятся, — подтрунивал Бурсин.

Вскоре начало покачивать. Пароход нехотя, словно через силу, валился на один борт и так же медленно переваливался на другой. В каюте вдруг стало душно и жарко. Коля с трудом приподнялся на койке и посмотрел на Ивлева и Бурсина. Те как ни в чем не бывало сидели за столиком и разговаривали. Ивлев искоса посмотрел на побледневшего Колю, сказал:

— Ты выйди на палубу, на свежем воздухе тебе лучше будет.

Коля послушно вышел и стал у надстройки, крепко ухватившись за поручни ведущего на ботдек трапа.

Ветер ревел и стонал. Темные тучи низко нависали над водой. Косматые гребни бегущих одна за другой волн с грохотом разбивались о судно. Брызги неслись в воздухе сплошной пеленой. На ветру Коле стало лучше. Но усилилась качка, и снова заболела голова. Рот то и дело наполнялся жидкой слюной. Обдаваемый брызгами, Коля уныло глядел на разбушевавшуюся стихию. Неприятная тошнота подступила к горлу.

— Что, мутит? — подойдя, участливо спросил Пчелкин.

Коля увидел бледное лицо друга и его тусклые страдальческие глаза.

— Мутит, — вяло кивнул Коля.

— Меня тоже. Места не нахожу, — доверчиво пожаловался Пчелкин. — Но ты не поддавайся. Привыкнем. Боцман говорит, он тоже сначала боялся качки.

Пароход тяжело содрогался от мощных ударов волн и то взбирался на водяную гору, то стремительно летел вниз, в пучину. По палубе гуляла вода. Измученный качкой Мухин лежал на койке и тихо стонал. Вдруг необычайно тяжелый удар потряс весь корпус судна. Пароход круто вздыбился и стремительно провалился куда-то вниз. Сквозь вой ветра и рокот волн донесся долгий грохот, и вслед за этим пронзительно завыл сигнальный ревун в коридоре. Ивлев и Бурсин тотчас же вскочили и выбежали из каюты. В репродукторе щелкнуло, и раздался зычный голос:

— Водяная тревога! Водяная тревога! На первом трюме сорван брезент! На первом трюме сорван брезент!

Пчелкин вскочил с койки и, торопливо надевая куртку, закричал Мухину:

— Вставай, слышишь, тревога!

Коля приподнял тяжелую, как свинцом налитую голову, вяло махнул рукой:

— Не могу. Умираю.

— Я тебе дам «не могу»! Вставай, говорят! Ну!

— Не могу! — не открывая глаз, прошептал Коля.

Судно резко накренилось. Пчелкин, не удержавшись, упал и больно стукнулся о койку. И то ли от боли, то ли от злости на его глазах выступили слезы, и он яростно затормошил Мухина.

— Да вставай же ты, Колька! Там брезент сорвало с трюма, зальет трюм!

Пчелкин силой стащил Мухина с койки, заставил надеть сапоги и куртку. Держась друг за друга, они вышли на палубу. Потоки воды перекачивались че-

рез борт. Ванты и мачты вибрировали под напором ветра.

Выждав момент, когда судно выпрямилось, Пчелкин стремительно побежал по палубе, увлекая за собой Мухина.

— Полундра, держись! — вдруг закричал Пчелкин и бросился под высокий комингс трюма. Коля только успел поднять глаза, как бурлящий поток воды захлестнул его, сбил с ног и потащил по палубе. Захлебываясь горько-соленой водой, Коля судорожно цеплялся за палубу, но гладкие стальные листы ускользали из-под рук. Наконец напор воды ослабел. Коля поднялся на ноги и отчаянно закричал:

— Пчелкин! Пчелкин!

— Здесь я. Бежим скорее!

Цепляясь за натянутый вдоль борта толстый канат — штормовой леер, Коля побежал вперед, к носу судна. Он зорко смотрел по сторонам и уже не думал ни о шторме, ни о качке — только не прозевать бы, уследить за уходящей из-под ног палубой, за очередным ударом волны.

И странно, исчезло ощущение неприятной тошноты, новое чувство захватило Колю — азартное чувство борьбы со стихией.

Матросы, обдаваемые потоками воды, молча закрывали трюм брезентом. Старший помощник капитана, увидев Мухина и Пчелкина у аварийного трюма, сердито вздернул брови и заорал на них:

— Куда вас черти принесли! Смоет за борт, потом хлопот не оберешься! А ну, идите... — И вдруг пронзительно закричал: — Полундра! Волна идет!

Все бросились под высокий фальшборт, защищавший от прямого удара волны. Масса воды обрушилась на людей, но матросы крепко держались друг за друга и за протянутые штормовые леера. Поток с грохотом прокатился по палубе, потащив с собой тяжелый брезент. И снова матросы волокли его назад, закрывая горловину трюма. Работали напряженно, но быстро. Изредка раздавались короткие выкрики:

— Тяни!

— Заклинивай!

— Бей!

Мухин до крови расцарапал руки, но не заметил этого. Охваченный азартом борьбы, он яростно тащил брезент, отплевываясь и что-то выкрикивая, бросался под укрытие от волн и снова брался за работу.

Наконец трюм закрыли. Мокрые, озябшие матросы гурьбой ввалились в столовую.

Кто-то сбегал в кладовую, принес хлеба и большую миску соленых огурцов. Все молча принялись за еду. Пчелкин выбрал огурец побольше и протянул его Коле.

— Ешь, огурцы в качку полезно есть.

Коля кивнул головой и взял огурец. Ему не хотелось ни говорить, ни шевелиться.

Усталые матросы изредка перекидывались короткими репликами:

— Да-а, вот это поддает!

— А что еще впереди будет!

— Ничего, пройдет.

— Пройти-то пройдет, вымотает всех.

— Уж не без этого. Да ведь не привыкать!

— Кому как.

Мухин слышал этот неторопливый, серьезный разговор, жевал огурец и отдыхал.

Пусть отдохнет парнишка — сегодня он принял свое первое морское крещение. Впереди у него будет еще много штормов, но этот первый шторм он будет помнить всю жизнь.

В ДАЛЬНОМ РЕЙСЕ

Приказ по судну, подписанный капитаном, был кратким. В нем объявлялось, что за систематическое нарушение трудовой дисциплины и подрыв авторитета лиц командного состава матрос Иванов А. П. с приходом в порт подлежит списанию с судна с занесением строгого выговора в личное дело.

Александр Георгиевич Горбунов, первый помощник капитана, или, как все на флоте называют первых помощников, помполит, прочитал приказ, нахмурился и поднялся с кресла. Нет, он реши-

тельно не согласен с таким приказом! Нужно ли рубить сплеча в этом случае?

...— Разрешите? — негромко спросил помполит, открывая дверь капитанской каюты.

Степан Васильевич Ковалев, капитан судна, полный мужчина с печальными глазами, спрятанными за толстыми стеклами очков, читал книгу. От настольной лампы с матовым абажуром лился мягкий свет. Он неторопливо повернулся, жестом показал на стул и внимательно посмотрел на своего помощника.

— Я слушаю вас.

Горбунов помолчал, старательно разминая в руках папироску. Плавает он с капитаном Ковалевым всего третий месяц и еще не успел хорошо узнать ни капитана, ни команды. Стоит ли обострять отношения? Пальцы рук выдавали его волнение.

— Я пришел потому, Степан Васильевич, что не согласен с приказом, который вы подписали сегодня утром, — начал Горбунов, но капитан перебил:

— Это по поводу Иванова? С чем же вы не согласны? — капитан пожал плечами. — Вы не хуже меня знаете этого матроса, а после вчерашнего случая я не намерен его больше держать на своем судне. Таких надо гнать вообще с флота. Кстати, вот полюбуйтесь, в прошлую стоянку старпом взял в отделе кадров данные о прежней работе Иванова: с «Находки» списан за нарушения дисциплины, с «Орла» — за пьянку, с «Кочубея» — за невыход на вахту. И вы думаете, он сделал выводы? Вчера опоздал на вахту, нагрубил старпому, нагрубил мне, здесь, в этой самой каюте, — капитан обиженно заморгал глазами. — Сколько же можно с ним возиться?

— И все-таки я не согласен. — Горбунов прикурил папиросу и продолжал: — Вы говорите, его списали с одного судна, с другого, с третьего, а теперь мы собираемся гнать и сокрушаемся: неисправимый парень, ничего на него не действует! Да он привык к этому. Привык летать с одного судна на другое.

— Аа-а, — досадливо махнул рукой капитан, — все это слова. Человек виден сразу.

— Ведь ему двадцать лет, Степан Васильевич, а

мы его уже в разряд неисправимых зачисляем. Не рано ли? Не ошибаемся ли мы с вами здесь? — мягко убеждал капитана Горбунов.

— Ну, вы еще скажете, что я во всем виноват, — развел руками капитан.

— Все мы в этом случае неправильно подходим к человеку. Наша беда, что мы начинаем заниматься таким человеком, лишь когда он совершит что-либо из ряда вон выходящее. И тут уж мы знаем только одну меру воспитания — наказание. А всегда ли полезно оно? — Горбунов в волнении встал и заходил по каюте. — Как хотите, Степан Васильевич, но я решительно против списания Иванова с судна. Да и куда мы его спишем? Из Советского Союза? Нет? Ну, спишем, а его пошлют на другое судно, кадров-то сейчас, в разгар навигации, нет! Но там ведь такие же люди плавают, как и мы с вами. Давайте оставим Иванова, попробуем еще с ним повозиться, а списать всегда успеем.

— Но приказ я уже подписал...

— Можно отменить. Еще никто о нем не знает... — Горбунов выжидательно взглянул на капитана. Тот недовольно посмотрел на помощника и отвернулся.

— Ладно. Приказ отменяю. Но этот разговор потом припомню.

Вернувшись от капитана в свою каюту, Горбунов сел в кресло и задумался. Не досаду и не неприязнь, а глубокое чувство тревоги вызывала в нем судьба этого надоевшего всем матроса. Он мысленно представил себе Иванова. Высокий, с открытым русским лицом, со смелым взглядом и чуть насмешливой улыбкой. Горбунов вздохнул: что там ни говори, а нравился ему чем-то этот парень. Нравился, несмотря на странный и сложный характер. Где дело связано с риском, с опасностью — там он всегда впереди, где же дело связано с обычными житейскими отношениями — он становится невыносимым грубияном, начинает вести себя распушенно.

Конечно, капитан по-своему прав, требуя списания Иванова. Хороший садовник всегда отсекает нездоровую ветвь, стремясь уберечь все дерево. Но Ива-

нов еще молод, и не может быть, чтобы он был неисправимым человеком. Ведь любит же он стихи, например. С потрепанным томиком Лермонтова парень почти никогда не расстается, читает на память целые поэмы. И в то же время — недоверчивое, нередко грубое отношение к людям. Он ни перед кем не заискивал, не искал ничьей дружбы, но авторитетом у экипажа, особенно у молодежи, пользовался.

Помполит вздохнул. А много ли знал он об этом матросе? То, что фамилия Иванова постоянно встречается в списках нарушителей дисциплины? Что он плохо ведет себя в портах, пьет? Что он грубит составу судна? И все? Мало, очень мало. Горбунов тяжело повернулся в кресле и взялся за трубку телефона. Он набрал номер и, когда в трубке послышался хриловатый голос старпома, спросил:

— Иван Семенович, нет ли у тебя подробных сведений о матросе Иванове? Не знаешь ли ты его биографии, например, откуда он, кто родители?

В трубке сердито засопело:

— Я знаю одно — такого надо гнать с флота, и чем скорее, тем лучше.

— Да, немного, — усмехнулся Горбунов и положил трубку. Взгляд его упал на фотографию жены и пятилетней дочери. Он грустно улыбнулся им.

Утром Александр Георгиевич вызвал Иванова к себе в каюту. Матрос удобно уселся на диване и вытянул ноги. Горбунов заметил эту подчеркнуто независимую позу.

Беседа не клеилась. Иванов односложно отвечал на вопросы, а затем, с вызовом посмотрев на своего собеседника, насмешливо проговорил:

— Что вы мне разные вопросыки наводящие задаете? Я ведь понимаю, зачем вы меня вызвали. Давайте сразу к делу.

Горбунов пристально посмотрел на матроса.

— А это и есть мое дело — разговаривать с людьми, узнавать их получше.

Иванов усмехнулся:

— Понятно. Разговор по душам, так, кажется, у вас в инструкции сказано?

— А это уж как получится, по душам или нет, — серьезно ответил Горбунов, — хотя именно с вами, не скрою, мне хотелось бы поговорить откровенно.

Иванов рассмеялся и уже с откровенной издевкой продолжал:

— Да, ваша служба такая, разговорчики, беседки. Но вряд ли у нас что получится. Мне пора на вахту собираться. На душевный разговор, знаете, времени не хватает.

Поддавив раздражение, Горбунов сухо сказал:

— А вот на выпивки у вас как будто всегда хватает времени.

Иванов поморщился.

— Правильно, выпиваю я иногда, что тут такого? Что ж, и выпить нельзя на берегу? Вы, наверное, тоже выпиваете дома? А у меня нет на берегу квартиры. Не ночевать же на улице. Я и иду домой, на судно. Другого дома у меня нет.

— Смотрите, Иванов. Так вы недолго задержитесь у нас.

Иванов сверкнул глазами:

— Вы меня не пугайте, я пуганый! На кусок хлеба везде заработаю. А мне и не надо больше.

Горбунов задумчиво посмотрел на матроса.

— Откуда у вас это? Чем вас жизнь обидеть успела?

Тот отвернулся и проговорил устало:

— Никто меня не обижал. Просто мне надоело слушать одно и то же. Иванов такой, Иванов сякой... Ну и оставьте меня в покое. Сам разберусь, нечего меня воспитывать.

Он встал.

— Может, разрешите мне уйти? Все равно бесполезный разговор.

— Идите, — коротко ответил Горбунов.

Иванов ушел. Александр Георгиевич взволнованно заходил по каюте, остро переживая свой неудавшийся разговор с матросом.

«Он видит во мне прежде всего начальника. Но в таком случае чем же я отличаюсь от любого командира на судне? От капитана, штурмана, механика? Надо как-то по-другому действовать».

— По-другому, по-другому, — повторял Горбунов, шагая по каюте.

Стоянка в порту подходила к концу. После ужина, когда часть команды ушла в увольнение на берег, Горбунов, как обычно, делал обход судна. Спустившись по трапу в узкий коридор кормового отсека, где жили матросы, он остановился. В помещении было тихо, и среди этой тишины звучал из открытой каюты чей-то взволнованный голос, читавший стихи:

Старик! Я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем? Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов «отец» и «мать».

Лермонтовскую поэму «Мцыри» читал Иванов. Читал с таким глубоким чувством, с такой проникновенной, страстной болью в голосе, что Горбунов вздрогнул. Повинуясь невольному желанию увидеть читавшего, Александр Георгиевич тихо подошел и заглянул в каюту. Иванов стоял вполоборота к двери. Перед ним сидели на стульях его друзья — Голубков и Артемов и как зачарованные слушали поэму.

Горбунов так и стоял незамеченным у входа в каюту, а матрос продолжал:

Пускай тебе прекрасный свет
Теперь постыл. Ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил, — я так же мог бы жить!

Увидев Горбунова, сидевшие матросы привычно встали. Иванов повернулся к двери и сразу умолк. Горбунов вошел в каюту.

— А я и не знал, что вы так замечательно читаете!

Иванов нахмурился:

— Это и не обязательно всем знать.

— Почитайте, пожалуйста, еще, — попросил Горбунов. Но Иванов достал из кармана увольнительную записку.

— У нас время вышло. Разрешите идти на берег?

— Что ж, идите, — пожал плечами Горбунов.

Иванов повернулся к своим друзьям, и они молча вышли.

Горбунов молча проводил их взглядом, потом, сдерживая нарастающий гнев, медленно поднялся на палубу. По причалу быстро удалялась группа матросов. В центре шел Иванов и, жестикулируя, рассказывал им, по-видимому, что-то смешное.

Утром помполиту доложили, что Иванов вернулся из увольнения пьяным.

Вечером судно покинуло порт и вышло в очередной дальний рейс. Александр Георгиевич не вызывал больше к себе Иванова. Помполита по-прежнему часто видели среди матросов и кочегаров. Энергичный и оживленный, он неумоимо играл в шахматы и домино в красном уголке, подолгу беседовал то с одним, то с другим моряком, спорил о прочитанных книгах, рассказывал о последних событиях в мире. Но заниматься Ивановым не перестал. Только теперь уж он это делал не лично, а через своих многочисленных помощников — комсомольцев. А через несколько дней у него в каюте собрались члены комсомольского бюро судна: Степанов, кочегар Маслов и радист Игорь Потапов. Они долго совещались и разошлись поздно вечером.

Жизнь шла на судне своим чередом. Менялись вахта за вахтой, через день крутили кино в кают-компании, и, как обычно, до позднего вечера слышался из красного уголка неистовый стук костяшек домино. Все как будто бы оставалось на судне по-преж-

нему. Но с некоторых пор Иванов стал испытывать неведомое ему раньше чувство беспокойства. В последнее время стали, как ему казалось, коситься на него комсомольцы. Неделю назад было у них собрание. Пригласили и его. Но Иванов отказался, хотя комсорг Степанов предупредил, что будет идти разговор и о нем. Он тогда ответил Степанову, что просит комсомол не совать носа не в свои дела. А если уж тому хочется выслужиться перед помполитом, то пусть выбирает для обсуждения комсомольцев.

Сосед по каюте, Голубков, подробно пересказал ему все, о чем говорилось на собрании.

— Решение потом приняли, — добавил Голубков.

— Какое еще решение? — пытливо взглянул на него Иванов.

— Осудить, значит, твое поведение и просить капитана оставить тебя на судне для перевоспитания.

— Вот как! А я просил вас заступаться? — взметнулся Иванов. — Нашлись воспитатели! И что же, ты тоже голосовал?

— Да, и я тоже, — тихо ответил Голубков.

— Ты? Ну, и как же ты думаешь меня перевоспитывать?

— Как все, так и я. А только пить с тобой больше не буду. Хватит, напился. На вид поставили мне за это. И никто не будет.

Иванов вскипел. В ярости он стал грубо браниться. Голубков молча встал и вышел из каюты.

Через день в столовой команды была вывешена сатирическая газета «Аврал». Когда Иванов вошел в столовую, вокруг газеты толпились моряки, с хохотом рассматривая рисунки. При его появлении гомон стих. Моряки расступились. Иванов подошел к газете. В центре ее была нарисована огромная бутылка водки, из горлышка которой торчала обрюзгшая физиономия, в которой Иванов без труда узнал себя.

Кровь бросилась ему в лицо. Иванов усмехнулся и сорвал газету со стены. В ту же секунду чья-то рука тяжело легла ему на плечо. Иванов повернулся. На него в упор смотрел Степанов.

— Повесь газету обратно, — сдержанно приказал Степанов.

Вне себя от гнева, Иванов вырвался и заорал на него:

— А в морду не хочешь? А на нос свой не хочешь повесить газету?

Стоявшие кругом моряки гневно загудели. Иванов уже ничего не слышал. Весь охваченный яростью, он бросился с кулаками на комсорга. Но кочегар Маслов и матрос Артемов легко остановили его. Маслов повернул Иванова к себе, поднял свой огромный кулачище и выразительно поводит им перед глазами матроса.

— Смотри, парень, мало не будет, — процедил он и подтолкнул Иванова. — А ну, вешай газету обратно.

В эту минуту в столовую вошел Горбунов. Перекрывая гомон, он спросил:

— Что здесь происходит?

Кругом зашумели:

— Газету сорвал!

— Надо по шее дать ему!

Помполит подошел к морякам и приказал:

— Отпустите его!

Маслов отобрал у Иванова газету и нехотя отпустил. Скрипнув зубами, Иванов выбежал из столовой.

Маслов расправил помятую газету и осторожно повесил ее на старое место.

После этого случая Иванов ждал вызова к капитану или к первому помощнику. Однако и на этот раз его никуда не вызывали. Но парень чувствовал, что в последнее время в отношении к нему товарищей появился непонятный ему холодок. Стоило ему теперь появиться в каюте, где шел оживленный разговор, как все замолкали и воцарялось тягостное молчание. На его вопросы отвечали сухо, неохотно. Ему казалось, что за ним теперь постоянно следят чьи-то внимательные глаза. Чьи? Он не мог сказать точно. Но он не раз замечал настороженные взгляды Степанова, откровенно враждебные взгляды Маслова, осуждающие глаза Голубкова. Его нелестные выска-

звания о комсоставе и особенно о первом помощнике стали вызывать раздражение у матросов. Как-то, сменившись с вахты, Иванов пришел в свою каюту и, как обычно, стал ругать начальство. Артемов, который раньше пропускал мимо ушей эту ругань, тут вдруг встал и заявил:

— Хватит трепаться. Правильно старпом с тебя требует, и чем скорей ты поймешь, тем лучше.

Иванов оторопел.

— Ты что это, братец? — спросил он Артемова. — С каких это пор ты стал таким «правильным»?

Артемов не смутился.

— С некоторых. Надо уважать порядки на судне и поменьше рычать на других. А если тебе не нравится здесь — скатертью дорога, держать тебя никто не будет.

Иванов растерялся. Вести себя по-старому не имело никакого смысла. Он понимал, что настроение команды изменилось не само по себе. Ведь никогда так не бывало, чтобы его, Иванова, отчитывал такой же матрос, как и он сам. Раньше ругали его только начальники, а в команде кое-кто сочувствовал ему. И, что скрывать, Иванову нравилось такое положение. Он казался себе независимым и смелым человеком, не таким, как все остальные. А теперь выходит, все против него. Ведь не случайно же и собрание провели, и газету выпустили, не случайно даже лучшие друзья отошли от Иванова. Голубков и тот голосовал вместе с ними. А тут еще газета. И как это он не сдержался? Ведь не приди вовремя помполит, ему бы могло крепко попасть от матросов.

«Как же это получилось, что команда теперь так настроилась против меня?» — лихорадочно думал Иванов долгими бессонными ночами. «А может, я сам не прав?» — как-то мелькнула мысль. Он долго затем лежал, вспоминая каждый свой шаг на корабле. Затем вздохнул и прошептал с горечью:

— Я совсем запутался.

В порыве охватившего его отчаяния Иванов решил пойти к Горбунову, высказать ему все, что накопилось в душе и измучило его, и списаться с суд-

на. Видимо, и здесь он не пришелся ко двору. Так лучше уйти, как обычно, самому, уйти непокоренно. Но куда? Об этом он старался не думать, да и ответа не было на такой вопрос.

Тесная и душная радиорубка была заполнена певучими звуками морзянки, в такт которым порхал огонек сигнальной лампы передатчика. Отправив служебные сводки, радист Игорь Потапов включил приемник и, насвистывая, стал записывать идущие на судно сводки. Машинально переводя точки и тире в буквы, он не вдумывался в смысл записанных им слов. Отправив в эфир «квитанцию» о приеме последних радиограмм, Игорь принялся переписывать их на бланки. И вдруг, словно запнувшись, быстро бегавший карандаш замер.

— Не может быть! — пробормотал Игорь и впился глазами в текст.

— Черт возьми, да что же это такое! — в смятении воскликнул радист и бросился к капитану.

Спустя несколько минут в каюту капитана торопливо прошли стармех и старпом. Капитан молча протянул им радиограмму.

Старпом прочитал и растерянно взглянул на капитана.

— Может быть, произошла ошибка?

Капитан устало махнул рукой.

— Если бы ошибка... Я попросил Потапова вторично запросить базу.

Дверь с шумом отворилась, и в каюту вбежал радист:

— К сожалению, все точно, Степан Васильевич... Подтвердили прежний текст.

В каюту вошел Горбунов. Радист в смятении взглянул на его улыбающееся лицо и, не ответив на приветствие, как-то боком выскользнул из каюты. Горбунов удивился:

— Что это сегодня с ним стряслось?

Тягостное молчание стояло в каюте.

— Вы почему молчите все? — улыбка медленно сползала с лица помполита. — Что-нибудь случилось?

Капитан тяжело поднялся и шагнул навстречу Горбунову.

— Александр Георгиевич, мне трудно говорить, но ты моряк, а моряков не обманывают...

Улыбка сбежала с лица Горбунова, и он с тревогой спросил:

— Да что с вами, товарищи? Что здесь произошло?

Его взгляд упал на радиограмму, лежавшую на столе. Горбунов шагнул к столу. Быстро прочитал текст... раз... другой... Вдруг дрогнули губы... Помполит провел рукой по глазам, прочитал еще раз... Станным взглядом обвел каюту и прошептал:

— Как же так? Может, ошибка?

Но капитан подошел к нему, обнял за плечи и глухо проговорил:

— Мужайся, дорогой Александр Георгиевич.

Горбунов медленно повернулся, прижал телеграмму к груди и, сразу ссутулившись, неуверенными шагами вышел из каюты.

В радиограмме из города, где жила семья Горбунова, сообщалось, что три дня назад попали в автомобильную катастрофу жена и пятилетняя дочь Горбунова. Обе они находятся в тяжелом состоянии. Главврач больницы настаивает на немедленном приезде Горбунова. А судно находилось в открытом море за тысячи миль от родных берегов. В ближайший советский порт они попадут лишь через две недели.

Иванов торопливо шагал по коридору средней надстройки. У каюты Горбунова он остановился и громко постучал в дверь. За дверью молчали. Иванов постучал еще. Послышались шаги, щелкнул замок, и в дверях показался Горбунов. Потухшие глаза невидяще смотрели на матроса. Помполит молча стоял, загораживая вход в каюту. И было в его глазах и во всей его странно поникшей фигуре такое

горе, что Иванов вздрогнул и растерянно затоптался на месте, сразу забыв о том, зачем сюда шел.

Горбунов глухо сказал:

— Зайдите, пожалуйста, завтра, я не в состоянии сейчас говорить с вами. Извините...

Иванов с готовностью закивал головой и на цыпочках отошел от каюты. «Что с ним случилось?» — думал он, перебирая в памяти события последних дней и не находя в них ответа. «У ребят надо спросить, может, знает кто, в чем тут дело». Тревожное чувство охватило Иванова.

Он остановился у входа в красный уголок. Через приоткрытую дверь было видно, как группа моряков сгрудилась за столом вокруг радиста. Степанов торопливо шагал взад и вперед и диктовал. Радист быстро записывал.

Иванов толкнул дверь и вошел в помещение. Но, вместо того чтобы спросить товарищей о том, что его волновало, по привычке взялся за старое: состроил ироническую гримасу и небрежно произнес:

— Опять сочиняете в честь бедного Иванова? Хором?

Сидевшие за столом недобро посмотрели на него. Маслов медленно приподнялся и, не спуская глаз с Иванова, раздельно проговорил:

— Выйди сейчас же отсюда! Люди плачут, а ты смеяться вздумал?

— Что ты кричишь на меня? Горло большое? — вызывающе спросил Иванов. — Теперь мне и зайти сюда нельзя, что ли?

— Нельзя, — упрямо ответил Маслов. — Ты мешаешь нам, понятно?

— Это еще надо разобраться, кто кому мешает! — огрызнулся Иванов.

— Гад! — взревел Маслов. Он мгновенно подскочил к Иванову, цепко схватил за ворот, вытолкнул его за дверь и запер ее на ключ.

Тотчас же на дверь обрушился град ударов. Иванов бешено колотил в дверь, выкрикивая грубые ругательства. Трое матросов направились к двери. Но Степанов остановил их.

— Незачем, — сказал он. — Не обращайтесь внимания, сильнее проймет.

Иванов метался в узком проходе каюты, и горькая обида жгла его сердце. Ведь он же хотел по-хорошему, а вышло так нескладно. Его выбросили, как нашкодившего щенка.

Он повалился на койку и долго лежал, смотря воспаленными глазами в низко нависший над койкой потолок каюты. И вдруг Иванов приподнялся.

— Я сам виноват, сам во всем виноват, — простонал он.

...Ночью, во время вахты, он несколько раз проходил мимо каюты Горбунова и каждый раз невольно заглядывал в приоткрытый иллюминатор. За столом сидел, уронив голову на руки, помполит. Перед ним стояла в рамке фотография жены и дочери.

Несколько раз за ночь в каюте появлялись капитан и старший механик. Они подолгу сидели и тихо беседовали с Горбуновым.

Днем все внимание экипажа было приковано к каюте первого помощника. Иванова просто никто не замечал. Как никогда раньше, он чувствовал сейчас себя лишним и чужим в этом дружном коллективе моряков.

Прошло еще несколько дней. Иванов потерял покой и сон. Он осунулся, в глазах появилось жалкое заискивающее выражение. Ночи напролет лежал он в своей койке, не смыкая глаз, раздумывая о том тупике, в котором сейчас очутился. И не видел выхода.

...В одну из бессонных ночей Иванов тайком от команды пошел к Горбунову. Он без стука вошел в каюту. Горбунов, не поворачиваясь от стола, глухо произнес:

— Проходите. Садитесь.

Иванов сел на диван и тихо проговорил:

— Это я пришел, Александр Георгиевич. Если вам тяжело меня видеть — скажите, и я уйду.

Горбунов повернулся и устало сказал:

— Иванов? Давно я тебя не видел. Садись поближе.

— Александр Георгиевич, вы помните, как в этой каюте вы хотели поговорить со мной? Я тогда смеялся над вами. Простите. Я пришел сегодня сказать вам, что дошел до точки. И теперь мне впору за борт прыгать. — Иванов низко опустил голову, стараясь совладать со своим голосом.

Горбунов пристально посмотрел на матроса и сел рядом. Задыхаясь от волнения, Иванов быстро заговорил:

— Я был кругом не прав. Теперь я это знаю. Я вел себя глупо и сам виноват в том, что стал на судне лишним... и что товарищи меня сторонятся. Они вроде бы даже не замечают, что я еще существую на судне. Я кругом виноват. Больше всего я виноват перед вами. Я не понимал вас, не понимал, что вы от меня хотите, зачем вы со мной возитесь. Думал, по долгу службы, свой кусок хлеба отрабатываете. А вы... вы с душой ко мне относились. Простите меня, Александр Георгиевич. Пусть меня теперь спишут, я заслужил это. Но я многое понял за этот рейс и начну жизнь сначала.

Иванов замолчал. Горбунов посветлевшим взглядом смотрел на него и затем тихо сказал:

— Я рад, что ты сам все понял. А на ребят не обижайся. Горячий народ, могут и перегнуть.

До самого рассвета в каюте Горбунова горел свет и слышались взволнованные голоса. Два разных человека, каждый со своей болью, сами того не ведая, помогали в ту ночь друг другу окрепнуть духом.

Этот ночной разговор словно разбудил Горбунова. Жизнь шла своим чередом и властно требовала его участия. Он понял, что не имеет права замыкаться в своем личном горе, как бы тяжело и трудно ему ни было.

В последнее время в его каюте под самыми различными предложениями непрерывно находился кто-либо из членов команды. Одни вдруг чрезвычайно заин-

тересовались шахматами и шли к помполиту с просьбой помочь разобрать этюд, другие приходили с книгой под мышкой и неуклюже пытались вызвать Горбунова на спор о прочитанном, третьи шли посоветоваться о своих жизненных планах. Совет Горбунова, его слова стали особенно необходимы каждому моряку почему-то именно сейчас.

Конечно, он понимал, что за всем этим кроется и страстное желание моряков оторвать своего товарища от тяжких дум, помочь ему пережить свое горе. И пусть эти попытки иногда были неуклюжи и грубоваты, но в искренности их сомневаться не приходилось. И, наконец, страстная исповедь Иванова. То, чего не смог добиться он, руководитель, сделали без лишних нравоучений и бесед простые матросы и коцегары, сделал коллектив.

Исповедь Иванова побудила Горбунова к действию. Приведя себя в порядок, он вышел на палубу и прошел на ботдек, где в солнечные дни обычно собирались свободные от вахты матросы и коцегары. Его тотчас же окружили моряки. Все наперебой рассказывали ему о событиях на судне, о мелких происшествиях, беззлобно подшучивали друг над другом. Лишь Иванова не было среди моряков, но никто о нем даже и не вспомнил.

На мостике показался радист. Потрясая над головой бумажкой, он спустился на палубу, выкрикивая:

— Телеграмма! Телеграмма помполиту!

Все настороженно замолчали, с тревогой следя за синенькой полоской бумаги в руках Потапова. Что таит в себе эта новая весть с далекой земли? Радость или новое горе?

Горбунов прочитал телеграмму, бережно сложил ее и со смущенной улыбкой проговорил:

— От жены. Она поправляется и дочь тоже. Просит поблагодарить вас за теплую телеграмму, которую вы ей послали. Спасибо вам, дорогие друзья мои, за ваше внимание и заботу. Вы помогли нам пережить эту беду. — Горбунов замолчал, с трудом справляясь с волнением. Затем, как бы в раздумье,

медленно продолжал: — А жизнь идет. Вот вчера приходил ко мне Иванов, и мы всю ночь с ним проговорили. Он понял сейчас, что нельзя в коллективе жить гордым одиночкой. Похоже на то, что вы ему бойкот устроили? А ведь сейчас ему особенно нужны наша поддержка и помощь. Зачем же отталкивать его от себя?

— Да мы не отталкивали, — пожал плечами Степанов, — он сам оттолкнулся.

— Может, позовем сюда его? — всматриваясь в лица моряков, спросил Горбунов. Никто не возразил.

И вот из-за надстройки показался Иванов. Осторожно и недоверчиво смотрел он на собравшихся моряков, не зная, что делать дальше. Горбунов первый заметил его и приветливо окликнул:

— Чего остановился? Подходи ближе, — подбадривал он Иванова.

Несмелая улыбка показалась на лице матроса.

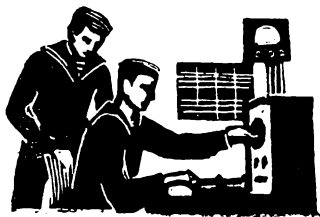
— Ну, чего застеснялся? — дружелюбно пробашил Степанов. — Иди к нам, дурило!

Иванов смотрел на посветлевшие лица товарищей, и теплое чувство волной охватывало его. Он широко улыбнулся и смело шагнул к ним.

— Смотрите, маяк открылся! — раздался чей-то возглас.

Моряки жадно смотрели вперед, где тоненькой спичкой вставал на горизонте маяк.

Теплый морской ветерок струился навстречу, обтекая взволнованные лица моряков. За маяком показалась и стала на глазах расти темная полоска земли. Дальний рейс приближался к концу.

НА ШЛЮПКЕ

Якорь с грохотом вырвался из клюза и бухнулся в воду, волоча за собой длинную цепь. Берега небольшой северной речушки Шойры, в устье которой остановился пароход «Трудовик», не радовали глаз. Песок, песок и песок. Ни деревца, ни кустика. По хмурому осеннему небу быстро неслись рваные клочья облаков.

Вскоре из-за мыса показался крохотный рыбацкий ботишко, с высоко торчащей над рубкой выхлопной трубой, подтащил к борту судна баржу под груз и,

освободившись, бойко затарахтел мотором, направляясь в обратный путь.

— Э-эй! На боте! Подождите! — закричали с судна. Но бот продолжал удаляться.

— Ну что ж, ребята, опоздали на бот, пойдем шлюпку просить у старпома, — предложил боцман. — Придется на шлюпке добираться.

Объяснив условия плавания по реке Шойре, неширокой, но бурной, с очень сильным течением, старпом разрешил спустить шлюпку.

Встречное течение и ветер сильно тормозили ход; шлюпка, непрерывно захлестываемая волнами, продвигалась вперед с трудом. Когда, наконец, обогнули песчаный мыс и подошли к маленькому деревянному причалу, Ипатов, молодой матрос-первогодок, не чувствовал от усталости рук: пальцы онемели и сгибались с трудом. «Больше ни за что не сойду на берег в таких местах», — думал он, выбираясь на причал и стряхивая с бушлата брызги.

Договорившись о времени сбора, матросы разошлись по поселку к своим знакомым и родственникам.

Ипатов решил побродить, посмотреть новое для него место. Расстегнув две верхние пуговицы бушлата так, чтобы были видны синие-белые полосы тельняшки, он не торопясь направился к видневшимся из-за песчаных холмов постройкикам.

Поселок был небольшим, и вскоре Ипатов вернулся к причалу. Легкий бушлат не спасал от пронизывающего холодного ветра. Ипатов забрался в шлюпку и долго сидел там, бесцельно глядя на мутные речные волны. Время тянулось медленно.

Ипатов встал, походил вокруг шлюпки, потом опять сел, посмотрел на часы — до срока сбора оставалось еще больше двух часов.

— Эдак замерзнуть тут можно, — недовольно пробормотал он. «А что, если одному поехать?» — мелькнула мысль. Он задумался, но не мог решиться.

Прошло еще полчаса. И, чувствуя, что начинает коченеть от холода, Ипатов решил ехать, махнув на все рукой.

— Не замерзать же мне здесь, — рассуждал он, — по течению я легко до судна доберусь. Отдохну, отогреюсь, а потом с кем-нибудь еще раз съезжу на берег за ребятами.

Течение подхватило шлюпку и быстро понесло вниз по реке. Ипатов сидел на корме и правил веслом. Он без труда вывел шлюпку на фарватер, и теперь ему оставалось только ждать, когда течение принесет ее прямо к борту парохода.

Подведя шлюпку к носу судна, Ипатов бросил весло, встал на среднюю банку и начал перебирать руками по борту судна, помогая течению нести шлюпку к висевшему на корме штормтрапу.

«Трап что-то высокогато поднят!» — только успел тревожно подумать Ипатов, как шлюпка уже была под кормой.

Перебежав на нос шлюпки, он схватился за штормтрап и хотел подтянуться к борту.

Только на мгновение Ипатов забыл о волне и течении, которое быстро донесли его до судна, и это мгновение едва не оказалось роковым. Нельзя подниматься в шлюпке во весь рост и хвататься за трап, когда бешеное течение и волна рвут шлюпку из-под ног. Ни один опытный матрос не подойдет к трапу по течению — инерция неминуемо пронесет шлюпку мимо.

Ипатов, обрадованный тем, что так легко и быстро добрался до судна, забыл про это. Не погасив инерции шлюпки, он схватился за трап и повис над водой. Еще секунда — и волна выбила шлюпку из-под ног. Ипатов повис на штормтрапе. Не осознав того, что произошло, он вскарабкался на трап и только тогда оглянулся. Шлюпку быстро тащило в открытое море.

«Шлюпку уносит!» — мгновенно сообразил Ипатов и, крикнув «Полундра!», прыгнул в воду. Балясины штормтрапа звонко щелкнули о борт парохода.

Ипатов задохнулся от обжигающего холода воды. Он вынырнул и бросился вплавь догонять шлюпку. Намокшая одежда сковывала движения и тянула вниз. Но матрос не думал о том, что может утонуть.

Он видел только шлюпку, которую он упустил, и одна мысль сверлила мозг — догнать!

До шлюпки осталось метров шесть, когда матрос почувствовал, что ледяная вода судорогой сводит правую ногу.

— Врешь! — хрипло и зло выдохнул Ипатов. — Врешь, догоню!

Вот уже три метра осталось, два с половиной, два, гребок, еще гребок — вконец измученный Ипатов ухватился за борт шлюпки и повис безвольным кулем, с трудом переводя дыхание.

Трижды он пытался забраться в шлюпку, но не хватало сил — ботинки и брюки пудовой тяжестью повисли на ногах.

— А-а, черт! — с дикой злобой прохрипел Ипатов и страшным напряжением всех сил перевалился через борт шлюпки.

Накатившаяся волна привела его в чувство. «Уносит в море...» — сообразил он и быстро поднялся. Шлюпку отнесло от судна метров за двести.

Ипатов с трудом развернул шлюпку против течения и начал быстро грести. Он не знал, что его крик перед прыжком в море слышали на судне и сейчас там спускают на воду шестивесельный вельбот. Ипатов не видел этого, и сознание, что спасение зависит только от него самого, удесятерило его силы.

Прошло еще несколько минут.

— Держи конец! — услышал вдруг он, и мимо лица со свистом пролетела длинная и тонкая веревка с привязанным на конце грузом. Ипатов поймал ее, закрепил за банку и бессильно повалился на дно шлюпки. Жестоко ныло измученное тело. В голове непрерывно звенело, и неудержимо слипались глаза.

Как в полусне, Ипатов увидел склонившиеся над ним знакомые лица матросов.

«...Добрался... дома... шлюпку», — прорывались сквозь звон в голове обрывки мыслей. И вдруг, оживившись, он попытался приподняться. Глаза зажглись тревожным огнем.

— Стойте! Ребята на берегу остались, надо ехать за ними.

Чьи-то руки закрыли ему рот и пригнули голову. А затем Ипатов услышал знакомый ворчливый голос: — Да лежи ты смирно! Доехал уже! Попадет тебе завтра от старпома, он научит тебя на шлюпке ходить! Тоже пловец нашелся.

«...Съездим... старпом... ходить», — опять несвязно потекли мысли.

На другой день его вызвали к капитану.

«Ну, дело плохо. Значит, спишут с судна», — тоскливо думал Ипатов. Он понимал, что после вчерашнего происшествия со шлюпкой встреча с капитаном ничего хорошего ему не обещает.

От капитана Ипатов вернулся мрачный. Молча он собрал свои вещи в матросской каюте и так же молча перенес их в тесную каюту под полубаком, где обычно жили палубные ученики.

К вечеру вывесили приказ капитана. Ипатов долго стоял у доски объявлений и читал приказ. Подошел боцман, прочитал, тронул за руку Ипатова.

— Ты не горюй очень-то, парень. Наказали тебя правильно.

Ипатов пожал плечами.

— А я не спорю. Раз прошляпил, то что тут говорить.

— А вот эту приписку ты цени, — боцман прочитал вслух: «Отмечаю вместе с тем смелость, проявленную бывшим матросом Ипатовым». Так наш батя пишет только о тех, в кого он верит, понял? Это значит, что месяца через два он опять переведет тебя в матросы. Конечно, если ты еще чего-нибудь не сотворишь похожего, — усмехнулся боцман.

— Да уж не сотворю, — упрямо мотнул головой Ипатов, — я теперь ученый.

СЕРДЦЕ ОСТАЕТСЯ НА БЕРЕГУ

Непривычная тишина стояла в торговом порту. Безмолвно застыли краны у пустых причалов. Лишь изредка мимо складов с легким фырканьем медленно проезжала автомашина, и снова наступала тишина. Густой морозный туман окутывал порт; в сумраке полярной ночи оранжевые шары причальных фонарей висели в воздухе, тщетно пытаясь пробить серую пелену тумана.

«Дон-дон! Дон-дон! Дон-дон!» — мерно бухал колокол на

краю причала, с рейда доносилось торопливое длинканье тонких голосов судовых рынд.

В конце первого района порта, у самого угла третьего причала, стоял небольшой грузовой пароход «Сосновка». Корпус его весь побелел от мороза, ванты и швартовые концы обросли пушистым инеем, и лишь труба резко выделялась своим черным цветом. Густая струя серого дыма тянулась от трубы вверх и смешивалась с туманом.

— Хорош туманчик! — весело воскликнул молодой плечистый парень, одетый в светлое демисезонное пальто. — Помяните мое слово, еще неделю стоим тут.

Это был старший рулевой «Сосновки» Виктор Викторов. Он появился на палубе из коридора средней надстройки. Вслед за ним показалась рослая фигура матроса Андрея Климова, девятнадцатилетнего парня, недавно присланного на «Сосновку» из резерва парокходства.

Всего полгода назад он закончил в Архангельске мореходную школу, получил звание матроса первого класса и вот уже второй месяц плавает на этом старом парокходике по становищам мурманского побережья. Черный бушлат, полученный еще в школе, ладно обтягивал атлетическую фигуру этого рослого моряка.

Андрей неторопливо осмотрелся по сторонам и нахмурился.

— Радости мало. И так уже пятый день торчим тут без толку.

Викторов повернулся и похлопал его по плечу.

— О'кэй, уважаемый, вы совершенно правы. Не может быть радости для моряка, если ему приходится долго торчать на берегу. Как правило, у истых моряков деньги кончаются на третий день стоянки. А на четвертый он обязательно должен уйти в море. Иначе, — Виктор вздохнул, — померкнут все радости земного бытия.

Андрей рассмеялся.

— Ну и любишь же ты потрепаться!

Виктор усмехнулся.

— Не надо придирааться, Андрюша. Вот поплаваешь пару лет — море разовьет и твой язык.

Они подошли к вахтенному матросу у трапа. Виктор отвернул огромный воротник бараньей шубы вахтенного и испуганно вскрикнул:

— Боже мой! Где же человек? Здесь же один бараний мех, и внутри ничего похожего на человека нет!

Вахтенный со смехом вырвался из рук Виктора и спросил:

— На танцы двинулись?

Виктор шутливо взял под козырек и выпалил:

— Так точно, товарищ начальник, на танцы! Разрешите отбыть?

— Разрешаю! — пророкотал вахтенный матрос и торжественным жестом показал на трап.

Парни сбежали на причал и торопливо направились к проходной.

К удивлению Андрея, на улицах города тумана не было. Яркие электрические фонари, словно крупные звезды, цепочками разбегались по склону от подножья до самой вершины пологого холма.

Андрей и Виктор остановились и оглянулись на залив. Там не было видно ни одного огонька. Все скрылось в тумане.

— Здорово! — восхищенно протянул Андрей. — В порту зги не видать, а тут как в другом мире.

— Ничего удивительного, — спокойно ответил Виктор, — ветерок дует со стороны города и весь туман несет на другой берег. Это здесь бывает часто. Привыкай. Заполярье, брат, ничего не поделаешь.

Они медленно проходили мимо залитого яркими огнями клуба моряков. Большая толпа девушек и парней стояла у входа.

— Ну как, заходим? — спросил Андрей, останавливаясь. Но Виктор подхватил его под руку и вкрадчиво предложил:

— Андрюша, там же танцы, масса красивых де-

вушек и все такое. Как ты смотришь, если перед танцами сообразить по пятнадцати морских капель на каждый зуб, а?

— Каких капель?

— Чудак, конечно же, морских, — Виктор рассмеялся. — Ты что, не освоился еще с морским словарем? Ну, выпить предлагаю, понятно?

— А-а, — протянул неохотно Андрей, — где же ты найдешь их, эти капли... На ресторан у нас не наберется денег, а врозлив давно уже нигде не продают.

Виктор оглянулся вокруг и тихо сказал:

— Есть здесь одно местечко, у Нюрочки. Пошли?

И он потянул за собой товарища.

Они свернули в темный переулок и вскоре подошли к голубому ларьку. Сквозь замерзшие стекла виднелся желтоватый свет. На железном щите, криво прибитом над окном, виднелась надпись: «Продпатка № 5».

Виктор осторожно постучал по стеклу. Открылась маленькая форточка над прилавком, и показалась толстая физиономия, закутанная темным платком.

Виктор заискивающе улыбнулся.

— Нюрочка, пусти морячков погреться.

Маленькие глазки сердито осмотрели обоих и быстро мигнули.

— Заходите, — послышался густой бас.

Виктор быстро обежал ларек. Андрей поспешил за ним. Вдвоем они еле втиснулись в фанерную пристройку. Очевидно, это было подсобное помещение, нечто вроде склада. На полу валялись поломанные ящики, пустые консервные банки, разбитый стакан, пустые бутылки и горы окурков.

Виктор брезгливо отбросил носком ботинка ржавую консервную банку, смахнул с бочки бумажные тарелки с остатками еды и наигранно-весело крикнул:

— Нюрочка, у тебя здесь нет только живого американца! За такой вернисаж радостей жизни тебя надо жестоко штрафовать! Это же полная антисанитария, и никакой гигиены труда.

В дверь с трудом протиснулась Нюрочка — толстая баба в стеганой фуфайке и в огромных серых

валенках. Маленький покрасневший носик терялся среди наплывающих друг на друга щек, и оттого лицо ее казалось плоским круглым блином слишком больших размеров.

Нюрочка недовольно прогудела:

— И так хорошо. Не нравится — скатертью дорога. Чего надо-то?

Виктор торопливо продиктовал:

— Два по двести, два ломтика хлеба и две изящные килечки.

Широким жестом Нюрочка отогнула полу фартука и извлекла из кармана юбки бутылку водки. Уверенным движением она выбила ладонью пробку из горлышка и налила в стоящие на бочке грязные стаканы. Через минуту она принесла им и закуску.

Андрей с отвращением смотрел, как ее толстые грязные пальцы мяли хлеб. И вообще вся эта обстановка ему не нравилась. Но Виктор бодро подмигнул ему и поднял стакан.

— Ну-с, уважаемый, позвольте пригласить вас выпить по единой во славу русского флота.

Они выпили. Виктор достал деньги и протянул Нюрочке.

Та послунявила палец, пересчитала и хмуро взглянула на Виктора.

— Ты что, думаешь, я за красивые глазки закон нарушаю? Гони еще рубль!

Виктор с укоризной посмотрел на нее.

— Нюрочка, креста у тебя на шее нет.

— Ты мне зубы не заговаривай. Гони монету и проваливай. Ну?

Виктор вздохнул, но деньги отдал.

— Не надо расстраиваться, Нюрочка, береги нервы, они у тебя очень тонкие, как тот манильский трос, которым мы швартуем корму при ураганных ветрах. Андрюша, скажи девушке «гуд бай», и уйдем из этого благородного заведения.

Они вышли на улицу. Андрей гневно проговорил:

— Что ты перед ней лебезил? Такую шкуру давно пора в милицию сдать.

Виктор испуганно оглянулся.

— Тсс... Ни слова, о друг мой. Это единственное место во всем городе, где можно прилично выпить и хорошо закусить! Ни звука нигде и никому!

— Как хочешь, но я сюда никогда больше не пойду.

— Только не трепи языком. Умоляю как друга...

— Ладно, — угрюмо согласился Андрей.

В Клубе моряков гремела музыка. Сдав пальто в гардероб, Виктор побежал, на ходу бросив товарищу: «Встретимся позже!»

Андрей неторопливо пошел вдоль стены, рассматривая танцующую публику.

Зал был невелик. В углу на специально устроенной площадке расположился духовой оркестр. Веселые, оживленные девушки и парни неумоимо носились в танце по блестящему паркетному полу. Висевшие на огромной люстре бесчисленные стеклянные сосульки от оглушительных звуков музыки и топота сотен ног непрерывно вздрагивали. А когда музыка прекращалась и танцующие пары расходились, им вслед раздавался тихий перезвон, словно люстра жаловалась людям на свою судьбу.

Андрей шел, осторожно лавируя среди танцующих, и с интересом смотрел по сторонам. Звуки музыки, неясный гул множества молодых голосов и та непринужденная атмосфера, которая царила в зале, захватили его.

У входа в зал он заметил невысокую девушку в скромном, красиво облегающем фигуру темно-вишневом платье. Она с задумчивой улыбкой смотрела на танцующих. Андрей взглянул на нее раз, другой, медленно отошел в сторону и остановился. Почему-то тревожно забилось сердце и вспыхнуло неодолимое желание подойти и унести с ней в танце. Он подошел поближе.

Девушка почувствовала его пристальный взгляд, оглянулась, испуганно осмотрела свое платье, затем улыбнулась.

— Вы что так смотрите на меня?

— Отгадываю, почему такая симпатичная девушка не танцует.

— Ну и как?

Андрей беспомощно развел руками.

— Пока не отгадал.

Девушка засмеялась.

— Я вам помогу. Во-первых, только что пришла, а во-вторых, — лукавые искорки блеснули в ее глазах, — а во-вторых, никто не приглашает.

Оркестр заиграл вальс. Андрей взял девушку за руку.

— Может, разрешите мне пригласить вас? Не откажетесь?

— Не откажусь, — задорно тряхнула головой девушка.

Андрей осторожно вел ее в танце. Вот теперь он почувствовал, как неуклюже танцует. Он беспрерывно наталкивался на танцующих, его тоже постоянно толкали. Непонятная робость охватила Андрея. Он старательно оберегал девушку от толчков, но, увы, как Андрей ни старался, они выпадали и на ее долю. Потому он непрерывно извинялся перед своей партнершей. Девушка вдруг засмеялась и сказала:

— Можно подумать, что «извините» — это ваше любимое слово.

— Да ведь толкают, — беспомощно произнес Андрей и, увидев ее смеющиеся глаза, решил: — Как вас зовут?

— Лена, — просто ответила она.

— У вас красивое имя. Греческое.

— Разве?

— Да. В переводе на русский оно означает «свежая».

— Спасибо. Я не знала этого. Вы, очевидно, знаете греческий язык?

— Да ну, какой я грек. Так, случайно где-то читал.

— Вы любите читать?

— Да, очень.

— Тогда приходите к нам в библиотеку. Я здесь работаю, правда не так давно... уже с месяц. Вы записаны у нас?

— Нет, все собирался, но теперь обязательно запишусь.

Незаметно для себя Андрей разговорился и почувствовал себя с Леной так легко и свободно, словно давно уже был с ней знаком. Он начал рассказывать ей о своем судне, как вдруг кто-то сильно хлопнул его по плечу.

— Ба, Андрюша! Где ты пропадал? — Виктор бесцеремонно оттолкнул Андрея в сторону и раскланялся перед Леной. — Простите меня, девушка, что я прервал вашу милую беседу. Позвольте познакомиться вас с моим лучшим другом Андреем Климовым.

— Вы опоздали, мы уже знакомы, — улыбнулась Лена.

— Ах так? В наказание за своеволие извольте теперь познакомиться со мной.

Лена рассмеялась.

— Пожалуйста, наказывайте.

— Матрос первого класса Виктор Викторов. Позвольте мне в честь знакомства пригласить вас на танец. Надеюсь, Андрей, ты не будешь возражать?

Андрей помрачнел и пожал плечами. Виктор, не обращая на него внимания, подхватил Лену, и они закружились в танце.

Андрей жадно следил за ними. Виктор, легко и изящно ведя Лену среди танцующих пар, очевидно, рассказывал ей что-то смешное, и она весело хохотала. Андрей позавидовал его умению так легко и непринужденно обращаться с девушками.

Танец кончился, но Виктор не отпустил Лену. Взяв ее за руку, он подбежал к оркестру и крикнул:

— Жора, сыпани «Русскую»!

Оркестр грянул пляску. Толпа мгновенно образовала круг. Виктор, не спуская с Лены глаз, пошел легким переплясом вокруг нее.

— Вы пляшете «Русскую», Леночка?

— Иногда.

— Прошу вас! — выкрикнул Виктор и пустился вприсядку, приглашая Лену.

Лена беспомощно оглянулась и, наконец решившись, вышла в круг.

Виктор неистовствовал в пляске. Он любил народные танцы и умел лихо плясать. Это было и красиво и заразительно. И вот уже вышел один, второй, третий танцор, а в центре Виктор выделял самые замысловатые коленца вокруг плавно идущей по кругу Лены.

Андрей стоял на том же месте, откуда Виктор увел от него Лену, и хмуро наблюдал за раскрасневшимся, счастливым лицом Лены. Она была вся во власти танца.

— Вот пляшет парень, а! — восхищенно произнес кто-то рядом с Андреем. — Вот это матрос, это я понимаю! Испеклась девка — это точно, ишь, как глазенки у нее горят! Вот что значит талант у парня!

Андрей искоса посмотрел на говорившего и отошел в сторону.

Оркестр замолк, Виктор в последнем броске, картинно раскинув руки, бросился перед Леной на колени. Публика бешено аплодировала и, тесным кольцом сгрудившись вокруг Виктора и Лены, кричала «бис!».

Радостно возбужденная, Лена оглядывалась вокруг. Вот она увидела Андрея и стала пробираться к нему сквозь тесное кольцо людей. Но Виктор, заметив это, вдруг отчаянно махнул рукой и крикнул дирижеру:

— Жора, выдай «Яблочко»!

И снова загрела музыка, и снова Виктор пустился в горячий, бешеный матросский пляс.

Андрей видел, как Лена пыталась пробиться к нему сквозь толпу, затем ее попытки ослабли, она оглянулась раз, другой на пляшущего Виктора и повернула назад, к центру зала, где виртуозно плясал «Яблочко» Виктор.

Андрей гордо вздернул свою хмельную голову и, скрипнув зубами, вышел из зала. Он быстро сбежал по лестнице, оделся и выскочил на улицу, весь кипя

от негодования и чувствуя себя глубоко оскорбленным.

— Ну, погоди! Я тебе покажу, как отбивать девчат у друзей! Ишь, ловкий какой! — гневно бормотал Андрей, быстро шагая в порт.

Андрей лежал на своей койке в кубрике, когда с берега вернулся Виктор. Была уже полночь. Виктор вошел, весело мурлыкая какую-то песенку, и как ни в чем не бывало обратился к Андрею:

— Эх ты, лежишь тут! А ночка-то какая разыгралась! Звезды — по три кило каждая! В такую ночь надо стихи сочинять или в любви объясняться.

Андрей молчал, сдерживая злость. Виктор посмотрел на него удивленно и свистнул:

— Э-э... Мы вам нравимся, вы нам — нет! Вон в чем дело, муки ревности нас гложут, не так ли, маэстро? Ну, это уж напрасно. Не хватало нам еще из-за девчат ссориться.

Андрей процедил сквозь зубы:

— Нечестно так поступать, как ты. Чего ты влез, куда тебя не просили?

— Нечестно! А что честно? Ты мне можешь сказать? Нет? Ну ладно, как говорят в Одессе: не будем сыпать соли на незажившие душевные раны. Она что, тебе понравилась?

— А тебе какое дело? — грубо ответил Андрей.

— Да нет, я спрашиваю.

— Ну, хотя бы?

— Это уже деловой разговор. Но представь себе, и мне она понравилась! Так что же нам делать? Дуэль на свайках? Но, Андрюша, в наш атомный и ракетный век — и вдруг дуэли! Фи! Не модерно. Совершенно не модерно.

— Брось балаганить. Я тебе серьезно говорю.

Виктор с готовностью кивнул.

— Это можно. Желание трудящихся масс для нас закон. Однако с Леночкой мы уже назначили randevu. А randevu есть, как известно, такое свида-

ние, при котором третий, увы, всегда оказывается лишним.

— Балалайка ты пустая, — в сердцах сказал Андрей и отвернулся к переборке.

— О! Как грубо! Но, как говорит поэт, не надо слов, не надо продолжать. Все ясно. Дипломатические отношения вступили на грань разрыва. Что поделаешь, женщины требуют жертв, и мы их приносим.

Виктор разделся и быстро заснул. А Андрей долго еще лежал с открытыми глазами.

«Конечно, — думал он, — девчата любят таких, как Виктор. Он и собой виден, и на язык смел, и пляшет, и вроде как бы на все руки мастер. А я что? И двух слов не сумею связать складно. Ни танцевать, ни плясать... Что ж, ее и потянуло к Виктору. А как же я? Чем я хуже?» Андрею стало горько от таких мыслей. Ведь вот как в жизни все получается нескладно. Андрей горько вздохнул.

...С утра мороз стал еще крепче. Залив по-прежнему густо парил. Выход в рейс отложили еще на сутки. Днем Виктор то и дело пытался заговорить с Андреем. Но Андрей так посмотрел на Виктора, что тот сразу же замолчал.

Вечером Виктор принарядился и ушел на берег. Андрей остался на судне. Он прошел в красный угол, посидел с час у телевизора, потом вернулся в кубрик и улегся на койку с книгой в руках. Он лежал, перелистывая страницы, и все время ловил себя на мысли о Лене. Она, наверное, сейчас танцует с Виктором, ей весело и радостно. О, черт! Андрей отбросил книгу и встал. «Нет, не могу больше. Завтра же пойду в Клуб моряков и постараюсь поговорить с Леной. Откуда я взял, что ей больше нравится Виктор? Ведь после пляски она же ко мне шла, она меня искала... Ну и дурак же я! Сам во всем виноват!»

Андрей забежал по узкому проходу кубрика. Все, решено. Завтра он идет к Лене и прямо спросит ее. Если, конечно, она сама скажет, что не желает дружить с ним, тогда все... Тогда он больше в Клубе моряков не появится.

Около одиннадцати часов вечера в кубрик ввалился Виктор.

— Ну, Андрюша, ты зря на меня дулся. Я тебе сейчас такую новость выдам, что ты закачаешься и тихо сядешь по-турецки!

Виктор возбужденно пробежался по кубрику, сел на койку, перескочил на стул, бросил макинтош на рундук и жадно затянулся папироской. Андрей недоверчиво наблюдал за необычным поведением товарища. Что он опять задумал?

— Ну, брат, слушай и молись богу, что есть у тебя такой друг, как Викторов. Иначе погорел бы ты в два счета.

Виктор затянулся дымом и всплеснул руками.

— Нет, какова девица, а? Вот мы бы влопались с тобой, брат! Но не на такого напала. Я воробей стреляный в этих делах.

— Давай без лишних слов. В чем дело? — хмуро взглянул на Виктора Андрей.

— Сейчас все расскажу по порядку. Ну, значит, прихожу я чин чином в клуб, на танцы, запеленговал Елену и пришвартовываюсь. Между прочим, она и о тебе спрашивала, где ты да почему не пришел. Но это, понятно, для отвода глаз. Ну, конечно, танцуем, я ей заливаю про то, как мы плавали в Сингапуре, то да се, пятое-десятое. А часов в десять она вдруг говорит, что ей домой надо. Я, конечно, не пускаю ее. И тогда она мне знаешь что сказала? «Мальчик, — говорит, — ждет меня. Ему всего четыре годика, и вечерами иногда соседка сидит с ним». Я так и сел! «Какой такой, — спрашиваю, — мальчик? Ваш?» И она, ты понимаешь, так спокойно заявляет: «Да, конечно, мой». Вот тебе и ананас! Ну, думаю, попали мы с Андреем! Что нам, мало девчат в городе, что ли, чтобы к матери-одиночке прислоняться? Я, конечно, тут же сделал оревуар — и драпу на судно. Говорю, на вахту мне надо.

Андрей с безразличным видом слушал Виктора. Потом он осторожно спросил:

— Может, у нее и муж есть?

— Какой там муж! — махнул рукой Виктор. —

Если бы у нее был муж, что же, она так вот по танцам одна и ходила бы? В том-то и дело, что нет у нее никакого мужа, в этом я абсолютно уверен.

— А может, это и хорошо, что нет мужа?

Виктор опешил.

— То есть как это хорошо? А ребенок?

— Ну и что ж, что ребенок. Чем он тебе мешает, если ты полюбишь его маму?

— Ну, знаешь, ты мне тут демагогию не разводи.

— При чем тут демагогия? Я тебе высказываю свое мнение. — Андрей старался говорить ровным, спокойным голосом.

— Ах, видите ли, маэстро выражает «свое мнение», но применительно почему-то ко мне, а не к себе. Вот ты бы сам и полюбил его маму, — передразнил ехидно Виктор, — а я бы посмотрел на тебя.

— Да нет, это я так, вообще говорю.

— То-то же, вообще. Такие мамы-одиночки только и смотрят, как бы папу нового занять. Тут надо ухо остро держать.

— Знаешь, Виктор, ты бы лучше помолчал. Зачем на Лену наговаривать? Ведь не она, а ты стал за ней увиваться. И о мальчике она тебе сразу сказала. Зачем же ты добивался свидания с ней?

— Но ведь я же не знал в первый вечер!

— Что же, ей табличку на груди носить «мать-одиночка»? Ты думаешь, что говоришь? Чем ребенок тебе мог помешать? Ведь это ее ребенок.

— Конечно, — осклабился Виктор, — с матерью-одиночкой действовать можно смелее. Не мы у ней первые, и, понятно, стесняться нечего. Да тут палка о двух концах. Как бы потом я выпутался — это вопрос. Тут бы ребенок против меня сыграл.

— Вот что, Виктор, — глухо проговорил Андрей. — Я твою пошлятину слушать не желаю и о Лене так говорить не позволю, понял? Это низко и подло. За это морду бьют.

— Но-но, рыцарь нашелся, — Виктор поднялся, сжав кулаки.

Андрей тоже встал.

— А ну, дай сюда руку.

Андрей сжал ладонь Виктора. Тот взвыл и, прогнувшись крючком, завопил:

— Отпусти! Ты же раздавил мне все кости!

Андрей отпустил и молча смотрел, как, ежась и приплясывая, Виктор дул на свою руку.

— Советую учесть этот факт. И свой подленький тон в разговоре о Лене и вообще о женщинах забудь навсегда. Думаю, тебе лучше перебраться из этого кубрика. Нам тут вместе делать нечего.

— Ах, даже так! — скорчил мину Виктор. — Не сошлись характерами, так сказать. Пожалуйста. Пусть другие поживут с психом. Я сыт по горло.

Виктор собрал свои вещи в чемодан и, ворча, вышел из кубрика.

Через две недели «Сосновка» вернулась из рейса в Мурманск. Первые дни плавания Андрей намеренно не замечал Виктора. А тот усиленно старался реабилитировать себя в глазах Андрея. Он искал встречи со своим бывшим другом, с готовностью бросался помогать ему, осторожно шутил, но Андрей упорно молчал или отвечал односложным «да» или «нет».

После того вечера в Клубе моряков Андрей все больше и больше думал о девушке. Иногда вечерами образ Лены так ясно вставал перед его глазами, что Андрей пугался — уж не галлюцинации ли начались у него?

Его не смущало то, что у Лены есть ребенок. Значит, трудная была у нее жизнь, значит, она видела и радость и горе. Андрей жалел ее, и в груди у него все росло желание видеть Лену, слышать ее мелодичный голосок и, главное, самому рассказать ей о своих чувствах.

Стоянка в порту была короткая, всего полтора дня, но Андрей успел сбегать в Клуб моряков. Конечно, он бегал туда по делу. Ему срочно понадобилась какая-то книга, и для этого пришлось записать-

ся в библиотеку. Видел он и Лену. Собственно, она и записывала его.

Судя по всему, Лена обрадовалась его приходу. Она с интересом расспрашивала его о пароходе, о рейсе, а потом долго не отпускала Андрея. Между прочим, она спросила его, словно в шутку:

— Почему вы так стремительно исчезли в тот вечер? По принципу песенки: «третий должен уйти»?

— Хотя бы, — с вызовом ответил Андрей.

Лена серьезно взглянула на него и тихо сказала:

— А я о вас часто вспоминала.

Андрей промолчал. Потом простился с Леной и ушел на пароход.

Теперь Андрей часто приходил в библиотеку за книгами. Но, получив новую книжку, не торопился уходить. Он терпеливо ждал, пока Лена сдаст дежурство, и они шли прогуляться по городу. Говорили обо всем: о книгах, о кино, о космонавтах, о живописи, о театре, об общих знакомых и даже однажды смело спорили о том, что такое любовь и существует ли она в наши дни. Но ни разу Лена не заговорила с Андреем о ребенке. Тогда он решил спросить ее об этом сам.

Андрей дождался конца дежурства Лены, и они вместе вышли из Клуба моряков. Он взял у девушки зонтик, раскрыл, и Лена со счастливым смехом прижалась к моряку, прячась от дождя. Они шли по улице Ленина, направляясь к дому, где жила Лена. Она еще ни разу не приглашала Андрея к себе домой. Когда они подошли к пятиэтажному дому рядом с аптекой и остановились у подъезда, Андрей откашлялся и спросил:

— Лена, а когда же вы мне сына своего покажете?

Лена пристально взглянула на Андрея.

— Сына? Что ж, покажу. Хотите сейчас?

Андрей кивнул.

Они поднялись на четвертый этаж и остановились на площадке.

— А с кем он сейчас у вас дома? — снова спросил Андрей.

Лена улыбнулась.

— О, он у меня самостоятельный. Вы в этом сейчас убедитесь.

Она нажала кнопку звонка, за дверью послышался грохот, затем визг и топот. Замок щелкнул, и в дверях появился вихрастый мальчуган. На правом боку у него висела длинная деревянная сабля. На левом — морской кортик. Из карманов штанишек торчали рукоятки двух больших пугачей. В руках он держал автомат и грозно целился им в Лену.

— Руки вверх! Сдавайся! — кричал он.

— Сережа, это что же ты так встречаешь гостей? — Лена шутливо взъерошила волосы мальчугану. Но тот упрямо стряхнул руки Лены и, выскочив на площадку, грозно направил автомат на Андрея.

— Руки вверх! Сдавайтесь!

Андрей медленно поднял руки.

Мальчуган забежал за спину Андрея и скомандовал:

— Вперед! И не оглядывайтесь! Шагом марш в плен!

Так Андрей познакомился с Сережкой. Мальчуган был несказанно рад, что с этим дядей он мог вполне серьезно обсуждать достоинства своего оружия. Андрей отремонтировал поломавшийся заводной танк, и тот снова загремел по полу, сверкая искрами из длинного ствола пушки.

— А вы кто, дяденька? Танкист, да? — нетерпеливо спросил Сережка, преданно заглядывая в глаза Андрею.

— Нет, Сереженька, я не танкист. Я матрос.

— А где же у вас бескозырка? — недоверчиво спросил мальчик.

— На корабле осталась.

— Эх вы, я бы примерил, — вздохнул мальчик и добавил: — А мой папа летчик.

«А мой папа летчик» — эти слова не сразу дошли до сознания Андрея.

Новый звонок в дверь заставил мальчугана подскочить и с радостным криком «мама!» броситься в прихожую.

Андрей растерянно стоял посреди комнаты. Вошла молодая женщина, очень похожая на Лену. Сережа подбежал к Андрею и взял его за руку.

— Мама, а это дядя Андрей. Он моряк и мне танк починил.

— Тоня, — просто сказала молодая женщина, протягивая руку. — Мой сорванец, наверное, надоел вам? Он у меня непоседливый.

— Да нет, нисколько. Я с удовольствием с ним поиграл, — смущенно улыбнулся Андрей.

Тоня быстро увела Сережу в ванную. Андрей осторожно вышел в соседнюю комнату. Лена стояла у окна и смотрела на улицу.

— Лена, объясните мне, что все это значит?

— Что... все? — повернулась Лена.

— Ну, все это, — замаялся Андрей. — Тоня, Сережа... выходит, он не ваш сын?

— Не мой. Сережка сын моей сестры. Муж у нее летчик, сейчас он в Арктике. А я живу у них. Вот и все. А почему вы подумали, что у меня есть ребенок? Постойте, постойте... Я догадываюсь. Это вам, наверно, Виктор про Сережку рассказал, да? Ну, теперь все ясно. То-то он совсем перестал заходить в библиотеку. А я и не знала, в чем тут дело.

Андрей помрачнел.

— Но это можно поправить. Я объясню ему.

Андрей решительно шагнул к выходу. Лена быстро подбежала и тронула его за рукав.

— Андрюша! Что с вами? Вы уходите уже?

— А что ж теперь мне тут делать? Все выяснилось.

— Что выяснилось?

— Ну, вот это... что Виктор ошибся.

— При чем тут Виктор?

Андрей рывком притянул Лену к себе и, глядя ей в глаза, сказал:

— Лена... не играйте такими вещами. Вы же знаете, что я все дни только о вас и думаю... Я люблю вас, Лена.

— Андрюша! — Лена вся потянулась к Андрею. — Ой, Андрей, какой же ты глупый! — Она

счастливо рассмеялась и спрятала свое лицо на его груди. Андрей вдруг растерялся и стоял, не смея сказать ни слова. Потом он робко обнял Лену за плечи.

— Ого! Да тут, я вижу, интересные вещи! — весело закричала Тоня, входя в комнату. Сережа притих и с любопытством глазел на молодых людей.

— Это что же происходит в моем доме? — приторно строго шумела Тоня. — Ленка, как тебе не стыдно на шею мужчинам вешаться?

Андрей и Лена переглянулись, кивнули друг другу, стремглав выскочили из квартиры и с хохотом бросились вниз по лестнице.

Они бродили с Леной по самым дальним и пустынным улицам, не обращая внимания на прохожих, не замечая вокруг ничего. Они были вдвоем, и никто им не был нужен.

Когда Андрей проводил Лену домой, было уже два часа ночи. Он бежал по затихшим улицам города и не чувствовал усталости. Радость переполняла все его существо. Ему хотелось громко кричать, петь, плясать. Но город спал, и лишь постовые милиционеры долгим взглядом провожали бегущего в порт матроса.

Через день «Сосновка» уходила в очередной рейс. Андрей возился со швартовыми концами на палубе, когда вдруг увидел у причала знакомую фигурку девушки. «Сосновка» уже отдала концы и медленно двигалась к выходу из ковша. Андрей подбежал к релингам на полубаке. Поднял руку. Лена заметила его. Наблюдавший эту сцену боцман толкнул в бок Андрея и, подмигнув, протянул ему рупор.

— Попрощайся, — буркнул он.

— Жди через две недели, Лена! — крикнул Андрей.

Лена кивала головой и все махала и махала рукой.

Краем глаза Андрей видел, как под полубак тенью прошмыгнул Виктор. Больше он не появлялся на палубе. Андрей стоял и смотрел, как за кормой по правому борту быстро убегали назад причалы. Вско-

ре не стало видно и маленькой фигурки девушки с зажатым в руке платочком.

Андрей зачехлил швартовые вьюшки, закрепил походному якорь-цепи и, не торопясь, направился в кубрик. Через двадцать восемь морских вахт, и никак не раньше, он снова вернется на берег, который стал ему теперь желаннее, ближе, дороже.

Он не может не вернуться — сердце матроса всегда остается на берегу.

«ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ!»

После отхода судна из порта матросы работали всю ночь. Закрепив все по-походному и намертво задраив трюмы, на восходе солнца скатили из шлангов палубу. Влажный металл тускло заблестел под первыми лучами встающего из моря светила. Матросы собрались у первого трюма. Утомленные бессонной ночью, курили, изредка прерывая молчание короткими фразами.

— А Егор опять не вышел. Спит в своей каюте, и водкой от

него разит за милю. «Фитиль» получит, — негромко произнес плотник Иван Рябов.

Матрос Николай Вышегородов, молодой и острый на язык парень, процедил сквозь зубы:

— Черт с ним. Так ему и надо, раз не умеет пить.

— Всем достанется. Опять, скажут, палубная команда отличается, — вздохнул пожилой матрос первого класса Усачев.

Боцман присел неподалеку и, деловито заклеивая разорвавшуюся папироску, прислушивался к разговору. Матрос Тихонов, рябоватый, добродушный парень, миролюбиво проговорил:

— И что вы, ребята, разнылись? Подумаешь, выпил парень лишку. С кем такое не случалось? Дайте человеку сначала проспаться.

Боцман неторопливо прикурил, подошел поближе.

— Ты его не защищай, Тихонов. Это с ним не первый раз. Сколько мы с ним нянчиться будем? Слава богу, не младенец. Я нынче рапорт на него подам, пусть убирают с судна куда хотят.

Все снова замолчали.

Матрос Егор Матыров проснулся лишь в полдень. В каюте было нестерпимо жарко и душно. Он оторвал голову от подушки и мутным взглядом обвел каюту. Страшно болела голова. Матыров стал припоминать вчерашний вечер. Что же произошло? Сначала он смотрел кино в Клубе моряков. Потом пошел погулять по городу. Встретил знакомого парня с другого парохода. Зашли в пивную. Выпили по кружке пива. Хотели уже уходить. Тут появились какие-то три давно не бритых человека. Хрипылыми голосами попросили купить им по кружке пива. Матыров резко отказал. Те подняли шум. Кто-то из них толкнул матроса. Тот в ответ ударил. Вспыхнула драка. Потом пили «мировую». А дальше? Как же он попал на судно? Когда?

Егор встал, добрел до умывальника и сунул голову под кран. Но теплая вода нисколько не освежала. Он повернулся и снова лег на койку.

В каюту без стука вошел Тихонов. Матыров вздрогнул и быстро сел. Тихонов усмехнулся.

— Не бойся, я сам боюсь. Иди к старпому, вызывает.

— Зачем?

— Ясно зачем. Баня тебе будет такая, что не позавидуешь!

Матыров равнодушно махнул рукой.

— Все равно теперь. Это первый раз страшно. Переживем...

К вечеру появился приказ капитана. Матросу Егору Матырову объявлялся строгий выговор. С приходом в порт он будет списан с судна. Капитан ходатайствует об увольнении Матырова из пароходства.

Никто из экипажа не знал, что после приказа Егор ночью ходил к капитану просить, чтобы тот не настаивал на его увольнении из флота: «Мне некуда будет пойти, товарищ капитан. Ни родных, ни знакомых на берегу у меня нет».

Последовал сухой ответ, что об этом подумать следовало раньше. Матыров потоптался на месте и глухо добавил:

— Я вырос на судне... Поймите, товарищ капитан. Капитан покачал головой и повторил:

— Изменений в приказе не будет.

Егору хотелось рассказать капитану о своей жизни, о том, что он вовсе не пьяница. Все это происходит от какого-то непонятного ему самому желания казаться на берегу таким морским волком, которому все нипочем.

Многое хотелось рассказать в тот вечер Егору, но глаза капитана смотрели так холодно и отчужденно, что Егор запнулся, пробормотал «извините» и вышел из каюты.

Как будто холодный и тяжелый камень лег Матырову на душу. Только сейчас он ясно понял, что в его жизни наступает крутой поворот. Он не нужен флоту! И никто не понимает его. Всю ночь Егор думал о своей печальной судьбе, и сердце его все бо-

лее и более озлоблялось против людей, которые так безжалостно решили его участь.

Матыров стал сторониться товарищей по работе. Ему казалось, что после приказа капитана он стал для всех на судне лишним человеком. Судовая жизнь перестала интересовать Матырова, и он всячески старался подчеркнуть, что ему совершенно безразличны и судно и люди на нем.

Сменившись с вахты, Матыров подолгу лежал в постели, закинув руки за голову, и о чем-то думал. Обычно разговорчивый, веселый, он теперь больше отмалчивался. И его оставили в покое.

К концу второй недели пути «Орел» обогнул Новую Землю с севера и, оставив ее слева, вошел в Баренцево море. До Мурманска оставалось несколько дней ходу. Команда заметно повеселела. В каютах только и слышны были разговоры о предстоящем приходе в родной порт.

Баренцево море встретило «Орел» свежей штормовой погодой. А через сутки северо-западный ветер достиг силы десяти баллов. Длинные водяные валы на глазах превращались в косматые горы и с протяжным гулом разбивались о железный корпус парохода.

В полночь Матыров и Тихонов заступили на вахту. В кромешной темноте, не ослабевая ни на минуту, ревел ветер. Пароход шел под острым углом к волне, и сильная бортовая качка легко переключивала судно с одного борта на другой; порой пароход тяжело содрогался, и крупная дрожь пробегала по всему корпусу от носа до кормы — это очередной девятый вал мощным ударом сбивал нос парохода в сторону от курса. Но вал прокатывался дальше, и рулевой торопливо выводил судно на заданный курс.

Егор стоял на крыле мостика. Крепко вцепившись в поручни, он напряженно всматривался вперед. А волны били по судну все крепче и крепче. Но каждый раз, с гулом отряхнув с себя воду, пароход не-

торопливо взбирался на очередной водяной холм и снова принимал на себя удары разъяренного моря.

Вверх-вниз, вверх-вниз равномерно качался Матыров, стараясь удержать равновесие. Главное — это приспособиться к ритму. Тогда пропадает неприятное ощущение в желудке и ноги сами регулируют положение тела.

Вдруг откуда-то снизу до Егора донесся крик. Он насторожился: «Послышалось? Или действительно кто кричал?» Он повернулся назад, к корме, глянул вниз на палубу и похолодел: там, между двух закрепленных наглухо шлюпок, бурлящий поток воды тащил с собой человека. Крен парохода увеличился, поток хлынул за борт. Еще секунда — и человек забарахтался на гребне волны, быстро откатывающейся от судна.

Страхнув оцепенение, Матыров выхватил из гнезда на крыле мостика спасательный круг и бросил его за борт. Сработал автоматический буй, и яркий красный снопик света замерцал среди волн.

Тут же Матыров, рванув дверь ходовой рубки, крикнул: «Человек за бортом!» — и бросился с мостика. На ходу срывая с себя громоздкий резиновый плащ и тяжелые резиновые сапоги, он подбежал к борту, поймал глазами пляшущий на волнах огонек и прыгнул в волны.

Ледяная вода ножом резанула по телу. Вынырнув, Матыров попал под удар набежавшей волны, захлебнулся и снова ушел под воду. Волны крутили и захлестывали матроса, холод сводил ноги судорогой. Он потерял из виду красный огонек спасательного круга, и на мгновение его охватил страх. Белые огни парохода, казалось, стремительно убегали от него. Матыров закричал. Но вот неподалеку шлепнулось на воду что-то тяжелое, вспыхнул красный огонек, и в его мерцающем свете Матыров увидел спасательный круг. В тот же миг темноту прорезал луч прожектора. Скользя по Матырову, луч ушел в сторону и остановился. Матыров понял: ему надо плыть туда.

Он быстро добрался до спасательного круга, и

радостное чувство шевельнулось в груди — от круга к судну тянулся тонкий и прочный линь. Матыров поспешно надел круг на плечи и сильными рывками поплыл к застывшему на одном месте лучу прожектора. Волны били в лицо, накрывали с головой, неожиданно отбрасывали далеко в сторону, но Матыров упрямо пробивался вперед. Вот мелькнуло темное пятно на воде; луч прожектора подвинулся, и Матыров увидел, как беспомощно взмахнул руками и ушел под воду человек.

Прокатилась новая волна, и совсем рядом Егор увидел в водовороте пены утопающего. Егор рванулся вперед, схватил его, подтянул к себе и при мертвенном свете прожектора узнал боцмана. Тот уже выбился из сил и был без сознания. Матыров перевернул боцмана на спину, ухватил его покрепче за ворот куртки и начал пробиваться навстречу желтому пятну прожектора. Тонкий линь, прикрепленный к спасательному кругу, натянулся, и Матыров догадался, что с судна подтягивают его к борту.

Уже у самого борта огромная волна догнала Матырова с боцманом. Косматым чудовищем нависнув над ними, она взнесла их на свой гребень и бросила на железные листы обшивки.

Их так и вытащили на палубу вместе и положили в лоцманской каюте, спешно приспособленной под лазарет. К полудню Матыров пришел в сознание. Боцман, лежавший на койке рядом, приподнялся, осторожно взял руку Матырова и глухим от волнения голосом проговорил:

— Ну, Егор, всю жизнь буду помнить. Спасибо. Матыров слабо улыбнулся в ответ.

Пришел старпом, запретил всякие разговоры и посоветовал спать. То и дело заходили свободные от вахты ребята.

Матыров крепко заснул.

Потом пришел капитан. Он долго молча сидел у койки Егора, пристально всматривался в его лицо

и о чем-то думал. Потом встал, прислушался к дыханию спящего и, погасив свет настольной лампы, вышел.

Вечером капитан зашел в каюту старпома. Они долго обсуждали последние события на судне, перелистывали книгу приказов, в которой четким почерком старпома были записаны выговоры, объявленные матросу Матырову за нарушения дисциплины. Наконец капитан захлопнул книгу и задумчиво проговорил:

— Я все-таки думаю, что Матырова надо представить к награде. А выговоры — что ж, это для него теперь пройденный этап. — И, помолчав, твердо закончил: — Пишите приказ. Полагаю, в пароходстве нас поддержат.

ПОСЛЕДНЕЕ ТРАЛЕНИЕ

Норд-вест задул еще с вечера. Багровый сплюснутый диск солнца так и не добрался до воды — высоко над горизонтом он спрятался за лохматые серые тучи.

Быть шторму. Это уж Венцель знает наверняка. Не первый год в море. Вот и покачивать начало изрядно. Что ж, не удивительно — траулер пуст, как барабан. Три недели цедили впустую воду — рыбы все не было. Смешно сказать, но после двухчасового траления огромный но-

венький трал выволакивался из темной глубины Северной Атлантики почти пустым.

Не везет «Герде», что там ни говори. Да, мало приятного будет в Гамбурге, когда «Герда» вернется без рыбы. Опять попадет ему, Венцелю, хоть он всего лишь старший помощник капитана. Жилы тянуть хозяин фирмы Штиммель умеет. «Почему, — закричит, — не подсказал молодому капитану рыбные места? Почему опять без рыбы пришли?»

Попробуй подскажи этому мальчишке — не рад будешь. Венцель пробовал. И всегда оставался оплеванным. Гонора у молодого Штиммеля еще побольше, чем у его папаша.

В прошлом рейсе молодой Штиммель прямо сказал Венцелю, что, если тот будет соваться в дела капитана, им придется расстаться. И теперь Венцель молчит.

Старпом Эрих Венцель, тощий, сутулый пожилой человек с потухшими усталыми глазами, понуро стоял на капитанском мостике траулера и равнодушно смотрел вниз на палубу, где суетились матросы.

Невеселые мысли бродили в его голове. Хозяин предупреждал Венцеля, что, если и впредь траулер будет возвращаться без рыбы, фирма откажется от его услуг. «Хорошенько это поймите, Венцель», — пригрозил тогда хозяин.

Да, конечно, он хорошо понял. Но не в кармане же он прячет рыбу! Море есть море, и черт его знает, куда подевалась эта проклятая треска!

Венцель всегда хорошо ловил рыбу. Правда, он был раньше капитаном. А потом вот пришел этот молокосос Курт Штиммель — и все, удача кончилась. И трал у них новый, капроновый, вдвое больше обычного по размерам, а рыбы нет. Говорят, что придумал этот трал сам Курт Штиммель. Трал-то новый, а, видно, в порт опять придем без рыбы.

Нет, нет, только не это! Не может же так бесконечно не везти человеку! Ведь у каждого есть свой кусочек счастья, и оно должно, наконец, улыбнуться и ему, бывшему капитану, а теперь старпому Эриху Венцелю.

Венцель очнулся, неторопливо раскурил коротенькую прямую трубку, медленно обвел взглядом пустынный горизонт и снова ушел в свои невеселые думы.

Да, тяжелый оказался для него этот год. Всего месяц назад схоронил он жену Марту. Полгода она, бедняжка, мучилась. А уж сколько денег сожрали эти проклятые доктора — страшно вымолвить. Когда-то удастся Венцелю расплатиться с долгом? И все деньги пошли впустую, не помогли доктора. Доброй души была женщина, царство ей небесное! Венцель вынул трубку из рта и набожно перекрестился.

Да, что и говорить, невесело сложилась жизнь. А вот возьми того же Ганса Штиммеля. Кто бы мог подумать, что после войны он взлетит так высоко? Уж у кого руки по локоть в крови, так это у него, у Штиммеля. Венцель помнит, как в первые месяцы после войны газеты кричали: «Ганс Штиммель — убийца поляков и русских!», «Гестаповца — на виселицу!» Судили тогда Штиммеля, дали пятнадцать лет каторги. А что получилось? Через три года он уже гулял на свободе. Теперь поди достань его — Ганс Штиммель уважаемый человек, он совладелец крупной рыбопромышленной фирмы. С ним считаются в Бонне. Говорят, будто в этом году его даже избирают в бундестаг. Что ж, видно, каждому своё.

— Хэлло, чиф! Вы что, заснули там? — вдруг раздался грубый окрик.

Венцель вздрогнул и поспешно оглянулся. На него в упор смотрели колючие глаза капитана Курта Штиммеля. Краснолицый здоровяк был весь в отца. И ничего не сделаешь, надо подчиняться, надо смеяться его шуткам, надо угождать. Не так-то легко найти сейчас работу. Разве что наняться в военный флот бундесвера? Нет уж, с него хватит, Венцель больше не желает подставлять свою грудь под пули. Да и не возьмут его — стар стал, и заслуг особых нет. В нацистской партии он не состоял, подвигов во имя фюрера не совершал. А теперь на таких опять стали косо смотреть.

Венцель горестно вздохнул, и жалкая улыбка появилась на его лице.

— Никак нет, герр мастер. Задумался.

— Сколько времени трал в воде?

— Час пятнадцать, герр мастер.

— Маловато. Потралим еще.

Венцель покорно кивнул.

Между тем ветер дул все сильнее и сильнее. Море сначала непривычно потемнело, покрылось мелкой рябью, затем побежали редкие белые барашки. И вот уже всюду видны крупные гривастые волны. Они тяжело бьются о корпус траулера и то и дело заливают палубу.

Матросы скучились под полубаком. Они смотрели на мостик, ожидая команды выбрать трал.

Капитан не торопился. Он важно шагал по мостику и громко говорил:

— Вы понимаете, Венцель, этот трал мой. Его придумал лично я. Ни у кого нет такого трала. У нас должны быть огромные уловы, десять-пятнадцать тонн за траление. Другие фирмы лопнут от зависти. Но я своего не отдам никому. Этот трал принесет мне деньги и славу. Мы будем тралить день и ночь, в любую погоду, но из рейсов мы будем привозить полные трюмы рыбы.

Венцель молчал и покорно кивал головой. Что мог он сказать? Что в семибалльный шторм даже русские — а уж до чего они заядлые рыбаки! — ложатся в дрейф? Это капитан и сам знает. Что в такую погоду опасно работать с тралом? Что ж, в конце концов не Венцель здесь хозяин.

Выдержав точно два часа, Штиммель приказал выбрать трал. Сбавив ход, траулер медленно описывал огромную циркуляцию, пока мощные лебедки, грохоча, тащили из глубины тяжелый трал. Толстые стальные ваера плотными кольцами ложились на барабан лебедки.

И когда море за кормой вдруг яростно запенилось и стаи чаек с дикими криками бросились к траулеру, Курт Штиммель довольно засмеялся и хлопнул Венцеля по плечу.

— Ну, что я вам говорил? Вот он, мой час. Пожалуй, все пятнадцать тонн зачерпнули.

Огромный мешок трала был битком набит рыбой. Застопорили машину, и лебедки осторожно начали подтаскивать трал к борту.

Бортовая качка стала такой сильной, что трудно было устоять — палуба то вдруг проваливалась под ногами, то стремительно взлетала вверх, а сверху, казалось с самого неба, лились тяжелые потоки ледяной воды.

Вот показались и медленно поплыли к борту тяжелые, кованые железом траловые доски. Приготовившись закрепить их, два матроса стали у борта рядом с толстыми, гудящими от напряжения ваерами — стальными канатами, тянущими трал.

Удар волны был не сильнее прежних, это Венцель хорошо помнит. Правда, слишком уж много попало на палубу воды, но ведь это случалось и раньше. А тут только прокатилась волна, как внизу на палубе дико заорал тралмейстер Бауэр:

— Фишера смыло! Человек за бортом!

В ту же секунду Венцель увидел, как с подветренного борта в волне забарахтался человек.

Венцель метнулся из рубки на крыло мостика, схватил спасательный круг и сильным махом бросил его в воду. С палубы полетело вслед еще несколько кругов. Фишер успел поймать один из них и поднял кверху белое, искаженное ужасом лицо. Длинные льняные волосы закрывали его глаза, и с мостика был виден лишь широко раскрытый в смертельном страхе рот.

— А-о-о! — чуть слышно донеслось сквозь рев ветра.

Сейчас спасти матроса можно было, лишь обрубив ваера и пустив трал на дно. Шлюпки спускать в такую волну бесполезно.

Венцель срывающимся голосом крикнул на палубу:

— Рубить ваера!

Сильный рывок отбросил его назад, и капитан, схватив Венцеля за плечи, злобно прошипел:

— Вы с ума сошли! Вам потом всей вашей жизни не хватит, чтобы расплатиться за этот трал!

Он оттолкнул Венцеля и зычно скомандовал:

— Отставить рубить ваера! Вира трал! Не зевать на лебедках!

Венцель ошеломленно смотрел на капитана.

— Ведь он утонет!

Капитан повернулся и отчеканил:

— Не будьте слюнтяем, Венцель. Матросу ничего не сделается, если он полчаса поболтается в воде. Установите за ним наблюдение. Как только выберем трал — сразу и подберем его. Действуйте!

— Есть, — подавленно ответил Венцель.

На палубе бешено грохотали лебедки, и из мешка трала живой струей текла на палубу рыба. Какая это была рыба! Двухметровые пятиистые зубатки змеями крутились среди пудовых туш трески, оранжевые окуни выпученными глазами ошалело смотрели в небо, там и тут мелькали плоские круглые палтусы... Да, это был прекрасный улов, редкий улов.

— Что я вам говорил, Венцель? — раздался бодрый голос капитана. — Верных пятнадцать тонн взяли, а? — Он повернулся и крикнул на палубу: — Шевелитесь, шевелитесь, ребята, Фишер ждет нас. Как бы он не обиделся на вашу медлительность, — и Штиммель деланно захохотал.

Но матросов нечего было подгонять. Балансируя среди потоков скользкой рыбы, они выжимали из машин и из себя все, на что были способны. А сверху все рокотал бас Штиммеля:

— Быстрее, быстрее! Черт возьми, из-за вашей неосторожности мы можем опоздать к Фишеру!

Венцель стоял на крыле мостика и до боли в глазах всматривался в даль — туда, где затерялся в волнах Фишер. Он смотрел, и горькое чувство жалости к упавшему за борт матросу, горькое сознание своего бессилия охватили его.

Через полчаса трал выбрали из воды. Штиммель развернул траулер и направил его на поиски матроса. Палубная команда сгрудилась на полубаке и напряженно смотрела вокруг, выискивая затерявшегося

среди волн человека. Траулер прошел вперед, затем вернулся обратно, еще раз прошел вперед, опять вернулся. Фишера никто не увидел. На третьем заходе подобрали багром один из спасательных кругов, и это было все.

Штиммель скомандовал рулевому новый курс. Подойдя к Венцелю, он бодро похлопал его по плечу.

— Ну-ну, старина, выше голову. Таких уловов у нас еще не было. Мы хорошо заработаем на этот раз, а? Жаль матроса, но вы же видели, его и нельзя было спасти.

Венцель, не понимая, взглянул на капитана.

— Как... нельзя было?

Холодные глаза Штиммеля не мигая смотрели на Венцеля.

— А так, что он камнем пошел на дно, прежде чем мы успели развернуться. Видно, совсем не умел плавать. Надо разъяснить это людям, чтобы не было лишних разговоров. Идемте к ним.

Венцель молча повиновался.

Они подошли к угрюмо сидевшим матросам. Штиммель снял фуражку, поднял глаза к небу и старательно перекрестился.

— Да упокоит господь душу моряка. Он был хорошим матросом. Но видит бог, мы сделали все, что могли, и не наша вина, если не удалось спасти Фишера. На море бывает всякое. Помянем его душу. — Он повернулся к Венцелю: — Чиф, выдайте сегодня к ужину по доброй чарке виски каждому за мой счет. Они заслужили это сегодня. Если бы Фишер умел плавать хоть немного, мы спасли бы его.

Зычный голос Штиммеля назойливо бился в ушах Венцеля. Он слушал, и в груди его вскипал гнев. Гнев на Штиммеля, нагло внушающего всем нужную ему версию, гнев на себя, на свою беспомощность.

Матросы недобрым взглядом смотрели на Штиммеля и молчали.

Венцелю стало жутко.

А Штиммель как ни в чем не бывало кивнул старшему и направился обратно на мостик.

Венцель явственно слышал, как вслед им кто-то

злбно крикнул: «Собаки! Фишера на трал променяли!»

Он вздрогнул. Несомненно, Штиммель тоже слышал. Но даже не оглянулся.

Венцель плелся за ним, и горькие мысли роились в его усталой голове. «Боже, но я-то при чем здесь? Я же не хозяин». Он с ненавистью смотрел на затылок капитана, а в голове настойчиво сверлила мысль: «Трус, ты просто трус, Венцель, ты боишься потерять место...»

На мостике капитан вытер мокрое лицо и с кривой усмешкой сказал Венцелю:

— Знаете, я все ждал, что они чем-нибудь запустят в нас. От этого сброда можно всего ожидать. Но, кажется, все обошлось. А теперь берите перо и записывайте в вахтенном журнале. — Он подумал немного и стал диктовать: — «В четыре часа пополудни, после того, как трал был полностью выбран на палубу, волной смыло за борт матроса Фишера. Немедленно приняли меры к его спасению. Однако обнаружить Фишера не удалось. Как выяснилось, Фишер не умел плавать». Записали? Давайте посмотрим, что получилось.

Штиммель взял журнал и начал читать. И вдруг быстро бегавшие по строчкам глаза его засверкали, и он в бешенстве грохнул кулаком по столу.

— Вы отдаете себе отчет в том, что здесь записали? Вы что, больной? Сумасшедший?

— Нет, не больной и не сумасшедший. — Венцель стоял весь подобрavшийся и, не отводя глаз, твердо смотрел на разгневанного капитана. — Я записал так, как это было на самом деле. Вы же все видели сами. Я записал правду.

— Что? — взревел Штиммель. — Правду? Плевал я на вашу правду! Здесь правда моя, зарубите это себе на носу. Вот вам ваша правда... вот... вот...

Он неистово рвал листы вахтенного журнала, и белые клочки бумаги разлетались по штурманской рубке.

— Видели? Я заведу десять новых журналов, но будет по-моему, поняли, а? Будет так, как хочу я!

— Фишер погиб по вашей вине, и вы должны отвечать за это, — упрямо твердил Венцель.

— Ах вот как? Хорошо. Я давно подозревал, что вы красный. Но теперь хватит. С этой минуты вы уволены, Венцель, вы поняли меня?

— Да, герр Штиммель, понял.

— Но это еще не все. Я позабочусь о том, чтобы ни один хозяин на всем побережье Германии не брал вас на работу. Поняли? Я позабочусь об этом особо. Выдохнете с голоду.

— Я понял и это.

Венцель спокойно смотрел на дергающиеся губы капитана, на его выпученные глаза и вдруг подумал: «А ведь он боится!»

— Вон с мостика! — взревел капитан и ткнул пальцем на выход из рубки.

Венцель медленно вышел. Он спустился на палубу и, обессиленный, прислонился к переборке. «Ух, как я боялся, что он ударит меня своим кулачищем... — Рукавом кителя он вытер пот со лба. — Я же совсем не переносу боли...»

— Что с вами, чиф? Вы заболели? — стармех заботливо поддерживал Венцеля под руку.

— Нет, нет, — поспешно ответил Венцель. — Я просто задумался. Спасибо. — Он высвободился из рук стармеха и заторопился в свою каюту. Ему надо было побыть сейчас одному.

КРУЗЕНШТЕРН И МАЛЫЙ КАБОТАЖ

Тимофей Таволжанов вышел из здания пароходства и задохнулся от обжигающего мороза. «Градусов двадцать пять, пожалуй, будет, — подумал он, — ничего, мне бы только до парохода своего добраться, а там мороз не так страшен».

Только что в отделе кадров ему вручили направление на пароход «Кильдин» матросом первого класса. А в кармане Тимофея — диплом об окончании мореходного училища с отличием. «Получил специальность штур-

мана дальнего плавания» — так написано в дипломе. Звучит? Еще как!

Начальник отдела кадров, принимая Тимофея, вежливо пригласил его присесть, предложил заграничную сигарету и долго изучал документы.

— Ну что ж, молодой человек, диплом у вас есть, а стажа плавания матросом нет. Что будем делать? Придется матросом посылать. — Он выжидающе смотрел на Тимофея.

Тимофей кивнул:

— Я готов. Закон есть закон. Поплаваем и матросом.

— Веселый ты человек, — усмехнулся начальник кадров. — Матросом первого класса сможешь?

— Думаю, смогу.

— А не сможешь — там научат, — успокоил начальник. — Пойдешь на «Кильдин». Пароходик, конечно, не первой молодости, да и ходит на регулярной линии в малом каботаже, ну, да тебе все равно, где диплом выплавать, а там как раз матросов не хватает. Все хотят на океанские лайнеры, — вдруг сердито засопел начальник. — Отплаваешь положенный срок — приходи, с дипломом не будем матросом держать. Пошлем штурманом.

— Спасибо.

— Не за что. Кстати, «Кильдин» приходит сегодня через час, станет у восьмого причала. Так что торопись.

Тимофей недоверчиво посмотрел в окно.

— Туман же.

— Ты иди прямо на причал. На «Кильдине» капитаном Шулепов. И если он дал радиogramму, что придет к шестнадцати ноль-ноль — значит так оно и будет.

Залив парил. Мороз выжимал теплоту из вод Гольфстрима, и порт укутывался густыми клубами белесого тумана. Ветра не было. Туман «рос в гору» — все выше и выше поднималась стена его над

заливом, заползая на причалы, поглощая в своей расплывчатой серой темноте подъемные краны, палы, склады...

Тимофей поежился от холода.

Длинь-длинь-длинь, длинь-длинь-длинь — доносился из мрака тонкий голос судовой рынды. Дон-дон! Дон-дон! — мерно бухал колокол на углу причала...

Колокола и рынды... Чуть слышался тоскливый плач туманной сирены с противоположного берега.

И ни одного человека не видно вокруг...

Визгливый гудок донесся с залива. Тимофей настояжился, прислушался. Гудок повторился.

«Ну и гудок. Как у паровоза», — подумал Тимофей.

...На причале зажглись прожекторы, забегали люди, заурчал мотор подъемного крана.

Из тумана показались огни, потом стала видна темная масса судна, и «Кильдин» медленно, словно ощупью, подкрался к причалу и ошвартовался.

Обледенелый от верхушек матч до ватерлинии, с кучами руды на палубе, с побитыми и погнутыми ре-лингами и трапами, грязный, с ободранными бортами «Кильдин» не обрадовал Тимофея.

«Видно, доживает последние годы», — подумалось Тимофею.

На борту «Кильдина» бесшумно суетились люди. Швартовка не заняла у них и пяти минут, тут же был спущен с борта новенький трап, и около него появился вахтенный с повязкой на рукаве. Однако на берег никто не сходил. Тимофей подождал немного и поднялся по трапу на борт.

Каюта капитана находилась в средней надстройке под штурманской рубкой. Она была небольшая, эта каюта, — крохотная кабинет-приемная с овальным столом и шестью привинченными к полу креслами и за шторкой — спальня. Над письменным столом нависал круглый циферблат гирокомпаса, а еще выше на стене темнел старинный морской барометр.

Костлявое и длинное лицо капитана было бесстрастным и неподвижным. Густые черные брови почти срослись на переносице и широкими крутыми дугами расходились к вискам. Тонкий с горбинкой нос разделял глубоко посаженные цепкие глаза.

Капитан медленно ходил по каюте. Четыре шага вперед, четыре шага назад... Руки сцеплены за спиной. На правом нагрудном кармане значок капитана дальнего плавания.

Тимофей поежился: почему он молчит?

— Итак, — неожиданно заговорил глуховатым баском капитан, — вы закончили мореходное училище.

— Так точно, — привстал Тимофей, но капитан сделал знак сидеть.

— Мне известно, — продолжал капитан, — что вам не хватает трех месяцев плавательного стажа, чтобы получить диплом штурмана. — Капитан присел за стол рядом с Тимофеем. — Не испугались судна?

— Начинать где-то надо, — уклончиво ответил Тимофей. — А там толкач муку покажет.

Капитан вздернул брови.

— Как, как? Толкач муку покажет? — Он засмеялся. — А что, верно, пожалуй. Сами придумали?

— Нет, это моя бабушка любила так говорить.

— Ну-ну, посмотрим, — капитан встал.

Тотчас же поднялся и Тимофей.

— Не возражаете, если я попрошу старпома назначить вас на вахту второго помощника капитана? Вахта трудная, и там нужны опытные люди.

— Я согласен, — коротко ответил Тимофей.

Перед выходом в рейс Тимофея поместили в двухместную каюту на полуюте, где жили матросы первого класса. Сосед по каюте оказался напарником по вахте. Одна вахта, одна и каюта. «Чекмарев», — назвал он себя, знакомясь.

— Ты давно на этом судне работаешь? — спросил его Тимофей.

Чекмарев кивнул:

— Понял вопрос. Отвечаю: давно, шестой месяц. С боцманом лажу, со вторым помощником капитана,

с которым, кстати, нам с тобой вместе морские вахты стоять, увы, лажу не очень и отношусь к нему скептически. Мелкий он человек, по-моему. Я и сам люблю выпить и приласкать девочек, когда есть время, но второй помощник... — Чекмарев махнул безнадежно рукой. — Впрочем, сам во всем разберешься. Зато батя у нас мужчина что надо. Строг, это верно. Но иначе нельзя. Флот есть флот, и держится он дисциплиной. Верно я говорю? Ну так вот, у нашего бати не побалуешься. Службу знает. А я на военноморском флоте еще привык к порядку, так что меня это не тяготит. Ну как, исчерпывающий ответ?

— Исчерпывающий. Спасибо. Признаться, мне старик понравился. Еще когда вы швартовались к стенке, я заметил, что порядок есть на судне, рука хозяина чувствуется.

— Это точно, хозяин есть, — охотно подтвердил Чекмарев.

В полночь Тимофей с Чекмаревым вышли на мостик заступать на ходовую вахту. Пароход давно уже вышел из залива. Море было спокойным, небольшие гладкие волны плавно покачивали судно. Ночь была светлая. Горизонт полыхал красным заревом, и на встречу этому зареву неторопливо двигался «Кильдин».

На подветренном крыле мостика виднелась высокая фигура капитана. В фуражке и наглухо застегнутой шинели он стоял в одиночестве и курил папиросу.

На полубаке пробили восемь склянок. По трапу бегом поднялся на мостик плотный человек в шапке и стеганой фуфайке и, вбежав в рулевую рубку, приворчал за собой дверь.

— Уф, кажись, проскочил! Опять старик торчит на мостике. Что ему не спится? Ты, братец, извини меня, что опоздал.

— Ладно, — коротко ответил третий помощник капитана, — меняй матроса на руле.

Второй помощник увидел Тимофея.

— Это что же, опять новенький у меня? Вот черт, все время батя тасует мою вахту. А потом кричит, службы требует... Ты хоть море-то видал когда, матросик? — обратился он к Тимофею.

Тимофей сдержал себя и сказал:

— Попрошу вас, товарищ второй помощник, обращаться ко мне на «вы». Мы с вами не так близко знакомы. Что же касается моря — да, видал, и неоднократно.

Второй помощник махнул рукой.

— А-а, брось трепаться. Становись на руль и слушай мои команды. Что за времена пошли — с каждым надо выяснять отношения!

— Я еще раз прошу обращаться ко мне на «вы», — повторил Тимофей.

— Тю-тю-тю... Их благородие обиделись... Ну ладно, ладно, беру свои слова обратно, я вижу, вы шуток не понимаете. Прошу вас держать курс поточнее и не отвлекаться от компаса.

— Курс сдал 340, — четко проговорил Чекмарев, уступая место у руля Тимофею.

— Курс принял 340, — так же четко произнес и Тимофей, беря в руки еще теплые рукоятки штурвала.

— Ловко ты его поставил на место, — прошептал сзади Чекмарев, — теперь он у нас будет шелковым. Так и надо, молодец!

Тимофей не ответил. Да и вряд ли он разобрал смысл чекмаревских слов — все его внимание было поглощено компасом. Он должен теперь доказать, что способен держать судно точно по курсу, без рысканий, «как по ниточке». Вот картушка гирокомпаса чуть колыхнулась и едва заметно поползла влево. Но Тимофей уже уловил ее движение и крутнул штурвал тоже влево. Картушка замерла. Тимофей тут же отвел штурвал в исходное положение и приготовился «одерживать». Главное — «почувствовать» судно, почувствовать руль, и тогда все в порядке, тогда судно будет послушным...

В такую хорошую погоду стоять за рулем не сложно. Тимофей выбрал на пылающем горизонте темную неподвижную тучу, на фоне которой четко вырисовы-

валась сейчас грот-мачта, и повел судно по туче, старым приемом опытных рулевых.

Капитан вошел в рулевую рубку, молча прошагал в штурманскую и, пригласив туда вахтенного помощника, закрыл дверь. Сквозь переборку донеслось басовитое гудение голоса капитана, затем послышался оправдывающийся тенорок второго помощника.

Чекмарев повернулся от окна к Тимофею и шептал:

— Воспитывает батя нашего... Ух и поддает!

Дверь в штурманскую открылась, капитан вышел из рубки и спустился по трапу на палубу.

Спустя некоторое время в рулевой появился второй помощник.

Он нервно докуривал папиросу и вдруг заорал на Чекмарева:

— Вахтенный! Почему торчите в рубке? Где ваше место? Почему вперед не смотрите? Марш сейчас же на крыло! Пораспускались! Никакого порядка нет на вахте!

Чекмарев опасливо покосился на штурмана и быстро выскользнул из помещения.

Второй помощник встал у центрального окна рулевой рубки, долго молча всматривался во что-то и снова заорал:

— На руле! Вы что там, спите? Не видите разве, как влево рыскнули? Точнее держать курс!

Тимофей вспыхнул. Но он хорошо усвоил правило: рулевой не имеет права отвлекаться разговорами или спором, он может лишь четко повторить команду.

— Есть точнее держать курс! — ответил он.

Но от обиды на несправедливый окрик штурмана обозлился, движения его стали резче, да и судно вдруг стало хуже слушаться руля, и вахтенный помощник все чаще и чаще покрикивал на рулевого, а потом и вовсе вышел из себя и приказал Чекмареву сменить Тимофея. Большей обиды для Тимофея штурман придумать не мог. И хотя Чекмарев успел шепнуть Таволжанову, чтобы он не обращал внимания на выходки штурмана, Тимофей весь кипел от негодования. Он стоял на крыле мостика, смотрел вперед,

а в голове рождались грандиозные планы мести за-
рвавшемуся штурману.

Чей-то дружеский хлопок по спине прервал течение его мыслей. Он повернулся и задохнулся от возмущения: перед ним, добродушно улыбаясь, стоял второй помощник и протягивал ему пачку папирос.

— Закуривайте. Небось обиделись на меня? Понимаю. Да только и на меня сегодня старик налетел ни с того ни с сего; так уж проработал, что ой-ой-ой. Вот и разозлился я на весь белый свет. Сгоряча, может, и нахамил вам. Только не принимайте близко к сердцу это. Бывает. А на руле вы можете стоять классно. Я ведь заметил — как по струне вели. Кильватерная полоса по линейке за кормой тянулась.

Тимофей растерялся. Он машинально взял папироску.

— Не сердитесь. Я зла вам не желаю. Чего нам делить? К тому же мне Чекмарев сказал, вы мореходку кончили, следовательно, наш брат, штурман. Раньше бы надо сказать мне об этом... Я вам все условия создам для практики. Определения, пеленгование, работа с секстантом, с приборами — пожалуйста, все в вашем распоряжении будет. Ну, помирились?

Помощник протянул руку, и Тимофей, кляня себя за безволие, пожал ее.

— Ну вот и прекрасно! — воскликнул помощник. — Зовут меня Егор Матвеевич Кирпичников. А теперь сходите посмотрите на карту, где мы там топаем, да и место наше поточнее определите.

Тимофей сразу забыл все свои обиды. «Спасибо, Егор Матвеевич! Это как раз то, что мне нужно!» — и Тимофей побежал в штурманскую рубку.

В порт назначения — Лиесму — «Кильдин» прибыл по графику. Пока судно шло заливом, матросы успели поднять стрелы, раскрыть трюмы, и, как только были поданы швартовы, загрохотали лебедки и из трюмов корабля поплыли на причал первые стропы привезенного груза. Выгружали силами своей коман-

ды. За выгрузку здесь хорошо платили, и каждый не прочь был заработать. Выгружал и Тимофей. Он работал в трюме, накладывал и стропил тяжелые мешки с мукой, таскал на грузовую площадку тяжелые ящики, катал огромные рулоны, кричал снизу истощенным голосом «Вира!» или «Майна!» и к концу дня охрип. Ломило поясницу, ныли руки, не гнулись пальцы, и очень хотелось спать. А спать не пришлось — поздно вечером судно отошло в обратный рейс.

С мостика слышалась команда: «Матроса Таволжанова прислать на руль!», — и Тимофей, чертыхаясь и радуясь, побежал на мостик. В рубке у окна стоял капитан. Он взглянул на Тимофея и приказал:

— Примите руль. Держите на желтые створы. И поточнее.

— Есть держать на желтые створы, и поточнее, — повторил команду Тимофей, принимая руль.

Штурвал в его руках ни минуты не оставался спокойным: чуть влево, чуть вправо, прямо руль, опять влево, больше влево... Лево-право, право-лево — руки Тимофея летали по спицам штурвала, а глаза не отрывались от мигающих впереди огоньков на берегу. Судно шло точно по створным знакам; но точность эта доставалась Тимофею нелегко — руки его ныли от непрерывной работы, глаза слезились от напряжения, рубашка взмокла и прилипла к спине... Но какое это имело значение, если капитан после выхода судна в море объявил в присутствии своих помощников и вахтенных матросов о том, что Тимофей отныне назначается старшим рулевым. Это было признание, это была победа, личная победа Тимофея! Он покосился на второго штурмана. Тот весело подмигнул, показал большой палец — молодец, мол, и громким голосом произнес:

— Воспитанники моей вахты никогда не подводили командование.

Капитан молча отвернулся к окну.

...Когда в четыре часа утра Тимофей сменился с вахты, он едва добрал до своей каюты и рухнул во всей одежде на койку. Он спал крепко, глубоко, без сновидений, словно провалился в бездонную ночь.

И вдруг почти тут же его начали расталкивать. Он с трудом открыл глаза и, ничего не понимая, смотрел на своего напарника по вахте Чекмарева, который тащил Тимофея с койки.

— Вставай, вставай, братишка, времени мало — только успеем пообедать и — на вахту.

— Как на вахту? Мы же с тобой только что сме-
нились...

Чекмарев протяжно засвистел.

— Э-э, вот оно что. Да ты, видать, вчера крепко вымотался, если после беспробудного семичасового сна тебе все еще кажется, ты только что заснул. Это с непривычки, братишка. Айда вставай, пошли обедать! На завтрак я тебя не будил, ладно, знай мою доброту. Но от обеда не советую отказываться.

И опять ходовая вахта на руле; опять перед глазами стрелка компаса и юркая, бегающая туда-сюда картушка, за которой надо поспевать. Дотянуть бы только до конца вахты, не заснуть за рулем...

— Тимка, что с тобой?

Тимофей вздрогнул и очнулся. Чекмарев отпихнул его и быстро-быстро завертел штурвалом. Тимофей посмотрел вперед и увидел, как нос судна стремительно катился от берега... Заснул! Заснул на руле! Тимофей похолодел и окончательно проснулся.

— Моли бога, второй сидит в штурманской, и бати поблизости нет. А то бы досталось нам на орехи, братишка! Сон на руле, увы, не поощряется. Давай беги на крыло, ветерком тебя обдует, и возьми пеленги, отнеси второму в штурманскую. Он обрадуется.

И вдруг Чекмарев громко крикнул:

— Курс 98 принял!

В рулевой показался второй помощник, он подозрительно посмотрел на Тимофея, потом на Чекмарева и погрозил им кулаком.

— Вы у меня смотрите, орлы... Такую петлю нарисовали за кормой... Заснули, что ли?

Тимофей густо покраснел. Заметил все-таки штурман... Ах да, в штурманской же есть иллюминатор на корму, оттуда все прекрасно было видно.

Выручил Чекмарев.

— Не заснули, а заговорились, товарищ вахтенный. Выводы сделали, впредь не подведем.

— То-то, — кивнул штурман. — Таволжанов, точку нанесите на карту.

Тимофей быстро взял пеленги двух маяков, нанес на карту точку. Она оказалась в стороне от курса. Тимофей испугался — неужели он так долго спал за рулем? Уйти на милю от проложенного на карте курса — вот так старший рулевой... Он взял еще раз пеленг береговых предметов, на этот раз трех, и опять точка оказалась на милю правее курса.

— На курсе? — слышался сзади голос штурмана.

— Не совсем, — угрюмо буркнул в ответ Тимофей.

— Ну, бывает. Течения тут довольно ощутимые в это время года. Далеко ушли?

— На милю.

— Ничего, сейчас поправим. Возьмем три градуса влево, через час опять на курс выберемся.

Тимофей вздохнул с облегчением. Значит, течения... А он было подумал, что это целиком его вина.

Ага... Вот атлас приливов и отливов... Так... Дата... Время... По таблицам получается одно, а на карте совсем не то. А ветер? Таблицы составлены для штилевой погоды... Понятно... Надо знать парусность судна, его осадку, скорость, шаг винта, плюс дрейф от ветра, плюс снос течением по таблицам... Но если линия постоянная, то ведь можно сделать таблицы... Спокойно, торопиться не следует. Надо наблюдать, записывать, копить факты, сопоставлять, а там посмотрим, что получится...

В Мурманск «Кильдин» пришел вечером и сразу же встал под разгрузку. В порту работы вели грузчики, и почти вся команда ушла на берег в увольнение до утра. Тимофею никуда не хотелось идти, и он долго стоял на мостике, наблюдая, как краны таскали из трюмов полные ковши руды и аккуратно ссыпали ее в одну огромную кучу у железнодорожной ветки.

Он был один на мостике. Внизу, в трюмах и на палубе, позвякивало железо, взывали моторы, и с глухим шорохом сыпалась из ковшей на причал руда. У трюмного люка стоял грузчик, подавая руками сигналы крановщику.

Спустившись с мостика, Тимофей зашел в штурманскую и долго сидел там, разбираясь в лоции Баренцева моря и приливных габлицах.

Назавтра «Кильдин» отошел в очередной рейс, чтобы через неделю вернуться обратно. И так четыре раза в месяц. Каждый рейс похож как две капли воды на другой, все рассчитано по часам и минутам, все предусмотрено. Таково уж оно, каботажное плавание. Особенно малый каботаж. Да еще на регулярной линии.

Из рейса в рейс, из месяца в месяц монотонно течет жизнь каботажного судна. Все известно до мелочей: где поворот нужно делать, где начнет трясти судно и когда, на траверзе какого мыса с мостика спустится капитан, чтобы появиться опять ровно через девять часов на траверзе маяка Капризного, перед входом в порт назначения.

Никаких случайностей, ничего непредвиденного. «Психодром для пенсионеров» — так пренебрежительно отзывался о регулярной линии «Кильдина» второй помощник. Рейс за рейсом он все откровеннее скучал на своих вахтах, переложив штурманские обязанности целиком на плечи Тимофея. А Тимофей только этого и ждал — каждые полчаса он старался теперь поточнее определить место судна, замерить ветер, атмосферное давление, волнение моря, определить осадку, число оборотов ходового винта судна. И тщательно заносил в тетрадку снос корабля с курса.

Эти наблюдения занимали его все больше. Ведь есть же какие-то закономерности в этом сносе судна. А пока накапливать факты, вести наблюдения точнее, чаще, аккуратнее... Что все это даст, выяснится потом, факты сами подскажут выводы, а пока не торопиться и терпеливо наблюдать.

Оказывается, и малый каботаж на постоянной линии может стать интересным! Тимофей теперь с не-

терпением ждал выходов в рейс, стоянки в порту казались ему нудными. «Только время зря теряем», — думал он со злостью.

Через два месяца, когда цифрами и наблюдениями были заполнены две толстые тетради в клеточку, Тимофей попытался сделать первые обобщения. Во время стоянки в Мурманском порту он забрался вечером в штурманскую рубку, разложил перед собой тетради и принялся за работу.

Он сделал сотни выписок на отдельных карточках и теперь старался сгруппировать их. Сюда ветры зюйд-остовых направлений от трех до пяти баллов... Сюда норд-вестовых... Сюда обороты винта... Карточками был завален весь штурманский стол. Они лежали на диване, на креслах. А сколько еще лежало неразобранных!

Тимофей оглядывал свое хозяйство и с ужасом убеждался, что «тонет» в этих карточках, что он не в состоянии свести все факты к простым и понятным обобщениям. Мысленно он уже видел график сноса судна. Но вот перед ним сейчас результаты десятков наблюдений, а толку что? Ведь в каждом случае почти нет одинаковых исходных данных. Если одинакова сила ветра — различна осадка судна. Или не схоже число оборотов винта. А может, все дело в том, что фактов-то как раз мало? Раз нет повторяющихся наблюдений, значит не было схожих условий, значит пока еще нет материалов для обобщения и серьезных выводов.

Погрузившись в размышления, Тимофей не слышал, как в штурманскую рубку вошел капитан и долго стоял у двери, разглядывая разложенные повсюду бумаги.

Наконец Шулепов негромко кашлянул и произнес: — Добрый вечер. Чем это вы занимаетесь? Пасьянс раскладываете, что ли?

Тимофей покраснел. Надо же прийти капитану, и как раз в тот момент, когда Тимофей запутался и ничего толком объяснить не может.

Капитан осторожно прошел к столу и начал разглядывать карточки.

— Так, — проговорил он после долгого молчания, — если я правильно понял, вы ведете наблюдения над течением на нашей линии?

Тимофей кивнул.

— А как вы представляете себе конечный результат работы?

— Я еще не совсем себе представляю его, — смущаясь, ответил Тимофей. — Но мне подумалось, что, если линия постоянная, наверное, можно таблицы составить для нее... А может быть, даже и график... И если попадем, скажем, в туман и придется идти по счислению, они могли бы пригодиться. А может, и не пригодятся... Но мне все равно интересно...

Капитан слушал внимательно, изредка согласно кивая. Потом спросил:

— Ну и что у вас все-таки получилось?

Тимофей объяснил. Капитан просмотрел разложенные карточки:

— Думаю, вы затеяли интересное дело. Для серьезных выводов пока еще мало материала, но мысль у вас верная. Знаете, что мне пришло в голову? Надо эти наблюдения вести круглосуточно, и не на одной только вахте. Пожалуй, стоит подключить к этой работе всех штурманов судна. Не боитесь потерять приоритет?

Тимофей развел руками.

— Какой уж тут приоритет. Мне просто интересно было... Если все будут вести наблюдения, то мы втрое быстрее соберем материал.

— Кстати, сколько вам еще надо плавать матросом до диплома? — вдруг спросил капитан.

— Еще почти месяц, — вздохнул Тимофей.

— А вы не возражали бы остаться у меня на судне, скажем, третьим помощником?

Тимофей быстро взглянул на Шулепова и ответил:

— Конечно, не возражал бы.

Капитан кивнул.

— Начатое дело не бросайте, наблюдения продолжайте. Кстати, вы читали книгу «Путешествие вокруг света в 1803—1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева»?

— Крузенштерна? Кажется, читал, — неуверенно подтвердил Тимофей, не понимая еще, к чему клонит капитан.

— А помните, там есть одно очень хорошее место о течениях и необходимости наблюдений за ними? Сейчас вам покажу, — капитан порылся в нижнем ящике штурманского стола и достал книгу. — Вот... Сейчас... Ага, вот оно, слушайте: «Познание течения моря столь важно для мореплавания, что мореходец должен поставить себе обязанностью производить над оным наблюдения во всякое время с возможной точностью». А? Каково сказано? Знаете что, выпишите эти слова на большом листе бумаге, и прикрепим мы цитату из Крузенштерна здесь, над штурманским столом. Пусть она всегда будет перед глазами.

Тимофей с удивлением слушал капитана. Никогда он еще не видел его таким многословным и сердечным. Ведь он говорит с Тимофеем, как со своим товарищем, как с помощником.

— Спасибо, товарищ капитан. Я все сделаю.

— Меня благодарить не надо. Вы затеяли полезное дело. Я вас полностью поддерживаю. Но, смотрите, коль уже начали — бейтесь до конца. Иначе грош цена будет всем нашим красивым словам.

Капитан, весело поглядывая на Тимофея, продолжал:

— Мореплаватели старых времен, не в укор будь нам сказано, очень следили за течениями и много о них писали. Их наблюдения отличались тщательностью и точностью измерений.

— Я читал кое-что об этом, — несмело промолвил Тимофей.

— Что же вы читали? — с любопытством взглянул на него Шулепов.

— Больше всего о плаваниях по Северному Ледовитому океану — Дежнева, Челюскина, Лаптевых, Овцына, Стерлигова, Пахтусова, об экспедициях на «Святой Анне», на «Фраме»...

— Это интересно! А записки Пинегина, очерки Соколова-Микитова? Записки австрийца Пайера? Дневник штурмана Альбанова?

Тимофей кивнул:

— Читал.

— Мне очень приятно слышать все это, — тепло проговорил капитан, — я сам увлекался историей плаваний по арктическим морям.

Он помолчал и спросил:

— Скажите, вы выбрали Мурманск отчасти и по этой причине?

— Да, мне очень хочется попасть в Арктику.

— А попали на регулярный каботаж. Как, это вас не разочаровывает?

— Не вечно же я буду по этой линии ходить.

— Верно. Арктика от вас не уйдет. Что ж, желаю вам удачи...

Капитан ушел. А Тимофей бережно собрал карточки и долго еще сидел в штурманской рубке, обдумывая разговор с капитаном. Силен старик! Крузенштерн помнит. Как это сказано там: «Мореходец должен поставить себе обязанностью производить над оным наблюдения во всякое время с возможной точностью». Мореходец... Хорошее какое слово, ласковое. Что ж, матрос Таволжанов, теперь держись, сам взялся за гуж!

Через рейс капитан вызвал Тимофея к себе в каюту и в присутствии старпома зачитал приказ о назначении матроса Таволжанова исполняющим обязанности третьего помощника капитана. Одновременно в приказе указывалось, что третий помощник Кравчук назначается с сего числа вторым, а второй помощник Кирпичников списывается с судна в распоряжение отдела кадров пароходства по личной просьбе.

— Поздравляю вас, Тимофей Андреевич, с назначением на штурманскую должность. Надеюсь, вы оправдаете доверие руководства пароходства, — торжественно и официально добавил капитан и посмотрел на старпома. Тот согласно закивал головой.

Тимофей вытянулся по стойке «смирно» и машинально ответил:

— Есть оправдать доверие!

Шулепов рассмеялся.

— Вот и хорошо. Идите принимайте дела.

Тимофей вышел от капитана в полной растерянности. Вот оно, пришло время начинать штурманскую службу. А у него и диплом еще не выплаван... Но ведь «исполняющим обязанности». Хитер старик! И портовой надзор с такой формулировкой согласился. Раз «и. о.» — значит под личную ответственность капитана судна.

Вечером зашел к Тимофею в каюту списанный с судна Кирпичников и пригласил на «традиционный», как он выразился, «отвальный приемчик». Кирпичников был необычно оживлен, суетлив и предупредителен. Он так просил Тимофея пойти с ним, что нельзя было не согласиться.

— Ну вот и хорошо, вот и славно. А как же? Уходит с судна один из помощников, должен же он проститься с товарищами? Ведь кто знает, куда теперь меня назначат?

Тимофей поразился тоскливому выражению его глаз, и ему стало жалко Кирпичникова. Видно, не совсем «по собственному» уходил он с судна...

Они собрались за столиком ресторана «Арктика». Их было четверо: Кирпичников, Тимофей, нынешний второй помощник Кравчук и боцман Горлов. Боцман был, пожалуй, самым пожилым в их компании. Старый холостяк, он жил своей работой, своим парходом и был малоразговорчивым, замкнутым человеком. Дело свое он знал отлично. Капитан Шулёпов очень ценил Горлова. И соответственно ценили его и помощники капитана.

Кирпичников поднял наполненную рюмку и заговорил:

— Какая она чистая, водочка. Выпьешь ее, родимую, и вся ржа с души отстает, испаряется, и чувствуешь ты себя после этого легким и счастливым, и все впереди видится тебе в розовом свете, и сам себя ты начинаешь любить, а то и жалеть. «Служил он недолго, но честно!..» — так в песне поется. За то и выпьем.

Он залпом выпил рюмку, тут же повторил и долго молча сидел, курил.

Тимофей подвинул Кирпичникову блюдо с салатом.
— Вы закусывайте, Егор Матвеевич, а то можете быстро опьянеть.

Кирпичников востепенел.

— Эх, милый Тимофей Андреевич, да разве страшно это — опьянеть? Мне как раз, может, и хочется опьянеть... И потом, никого я теперь не боюсь и нынче сам себе и царь, и бог, и воинский начальник. Это первый раз страшно попадаться начальству на глаза пьяным, а потом привыкнешь и на вахты будешь выходить «под шефе».

Кирпичников выпил еще рюмку, откусил соленого огурца, затянулся папирсой и заговорил опять:

— Вот вы все тут сидите смирно и спокойно, все умные люди, образованные. Ну, так ответьте мне на простой, казалось бы, вопрос: почему люди пьют? А?

Боцман усмехнулся.

— Брось ты умничать, Матвейч, тебе дело говорят: раз пьешь — надо закусывать.

Кирпичников раздраженно отмахнулся.

— Оставь, боцман. Мы тебя знаем и уважаем. Но не мешай разговору. Ну, камрады, так почему и кто пьет горькую на Руси?

Кравчук оторвался от бифштекса и пробасил:

— Егор Матвеевич, ты не так вопрос поставил. Надо спрашивать не «почему» — у каждого свои причины, — а «как»?

— Так, один ответ ясен. Ну, а ты что скажешь? — Кирпичников с нетерпением уставился на Тимофея. — Только говори по-честному, не хитри.

Тот пожал плечами.

— Кто ж на такой вопрос ответит? Врачи говорят, что пьют алкоголики. Но это к нам ведь не относится? А все остальные «выпивают».

— Те-те-те... Ох, какие мы умные стали! — Кирпичников раскраснелся от волнения и перешел на «вы». — А вы, молодой человек, Достоевского читали?

— Читал. Давно, правда, — спокойно подтвердил Тимофей.

— «Братья Карамазовы» вам приходилось читать?

— Приходилось.

— Так вы плохо читали этот роман, молодой человек. Вот именно там я нашел ответ на свой вопрос, именно там.

Кирпичников вытащил записную книжку, раскрыл и торжественно прочитал:

— «В России пьяные люди у нас самые добрые. Самые добрые люди у нас и самые пьяные». Вот вам и ответ. От доброты душевной пьют русские люди. Доброта губит людей, а не водка. — Он помолчал и вдруг грустно улыбнулся. — А я добрый, поэтому и пью.

— Это штабс-капитан Снегирев плакался, — начал было возражать Тимофей, но Кирпичников перебил:

— Какая разница? Роман написал Достоевский, а не Снегирев. И я согласен с этими словами. Впрочем, к черту философию, давайте выпьем за наш флот и за то, чтобы вам везло в службе лучше, чем мне!

Кирпичников выпил, понюхал корочку хлеба и заговорил опять:

— Мне сегодня вредно молчать, если я не выговорюсь, то могу напиться вдрызг...

Он обвел тоскливым взглядом товарищей и вздохнул:

— Помните? «Мы теперь уходим понемногу в ту страну, где тишь и благодать». Эх, черт, как все-таки складывается странно жизнь, какие петли она крутит, и чем дальше в лес, тем меньше дров. Мельчают люди, и флот мельчает... Не тот уж флот становится. Вот ты, боцман, уже много лет плаваешь. Скажи, как раньше было и как теперь?

— Что теперь? — не понял боцман.

— Ну, кто раньше плавал? Солидный народ плавал, старики плавали.

— Это верно, пожилой народ все больше был, опытный, надежный, — подтвердил боцман.

— Вот, — торжествуя поднял палец Кирпичников. — А теперь что делается? Много ли пожилых найдешь на флоте? Капитанам и тем по большей части тридцати еще нет. А мне сорок — и я все еще

второй помощник, — Кирпичников судорожно глотнул, закрыл на мгновение заслезившиеся глаза. — Вот я и говорю, мельчает флот. А почему? Жить народу стало легче, вот и неинтересно плавать...

— Ну, это ты брось! — Тимофей досадливо поморщился. — Это ты брось. Что же, все, думаешь, на флот идут из-за копейки?

— Нет! — радостно воскликнул Кирпичников. — Не все! Дураков еще много. Дурачков-романтиков вроде нас с тобой... Ведь хоть и говорю — сам-то я тоже в душе романтик, не могу я без моря, да и делать на берегу ничего не умею... Разве только пить водку... А впрочем, может, ты никакой и не романтик вовсе, может, ты, как и многие другие, поплаваешь немного, а когда жизнь поймешь, побежишь и ты с флота.

Боцман покачал укоризненно головой.

— Нехорошо говоришь, Егор Матвеевич, очень плохо. Что нервничаешь ты, это мы понять можем. Но зачем же обижать людей?

— Пожалел! — зло закричал Кирпичников. — Са- лагу ты жалеешь, а меня, меня кто пожалеет? У него еще молоко на губах не обсохло, а его уже штурманом назначили. А меня поперли... По собственному! А, да что говорить...

Кирпичников закрыл лицо руками и замолчал.

Тимофей переглянулся с боцманом, достал кошелек, отсчитал свою долю, положил на стол и вышел из ресторана.

У выхода Тимофея догнал Кравчук.

— Вот поднакачался, бедняга. Жаль его. Боцмана я попросил остаться, присмотреть за ним. Ты на пароход?

Тимофей кивнул.

— Я тоже туда, — сказал Кравчук. — Вообще-то он мягкий по характеру человек, да обида глаза ему застит, злость рождает. Не везет ему, это факт.

— Да ведь он и не старается, чтобы «повезло», — возразил Тимофей, — он вот о романтике толковал, о флоте. А у самого интереса к службе нет. Я с ним вахту стоял, видел. Ему на себя надо обижаться.

Они шли по ночному городу в сторону порта. Было светло и прохладно. Зеленела трава по обочинам шоссе, и редкие чахлые кустики смородины покрылись неяркими мелкими листьями. Изредка проносились легковые автомобили, а в порт один за другим катили тяжелые грузовики.

Кравчук оказался разговорчивым парнем. Пока шли до порта, он успел рассказать Тимофею о себе, об учебе в Херсонской мореходке, о своих друзьях. В Мурманском пароходстве Кравчук плавал третий год. Он был очень рад своему выдвижению и не скрывал этого.

— Понимаешь, Тимофей, для меня это особенно важно. Ведь я приехал сюда совершенно, сказать почестному, неготовым к самостоятельной жизни. В мореходке все было расписано по часам и минутам, вся жизнь курсантская строго регламентирована. Тебе говорят, что делать, когда делать, как делать... И ты делаешь и привыкаешь делать то, что тебе приказывают. И точка. И мы делали и выходили в жизнь более или менее подготовленными исполнителями. Нас учили умению исполнять, а надо бы учить умению самостоятельно соображать и принимать верные решения... Помню, вышел я на свою первую вахту третьего помощника, а у меня, поверишь, колени дрожат. Знаешь, каких трудов мне стоило себя переломить, каких нервов и переживаний? А ты, видно, парень самостоятельный.

— Не знаю, — задумчиво ответил Тимофей.

Они медленно шли по причалу. Едва заметный ветерок с залива охлаждал разгоряченные лица. В дымчатой мгле темнели припорошенные снегом скалы на той стороне залива. Умолкли краны в порту. Затихли пароходы на рейде, и лишь изредка доносился из города приглушенный шум идущей в гору машины.

Когда Тимофей вышел на свою первую штурманскую вахту, на мостике появился капитан. «Кильдин» шел в открытом море, удаляясь от берегов. Волны бы-

ли небольшие, и судно, плавно и ритмично покачиваясь с носа на корму, ходко шло вперед. Далеко на горизонте по левому борту торопливо вспыхивали и угасали огни материковых маяков.

Тимофей дождался, когда впереди и чуть левее по курсу открылся маяк Куш-наволок, и, взяв три пеленга, нанес точное место судна на карту. Разницу со счислимым местом он аккуратнo занес в тетрадь.

Шулепов сидел в штурманской рубке, листал логии и делал вид, что действия вахтенного помощника его не интересуют. Однако Тимофей понимал, что сидит здесь Шулепов неспроста. «Не доверяет он еще мне, вот и сидит тут как сын, — думал Тимофей. — Что ж, сиди, а я буду делать свое дело».

Когда на мостике появился второй помощник капитана Сергей Кравчук, Тимофей с удивлением посмотрел на часы — как быстро прошла вахта! Только что заступил, и вот уже надо сдавать ее, четыре часа, оказывается, уже пролетели.

Капитан проверил записи Тимофея в вахтенном журнале и приказал Кравчуку вести точные наблюдения за разницей в счислимом и обсервованном местах судна.

— Детали вам разъяснит Тимофей Андреевич. Дело важное, и прошу вас отнестись к нему со всей серьезностью.

Шулепов ушел.

Кравчук недоверчиво полистал тетрадь с записями Тимофея.

— Это что такое? Для чего?

Тимофей объяснил.

Кравчук свистнул.

— Я, конечно, буду помогать тебе, но к чему все это? Плавание у нас вдоль берегов, кругом маяки, а то и радиомаяки. Локатор вот скоро поставят.

Тимофей сбивчиво принялся доказывать товарищу пользу наблюдений над течением. Кравчук поморщился.

— Брось, Тима. Это все теория. Ну кому нужны твои графики на такой короткой регулярной линии? Тимофей опешил.

— Да мне просто интересно: можно ли такой график сделать?

— Тебе интересно, а нам лишний хомут на шею, лишние хлопоты.

— Так ведь и капитан считает, что надо попробовать, — растерянно оправдывался Тимофей.

Кравчук продолжал напирать:

— Вот чудак. Я же с тобой говорю, а ты за капитана прячешься. Потом, смотри, вот лежат лощи, таблицы приливов, атлас течений — бери их и, если уж тебе так требуется научно снос рассчитать, рассчитывай. Но кому это нужно? Всегда мы на глазок определяем снос, и получалось не хуже.

Глаза Тимофея загорелись.

— Ага! На глазок! А надо точно. Для чего же нас учили?

— Какая наука в каботаже? — искренне изумился Кравчук. — Кому она нужна? И так забот по службе полный рот, а тут еще...

— Ну, знаешь, — начал раздражаться Тимофей, — если ты считаешь, что это нужно лично мне, тогда лучше сразу откажись. Я сам все сделаю.

Кравчук усмехнулся.

— Ладно, ты в бутылку-то не лезь. Больно обидчив. Я же тебе свои сомнения высказываю, а ты сразу «обойдусь», «не привык». Цитату из Крузенштерна вон разыскал, вывесил.

— Это не я. Капитан подсказал ее и попросил написать и повесить здесь.

— Ну, значит, в точку попал ты, Тимка, ох-хо-хо, никуда, видно, не денешься, придется гнуть спину на третьего помощника. У-у! Эксплуататор! — ткнул он кулаком в спину Тимофея.

Тимофей рассмеялся.

— Дошло наконец! Имей в виду, любая попытка бунтовать будет подавлена силой. А если не будешь выполнять положенную норму наблюдений на вахте, посадим на хлеб и воду. У нас с капитаном на этот счет строго, понял?

— Так точно, вашескородь! — выпучил глаза Кравчук. — Не извольте сумлеваться!

— То-то, — Тимофей шутливо погладил Кравчука по голове.

— Ты ведь умненький мальчик, в школе на пятерки, поди, учился?

Эти два молодых парня откровенно дурачились, радуясь тому, что поняли друг друга.

Когда утром Тимофей вышел на мостик и принял вахту от старпома Ильи Ивановича Долидзева, тот передал ему вахтенный журнал и тетрадь.

— Все записи занесены мной сюда по графикам. Правильно?

Он не задавал вопросов «зачем?» и «почему?», а принял задание капитана как должное и выполнил его как еще одну штурманскую обязанность. Тимофей посмотрел заполненные старпомом таблицы и кивнул.

— Все верно, Илья Иванович, большое спасибо.

Долидзев пристально посмотрел на Тимофея и, уже уходя с мостика, сказал:

— Штурманское мышление у вас есть, очень приятно отметить, только не зазнавайтесь.

Этот вечно озабоченный хлопотами по судну человек был, в сущности, мало знаком с Тимофеем. И тем не менее счел нужным похвалить. «Какой чуткий и отзывчивый человек, — растроганно думал о старпOME Тимофей. — Хотя тоже, наверное, думает, что я виноват в том, что капитан заставил всех штурманов принять участие в наблюдениях за течением. Может, ничего из моих хлопот и не получится. Ну и что же? Меня же от этого не убудет. А Кравчук поругается, поругается да и перестанет...»

В течение лета Тимофей редко покидал борт парохода. С приходом в Мурманск заступал каждый раз на береговую суточную вахту. Зато в порту Лиесме он был свободен от вахт и от всех штурманских обязанностей — там вахту несли другие штурманы, а Тимофей отдыхал, отсыпался и до одурения сидел в штурманской рубке, пытаясь разобраться в наблюдениях над течением и хотя бы приблизительно систематизи-

ровать их. Но чем больше накапливалось фактов, тем больше впадал в уныние Тимофей — системы не получалось.

Временами хотелось выбросить за борт эту грудку карточек с длинными колонками цифр и специфических терминов, выбросить и перестать чувствовать себя рабом этих карточек, намертво прикованным к ним толстой цепью.

Ох, как хотелось освободиться, наконец, от кошмара цифр, никак не желающих сходиться в стройную систему таблиц!

А тут и капитан начал вдруг проявлять повышенный интерес к работе Таволжанова.

— Дело к осени. Пойдут туманы. Таблицы очень пригодятся, — говорил он Тимофею.

Тимофей лишь беспомощно разводил руками и вновь думал, думал, думал...

Кравчук уговаривал:

— Брось ты это дело, Тимка. На кой черт они нам сдались? Не ломай голову понапрасну.

— Ты бы лучше подумал, может, что и подскажешь мне.

Кравчук посмеивался и отнекивался.

— Я тебе даю наблюдения. Тут я понимаю, что и как делать. А дальше — извини, для меня теория всегда была как темная ночь.

Помог Тимофею Долидзев. Сдав как-то ему вахту, Илья Иванович остался в штурманской рубке и спросил:

— Выходит что-нибудь?

Тимофей уныло покачал головой.

— Запутался я. Столько цифр и столько разных данных, что никак они не сходятся в таблицы.

Долидзев выслушал жалобы Тимофея и сказал:

— Попробуйте резко сократить количество сведений, свести отдельные показатели к общему.

— Как раз этого-то я и не могу добиться.

— Зачем вам каждый раз писать осадку носом и кормой, например? Сделайте отдельную таблицу, чтобы можно было легко узнавать площади надводного и подводного борта, и тогда...

— Понял! — вскричал Тимофей. — Вы гений, Илья Иванович! Боже мой, как просто — узнать площади и вычислить влияние сил течения и ветра... Это же сразу на треть сократит цифры. Спасибо, спасибо! — Тимофей тут же схватился за расчеты...

Через две недели он вручил капитану «предварительные», как он их называл, расчеты-таблицы сноса корабля в зависимости от силы ветра, осадки, скорости и курса судна и течения.

В очередном рейсе таблицы были проверены на практике; хотя и стояла ясная погода, капитан приказал идти строго по счислению, с учетом Тимофеевых таблиц и запретил определять место судна по береговым предметам.

— Представим, что мы идем в сплошном тумане и для определения своего места у нас есть только таблицы, — так сказал капитан, и весь переход морем он простоял на мостике, спускаясь вниз лишь на короткие промежутки времени.

Перед входом в бухту назначения капитан нанес на карту обсервованную точку. Она расходилась с расчетным счислением всего на полмили.

— Что ж, для восемнадцати часов счислимого плавания такой результат неплох, — сдержанно похвалил он. — Таблицы будут работать.

Еще три рейса проверялась надежность таблиц. И они «работали», как говорил капитан, вполне удовлетворительно.

— «Удовлетворительно», — недовольно хмыкнул Кравчук. — Это же отличный результат, а он «удовлетворительно»...

— Ладно, ладно, — успокаивал его Долидзев, — на море отличных отметок не ставят. Все-таки это стихия, а на нее полагаться полностью нельзя. И таблицы, конечно, хороши, но без оглядки их использовать тоже не следует. Контроль — великое дело, а на море особенно.

Тимофей в душе ликовал. Таблицы получились. И пусть со знаком «удовлетворительно», но они пригодились!

А спустя два месяца капитан принес на судно и

вручил штурманам морской журнал, где была напечатана его статья. Она называлась «О важности изучения течений на регулярных линиях». В статье рассказывалось о разработанных Тимофеем таблицах.

— Ну, Тимка, ставь бутылку коньяку. Ты теперь прославился на весь советский торговый флот, — радостно хлопнул Кравчук по спине Тимофея. — Вот так и выходят в люди. Черт, завидую я тебе, по-хорошему завидую. Ты смотри, как батя поднял тебя. Цени, брат, и не зазнавайся!

Тимофей промолчал. В душе его боролись два чувства: с одной стороны, он был счастлив, с другой — обрушившаяся слава пугала: а вдруг таблицы окажутся непригодными? Вдруг их опровергнут или докажут, что они теперь, в эпоху радиолокации, ни к чему? А его самого могут посчитать выскочкой, неправильно поймут мотивы его работы. Истолкуют не так... И зачем капитан все ему приписал? Ведь не он один над ними работал, и если бы Долидзев не подсказал, то таблиц, может, и сейчас бы не было...

Таковыми сомнениями терзался Тимофей, когда капитан пригласил его к себе в каюту. Там уже сидел Долидзев.

— Ну, как находите статью? — спросил Шулепов. Тимофей пожал плечами.

— В статье все правильно. Только зачем все надо было приписывать мне одному — вот этого я не понимаю. Мне же все помогали, и мы делали все сообща. А теперь, выходит, вроде я один...

— По-мо-га-ли, — раздельно произнес капитан, — помогать можно тому, кто везет воз, а коренником-то были вы, и вы его хорошо везли. А насчет того, что помогали, — в статье об этом так и сказано.

Долидзев мягко вступил в разговор:

— Теперь к вам, Тимофей Андреевич, ринутся корреспонденты разные, из моринспекции уже давно интересовались вашей работой — смотрите не потеряйте голову.

— Что вы, Илья Иванович, — вспыхнул Тимофей. — Разве нужна мне шумиха? Да я ни с каки-

ми корреспондентами говорить не буду. А моринспектор что ж, это его работа, пусть приходит, знакомится...

Морской инспектор вскоре действительно пожаловал на «Кильдин», сходил в рейс и остался таблицами доволен. Вскоре инспекция пароходства выпустила специальный бюллетень, в котором метод наблюдений и система составления таблиц были названы «методом штурмана Таволжанова».

Было позднее время. В кабинете начальника пароходства Николая Ивановича Бурмистрова горел яркий свет. За большим столом сидели двое. Сидели они, судя по всему, уже много времени — пепельница была набита окурками. Опустевший кофейник и чашки были сдвинуты в сторону. Лица собеседников были усталыми и злыми.

— Ну что ты привязался ко мне? Что ты мне душу на кулак свой мотаешь? — сердито спрашивал Бурмистров.

— Да ты пойми, Николай, он штурман по званию. По званию, а не только по диплому!

— Ну и что?

— Опять двадцать пять! Да я тебе второй час твержу, надо ему дорогу давать. Дай возможность выдвинуть парня. Возьми у меня второго, я на его место поставлю Таволжанова, а третьим помощником любого возьму, кого пришлешь.

— Куда я его возьму? Что у меня, сто пароходов, что ли? Сам знаешь, нет у меня вакансий сейчас. Я ведь насчет второго сам тебе сказал: ему надо дать самостоятельную работу. Но сегодня ее еще нет.

— А ты поищи.

— Вот черт упрямый! Я же тебе русским языком говорю — не могу.

— Ты не кипи, не кипи. Не самовар ведь, а начальник.

— Да ведь твой Таволжанов только начал пла-

вать, диплом получил всего полгода назад. Пусть поотрется, приобвыкнет, навык приобретет.

— Неповоротливым ты стал, Колька... Обюрократился, что ли? Этому я тебя учил? Боишься всего... Чего бояться-то? Парень энергичный, с головой, жадный до штурманского дела, вот и давай ему простор, двигай его смелей! Тебе же скоро капитанов много потребуется, пароходы-то новые строятся ведь. Где ты капитанов возьмешь? А тут, понимаешь, свои кадры перспективные. Так нет же, добра не понимает человек...

— Ты меня не подталкивай! Как-нибудь без тебя разберусь, кого в капитаны брать и откуда.

Оба замолчали.

Бом! — гулко пробили часы в приемной.

— Ну, чего сидишь? Иди давай, иди. Не тяни из меня жилы. Мне завтра с утра в обком с докладом являться, а туда с ясной головой ходят.

— Не уйду. Подпиши приказ, и я сам отведу тебя под руки домой, ботинки с тебя сниму и спать уложу. Я ручаюсь за этого парня головой. Ты что, мне не веришь?

— Да верю я тебе, верю!

— Ну, так какого же черта меня здесь столько времени выдерживаешь?

Бурмистров широко открыл глаза и вдруг расхохотался.

— Вот это номер! Я его, видите ли, тут держу. На какой ляд ты мне сдался?

— Стало быть, сдался... Кравчука пошли на большой пароход старпомом. Он службу знает, старательный. На подходе «Валдайлес». Там старпом серьезно заболел, на инвалидность уходит. Вот и замени его Кравчуком. И все будут довольны.

— Ишь ты, все у тебя уже рассчитано. Тогда давай садись на мое место и командуй, раз так у тебя все хорошо получается. А я опять капитаном пойду плавать, только чтобы ты, дорогой друг, из меня жилы не тянул.

— Зачем на твое место? Я моряк и умру на море.

— А я кто же, по-твоему?

— Не цепляйся к словам. Раз поставили тебя на этот пост, значит так надо. Вот и трудись.

Помолчали.

— Ну, договорились?

Бурмистров выдохнул.

— Ладно, договорились. Сделаю, как просишь. Ночевать-то на пароход пойдешь? А то давай ко мне, хоть подкормит тебя Анна.

— Ладно, меня и на судне неплохо кормят. Отходим рано утром, лучше к себе пойду.

— Ну, будь.

— Будь. Привет Аннушке.

— Заходи с приходом.

— Зайду.

Шулепов поднялся, протянул руку Бурмистрову и вдруг порывисто обнял его.

— Ты не серчай на меня, Николай. А к Таволжанову присмотрись попристальней, тут тебе хороший кадр будет, это я точно говорю.

Шулепов ушел.

Начальник пароходства перевернул листок календаря и написал: «Таволжанов. Назначить вторым помощником к Шулепову. Приказ».

ЧАЙКИ САДЯТСЯ НА ВОДУ

Еще во время выгрузки на острове Желания капитан парохода «Кильдин» Шулепов получил штормовое предупреждение. Синоптики обещали девять-десять баллов от норд-оста в течение ближайших часов.

Радиограмма начальника пароходства была лаконична: «Без крайней необходимости в море не выходить. Оставаться в бухте до улучшения погоды».

Шулепов усмехнулся: «Без крайней необходимости...» Знает не хуже меня, что оставаться

в бухте мне нельзя. Норд-остовый ветер натащит за ночь ледовых полей, и тогда не миновать зимовки на этом острове под восьмидесятым градусом северной широты.

Повезло еще, сюда дошли по чистой воде. В такое позднее время года море в этих широтах редко бывает чистым ото льда. Нет, товарищ Бурмистров, советом вашим мы не воспользуемся, рисковать зимовкой не будем, а поспешим отсюда скорее убраться. Отстаиваться здесь никак нельзя.

Остров Желания прикрыл своими скалами пароход «Кильдин» от первых ударов шторма. Но чем дальше уходил пароход от берегов острова, тем гуще взывал ветер и круче дыбились волны, настигая «Кильдин». Весь в шапках пены вспухал за кормой парохода тяжелый водяной холм. Наваливаясь на корму, холм вытягивался в высоту и на мгновение прикрывал пароход от ветра. В наступившей тишине корма, словно в испуге, вдруг начинала припадать к подножью настигавшего ее водяного вала; море рушилось под корму парохода, и та стремительно летела вверх по крутому склону волны. Но волна прокатывалась от кормы к носу, и пароход, повинаясь ее ходу, начинал выпрямляться, и вот уже корма рушилась в провал между волнами, а нос парохода вздымался к самому небу, едва не царапая форштевнем низкие тяжелые тучи. И так раз за разом, волна за волной, с кормы на нос, переваливаясь, шел «Кильдин» от острова Желания к порту Мурманск. Надо было поскорее убежать от ледовых полей, несущих с собой вынужденную зимовку.

Ветер не собирался стихать, и волны становились все длиннее, все круче и выше и бились о корпус все весомее. Вода с палубы не успевала сбегать обратно в море, и, когда пароход возносило на вершину волны, изо всех шпигатов и полупортиков били тугие водяные струи. Судно отфыркивалось и отплевывалось во все стороны, стремясь сбросить с себя совсем

ему ненужные десятки тонн воды на палубе. Но набегал новый вал, и все повторялось сначала...

На второй день пути, когда помощник капитана Тимофей Таволжанов заступил на свою дневную ходовую вахту, ветер вдруг круто начал заходить к западу и задул с нарастающей силой. Через час сила ветра достигла десяти баллов, и по старым волнам, бегущим ровными длинными рядами вдогонку судну, пошли новые, поперечные. К монотонной килевой качке добавилась еще и бортовая. А «Кильдин» шел в балласте, с пустыми трюмами.

Тимофей стоял в штурманской рубке, готовясь взять радиопеленги. Стрелка кренометра болталась, как маятник, достигая отметки двадцати градусов на правый борт и двадцати пяти на левый. Стоять было трудно, даже широко расставив ноги.

Вдруг судно содрогнулось, тяжело вознеслось ввысь и начало валиться на левый борт. Палуба ушла из-под ног Тимофея, и его бросило на бортовую переборку, оказавшуюся внизу, там, где раньше была палуба. Падая, Тимофей успел заметить, как стрелка кренометра прыгнула к шестидесяти градусам.

«Конец... опрокидываемся!» — мелькнула мысль.

Он ударился лицом о переборку, и из носа хлынула кровь. Вскочив на ноги, Тимофей бросился в рулевую. Судно покатилося на другой борт, но он удержался, обхватив руками тумбу главного компаса. Рулевого у штурвала не было. Тимофей оглянулся — тот лежал в углу под навесным ящиком с фальшфейерами.

В рулевую влетел капитан. Он дважды прозвенел машинным телеграфом, сбавил ход до малого и крикнул Тимофею:

— Право на борт!

Тимофей кинулся к штурвалу. Судно покатилося вправо.

— Одерживай! — не оглядываясь, приказал капитан.

— Есть одерживать!

Капитан оглянулся.

— Где матрос? — спросил он.

Тимофей ответил:

— Разбился крепко. Подняться не может.

— Где ваш второй матрос? — раздражаясь, переспросил капитан.

— Шестов на крыле мостика должен быть.

Капитан шагнул к двери, открыл ее, крикнул:

— Вахтенный! Шестов!

Ему никто не ответил.

Капитан молча шагнул к телефону.

— Илья Иванович, прикажите боцману немедленно вызвать подвахту Вас прошу с аптечкой срочно на мостик.

— Вы куда не посылали Шестова? — вновь обратился к Тимофею капитан.

Тимофей отрицательно покачал головой.

— Он стоял на крыле.

— Заметили время поворота?

— Не успел.

Капитан досадливо поморщился:

— Надо все успевать на вахте. В том числе и кровь с лица стирать.

В рубку шагнул старпом, и следом за ним появился боцман с двумя матросами. Старпом тут же занялся раненым рулевым. А капитан приказал Тимофею вместе с боцманом обойти все судно, отыскать пропавшего вахтенного Шестова.

На новом курсе бортовая качка уменьшилась. Машина работала малым ходом, и судно плавно взбиралось на гребень волны и так же плавно скатывалось вниз, к подножью очередного вала.

В кубриках Шестова не оказалось, не нашли его и на палубе. И никто на судне не видел Шестова с тех пор, как тот заступил на вахту.

— Неужели снесло? — холодея, произнес Тимофей.

Боцман неопределенно пожал плечами:

— Все может быть. С морем шутки плохие...

— Какие шутки? — не понял Тимофей.

— Это я к слову...

Капитан хмуро выслушал доклад Тимофея и приказал:

— Игчайте тревогу «Человек за бортом!». Где место Шестова по тревоге?

— На шлюпке номер два правого борта, — ответил боцман.

— Проверим. Кстати, предупредите еще раз всех людей: шторм будет нарастать, качка может увеличиться. Каждому соблюдать максимум осторожности.

Завыли резкие сигналы ревуна.

Матрос Шестов на своем месте не появился...

Когда Тимофей доложил капитану, что Шестова на судне обнаружить не удалось, Шулепов скомандовал:

— Лево на борт! Включить прожектор, давать ракеты вверх! Пойдем назад, будем искать человека.

Тимофей поднялся на верх мостика, где одиноко стоял большой прожектор. Прячась за его тумбой от ветра, включил свет и повел лучом по поверхности моря. С крыльев мостика взлетели белые ракеты. Одна, другая, третья...

Судно медленно описывало циркуляцию, ложась на обратный курс. В свете прожектора Тимофей видел, как над бортом поднялась черная, в белой пене водяная гора и медленно стала уходить под днище парохода. «Кильдин» вздрогнул и правым бортом вдруг рванулся по склону волны вверх, к ее вершине, кренясь все больше и все быстрее на левый борт. Тимофей крепко обнял тумбу прожектора, прижимаясь к ней всем телом. Ноги его скользнули по палубе мостика и повисли в воздухе. Он глянул и увидел там, под ногами, море. Оно было гладким и холодным, оно неторопливо колыхалось, словно подзывая и приглашая в свои объятия. А судно кренилось все больше, и вода все ближе подбиралась к мостику.

— А-а-а!..

Наверное, провисит Тимофей так еще пару секунд, он в конце концов не выдержал бы и разжал руки. Но судно взобралось на гребень волны и стало переваливать через ее вершину, кренясь на другой борт. Тимофей вновь приник к тумбе прожектора и оседлал ее. Теперь стало легче. Ветер, вырвавшись из-за волны, ударил прямо в лицо, ледяными ножа-

ми пронзил все тело и загудел, неся с собою тучи брызг. Еще раз судно легло тяжело на правый, а потом на левый борт, и качка стала килевой.

Тимофей понял: поворот закончен, легли на обратный курс и теперь судно пойдет по волнам. Ноги его прочно стояли на палубе. Он начал вращать прожектор, ведя луч вокруг судна.

По-прежнему взлетали ракеты, но за ревом ветра и грохотом волн выстрелов не было слышно.

Сколько прошло времени, Тимофей не знал. Ему казалось, прошла целая вечность, когда на мостик поднялся боцман.

— Шестова нашли! — прокричал он.

— Где? — рванулся к нему Тимофей.

— Под кормовой лебедкой. Волной его туда за-тащило, и он застрял под барабаном.

— Жив?

— Живой. Старпом сказал, отлежится.

— Ну, легче на душе стало, — Тимофей прерывисто вздохнул и вдруг почувствовал, как дрожат его ноги. Он выключил прожектор и медленно опустился на мокрые доски настила.

Боцман шагнул к нему.

— Вставай, Андреич, капитан велел тебе идти в рубку. Там все собрались.

Тимофей виновато смотрел на боцмана, но подняться не мог.

— Ну-ну, не раскисай, давай помогу. Ну, раз, ну-ну, еще... Вот так, пошли... Это бывает.

Боцман поднял Тимофея и помог спуститься в рубку.

В рулевой стояли капитан, помощники, старший механик, радист.

Капитан закрыл лобовое стекло рубки. Стало потише.

— Пройдемте в штурманскую, — кратко сказал он.

Тимофей подумал: «Судовой совет собрал батя. Значит, действительно положение наше аховое».

Но после страха, который он испытал там, наверху, у прожектора, сознание опасности, нависшей

над судном, а следовательно и над ним, Тимофеем, не пугало. Он равнодушно, словно во сне, слушал слова капитана о полученной радиограмме с предупреждением о нарастании силы ветра в этом районе до ураганного; о том, что старому судну, к тому же пустому, как барабан, с ураганом совладать будет трудно; что против волн машина не выгребет, а идти лагом к волне нельзя: судно может опрокинуться. Дважды угол крена доходил до критического. Остается один выход — идти по волне, то есть прямым курсом на Новую Землю, до которой приблизительно семьсот миль. При ураганном ветре и большой площади парусности да плюс своя скорость — до берега донесет суток за трое. Непосредственной опасности пока нет, но, если ветер не стихнет, в конце пути может выбросить на скалы.

Потом забубнил старший механик. Уголь очень плохой, жаловался он, к тому же в бункера попала вода; уголь отсырел, плохо горит, кочегары не могут держать пар на марке, да и качает здорово; люди выматываются, не могут работать. И еще одна вещь вызывает озабоченность — так выразился стармех — килевая качка. При этой качке ходовой винт часто оголяется, выходит из воды, могут перегреться подшипники. Тогда заклинит вал и судно потеряет ход.

На жалобы стармеха капитан сухо ответил, что механики на то и поставлены, чтобы не допускать такого положения, а как — это уже дело стармеха решать. Если же механики прошляпят подшипники, судно потеряет ход, станет неуправляемым, ветер развернет его лагом, и волна в два счета опрокинет. Словом, в этих трудных условиях жизнь судна в руках машинной команды и надо хорошенько разъяснить это людям.

Радист робко предложил дать в пароходство радиограмму с просьбой о помощи. Это предложение капитан отверг.

— Моряки просят о помощи лишь в крайних случаях, — сказал он, — а у нас такой момент еще не наступил и, надеюсь, не наступит. Зачем же паниковать? В пароходство дадим объективную информа-

цию о том, где мы, что с нами и куда вынуждены идти. С берегом связь держать непрерывно, радисту постоянно быть на рации. Вахты нести как обычно, подвахте быть на мостике, всегда готовой к действию. Штурманам с мостика не уходить, механикам находиться в машине. Вопросы есть? — закончил Шулепов. — Нет? Значит, решение принято, будем выполнять!

Тимофей очнулся. Какое решение? Идти по волнам? А впрочем, не все ли равно...

— Тимофей Андреевич, — вдруг услышал он голос капитана и с трудом открыл глаза. — Вам разрешаю два часа отдохнуть. Идите в каюту и постарайтесь уснуть; через два часа быть на мостике.

— Есть отдохнуть, — машинально ответил Тимофей.

Он добрался до каюты, сбросил с себя мокрую одежду прямо на пол и свалился на койку, заснув раньше, чем голова коснулась подушки.

Протяжно скрипели переборки, тяжело вибрировал корпус судна, и временами, когда винт выходил на волне из воды, все в каюте начинало подпрыгивать и звенеть. Но Тимофей ничего не слышал — он спал мертвым сном.

По городу прошел слух, что «Кильдин» разломился пополам на волне. С утра в приемную начальника пароходства Бурмистрова набилось полно людей. Встревоженные слухом сюда прибежали жены и дети, отцы и матери, друзья и знакомые тех, кто плавал на «Кильдине».

— Товарищи! — тщетно обращалась к ним пожилая женщина — секретарь начальника пароходства. — Идите домой, не нервничайте и не верьте слухам.

— Нет, — отвечали ей, — подождем начальника. Там наши мужья, наши дети...

— Начальник в обкоме. Он вернется не скоро.

— Тем более будем ждать. В обком по-пустому

не ходят. Значит, с «Кильдином» плохо, значит, слухи верные.

А начальник пароходства сидел в это время в кабинете у первого секретаря обкома партии Василия Андреевича Кузнецова и докладывал об обстановке на море и о бедственном положении «Кильдина»:

— Последняя подробная радиограмма получена пять часов назад. Вот она: «В районе второго трюма трещина в палубе. Имею крен пятнадцать градусов левый борт, волнение моря девять баллов, ветер десять баллов. Иду по ветру малым ходом, сильная килевая качка. Есть опасность разлома судна районе трещины. Спасательные средства разбиты. Команда работает устранению повреждений. Широта... Долгота... Шулепов». Радиограмма поступила в четыре часа утра. Больше связи с кораблем не было.

— Что вы предприняли?

— В район бедствия направлен спасательный буксир «Вихрь», и из Архангельска по нашей просьбе вышел спасатель «Арктика».

— Сколько времени им потребуется на переход к месту бедствия «Кильдина»?

Начальник пароходства виновато посмотрел на Кузнецова и ответил:

— Не меньше полутора суток от Мурманска и сутки от Архангельска.

— Когда вышел буксир?

— В четыре тридцать.

Кузнецов подошел к столу, на котором была растелена генеральная карта бассейна. Красным кругом был обведен район предполагаемого местонахождения «Кильдина». Место буксиров на девять часов утра было отмечено крестиками.

— Ваши предложения? — коротко спросил Кузнецов.

— Просить командование Северным флотом направить в район бедствия, во-первых, самолеты, если это окажется возможным по погодным условиям; во-вторых, от их базы к месту бедствия «Кильдина» — быстроходный военный буксир смог бы дойти туда быстрее всех.

— Хорошо. Мы договоримся с военными. Прошу постоянно информировать нас об обстановке. Как связь?

— «Кильдин» не отвечает. Радиостанции пароходства приказано работать только на «Кильдин».

Появление в приемной начальника пароходства люди встретили молчанием. Все глаза были обращены на Бурмистрова. Он понял сразу, что это за люди и зачем они сюда пришли.

— Товарищи! — сказал он. — Положение «Кильдина» серьезное, но совсем не безнадежное. Мы принимаем меры, чтобы помочь им. К ним идут два спасательных буксира. Кроме того, пятнадцать минут назад в район местонахождения судна вылетел военный самолет и вышел военный корабль. «Кильдин» держится на плаву, команда делает все необходимое, чтобы продержаться до подхода спасателей. Прошу вас, идите домой. Все, что нужно, будет предпринято.

— Связь есть? — спросил кто-то из толпы.

Бурмистров помолчал и ответил:

— Пока связи нет.

Кто-то всхлипнул. Женщина с ребенком, стоявшая рядом с Бурмистровым, вдруг охнула и стала медленно валиться на пол. Ее подхватили под руки, взяли ребенка.

Бурмистров прошел в кабинет и плотно притворил за собой дверь.

Что мог он сказать этим людям? Они ждут от него чуда. Если бы он мог совершить это чудо. Если бы он знал, что сейчас происходит там, на «Кильдине», сумеют ли они продержаться... Треснула палуба, а от трещины недалеко и до катастрофы. И тогда... Бурмистров вздрогнул, и холодные мурашки пробежали по спине. Он на мгновение закрыл глаза, и тотчас же перед ним возникла картина гибели «Пионера» в 1942 году. Он служил тогда на «Пионере» вторым штурманом. А капитаном был Шулепов. В ноябре они вышли из Мурманска и направились по побе-

режью Кольского полуострова собирать в становищах улов рыбы у поморов. Штормило крепко. Тогда это было к лучшему — в шторм подлодки у берегов не ходят. А «Пионер» невелик был, всего тысяча двести тонн водоизмещения, шел впритык к берегу.

Ночь была темная. На траверзе Святого носа «Пионер» лег курсом на вход в бухту, и почти тут же прогремел взрыв. Бурмистрову тогда показалось, что «Пионер» прыгнул в небо, так содрогнулась палуба под ногами. Напоролись, видимо, на блуждающую мину. А может, успела подлодка немецкая заминировать.

И до сих пор, стоит только закрыть глаза, Бурмистров отчетливо видит трещину поперек палубы от борта до борта... Она все расширялась и расширялась, и вдруг он понял, что нос судна оторвало! Полубак отплыл от средней надстройки, неуклюже качнулся и прямо на глазах исчез под водой. Бурмистров стоял на мостике, онемевший от испуга, пока чьи-то руки не сунули ему спасательный круг и не столкнули в море. Он пришел в себя уже в ледяной воде. Оглянулся — и ничего не увидел: не было ни носа, ни кормы парохода — все исчезло. Лишь волны били и били в лицо, накрывая с головой...

Хорошо, из бухты быстро пришел тральщик, выловил их, уцелевших, из воды. А кто к тем придет сейчас на помощь? Кто тех выловит из воды, если «Кильдин» переломится?

Коротко звякнул внутренний телефон. Бурмистров взял трубку, выслушал.

— Немедленно несите сюда! И не отпускайте их с волны! Сообщите, что на помощь вышли спасатели.

Он выхватил из рук радиста синий бланк радиogramмы: «Широта... Долгота... Сильное обледенение, крен пятнадцать градусов левый борт. Откачиваем воду трюма... Снежные заряды, ветер норд-вест десять-одиннадцать море девять-десять... трещина... Шуле...»

— Что трещина?

Радист виновато пожал плечами.

— Не прошло. Разряды сильные в эфире. Только это и удалось разобрать...

«Кильдин» боролся с обледенением. Оно теперь стало для судна главной опасностью — каждая лишняя тонна льда, осевшая на надстройках, мачтах и вантах, ухудшала и без того плохую остойчивость судна, шедшего в балласте.

Под тяжестью льда оборвалась антенна, и «Кильдин» потерял связь с землей. Но в эти часы нечего было и пытаться вновь натянуть антенну — страшный ветер легко мог сорвать человека с обледенелой мачты. «Подождем, — сказал капитан, — сначала заварим трещину, обколем лед, тогда займемся антенной».

Тимофею удалось поспать пару часов. Потом он вместе с матросами ломом скалывал лед с фальшборта, с мачт, со стрел, с вант, с релингов на полубаке. Но наросты льда вновь появлялись, и опять люди сбивали их ломами. А у второго трюма, отгороженные брезентом от волн и ветра, механики колдовали над трещиной. Они приволокли огромный дейдвудный ключ, наложили его на трещину, и сейчас там вспыхивали блики электросварки.

Малым ходом, чтобы только судно слушалось руля, «Кильдин» шел, обгоняемый тяжелыми волнами, покорно кланяясь каждой из них. А когда вдруг мощный вал коварно подкатывался сзади и вздымал корабль на свой хребет так, что нос и корма провисали, тогда становилось особенно жутко — начинали действовать силы, разламывающие судно пополам. А тут еще трещина в палубе...

Тимофей не знал, сколько часов пробыл он на палубе, махая тяжелым ломом. Руки сначала ныли от холода, потом перестали его ощущать, а потом Тимофей не чувствовал уже и рук — лом казался пудовой глыбой железа, и не было сил поднять его, не было сил удержать в руках, хотелось бросить его, лечь прямо на палубу и ни о чем не думать. Но бросить лом нельзя, надо было бить и бить по этим проклятым ледовым наростам, надо было двигаться, прятать-

ся от потоков воды, действовать, надо было спасать пароход.

И когда наступило полное изнеможение, когда стало уже безразлично — унесет тебя волна или нет, Тимофея позвали на мостик к капитану.

Он бросил лом и пополз по трапу наверх — идти уже не мог. Наверху, у теплого корпуса дымовой трубы, Тимофей долго лежал, с трудом приходя в себя. Сейчас для него не было на всем свете лучшего места, чем эта труба, которая отогревала тело и прибавляла силы.

Потом он поднялся на мостик, и вдруг сквозь визги и стоны ветра ему послышался ровный гул моторов. Тимофей насторожился. Да, да! Это гудят моторы самолета.

— Самолеты! — вскричал он, врываясь в рулевую рубку.

Шулепов стоял у открытого смотрового окна с погасшей папиросой во рту. Он недоверчиво посмотрел на своего второго помощника, но гул моторов послышался совершенно явственно и в рубке.

— Ракеты! — приказал капитан. — Скорее ракеты, любые!

Тимофей выхватил из гнезда ракетницу, выбежал на крыло мостика и начал посылать вверх белые и красные ракеты.

Налетел снежный заряд, жесткие снежинки зашуршали по мостику, и ракеты, едва вылетев из ствола, тут же бесследно исчезали в крошечной снежной темноте...

И еще раз услышали гул самолета и еще стреляли ракетами.

— Нас ищут, — уверенно сказал Шулепов. — Судя по тому, что гул самолета слышался дважды, можно не сомневаться, что квадрат прочесывают. Да только ничего он не увидит — тучи почти за мачту цепляются.

Он посмотрел на Тимофея и приказал:

— Замерьте силу ветра и попробуйте взять радиопеленги. Надо поточнее место определить.

Тимофей замерил — все те же одиннадцать бал-

лов, взял радиопеленги — сигналы были едва слышны — и нанес их на карту. Получился длинный вытянутый треугольник далеко от счислимого места. Тимофей взял еще раз радиопеленги, и опять получился треугольник рядом с первым. Черт, что такое? Может быть, гирокомпас врет?

Шулепов спросил только:

— Как радиомаяк Святого носа слышен?

— Плохо.

— Какой угол?

— Далеко за правым траверзом. Остров почти на траверзе.

Шулепов прошел в штурманскую, стер резинкой нарисованные Тимофеем вытянутые треугольники и отчеркнул на курсе линию, перпендикулярную к острову. Циркулем измерил расстояние от пеленга до Новой Земли.

— Если нас несет со скоростью восемь-десять узлов, то мы имеем в запасе еще десять-двенадцать часов.

— А если... — попытался было спросить Тимофей, но Шулепов свирепо взглянул на него и отрезал:

— Никаких «если»!

Тимофей взглянул на часы в рубке и удивился — стрелки показывали семнадцать часов. Это что же, целый день уже прошел? И тут он вспомнил, что до сих пор еще не завтракал и не обедал. Да, наверное, и другие так же ничего не ели сегодня — не до еды было. И как нарочно, стоило только подумать о еде, проснулся голод, голод зверский, задрожали ноги и заняло в желудке.

Но спуститься на палубу и поискать чего-нибудь съестного не удалось. На мостик поднялись механики и доложили, что трещина в палубе заварена намертво и судну больше не грозит опасность переломиться на волне. По крайней мере в этом месте. Дейдвудный ключ вещь могучая, выдержит.

Шулепов повеселел.

— Тимофей Андреевич, возьмите с собой боцмана и матросов, займитесь антенной. Только осторожнее, чтобы с мачты кто-нибудь не сорвался!

— Есть, — коротко ответил Тимофей. Если кто и сорвется с мачты, так это будет он, Тимофей. На мачту полезет именно он, и никто другой. Лучше падать самому, чем потом отвечать за кого-то другого, смотреть в глаза его родственникам, жене, может быть, детям... Нет уж, лучше сам...

Внизу, на палубе, у подножья грот-мачты, под прикрытием высокого ходового мостика ветер не казался таким сильным. Зато над бортами то и дело вздымались беспокойные холмы волн, рушились на палубу, шумящими потоками устремляясь к полупортикам и шпигатам. Под ногами вздрагивала и тряслась палуба, то вдруг взмывая вверх, так что сердце уходило в пятки и тело наливалось тяжестью, то вдруг проваливаясь куда-то вниз, отрываясь от ног и заставляя ощущать некое падение в пустоту. Но ноги, цепкие матросские ноги, быстро освоились с танцующей палубой и словно прилипли к ее стальным листам.

— Боцман, — командирским тоном сказал Тимофей, — давай тонкий шкерт мне в зубы, и я полезу наверх. Следи за мной и свободно потравливай шкерт, я пропущу его в блок, спущусь, и мы натянем антенну.

Боцман ничего не ответил. Он послушно кивнул и закрепил конец шкерта за верхнюю пуговицу Тимофеевой телогрейки.

— В зубах не надо держать, может вырваться. Так лучше. Доберешься до блока, снимешь петлю с пуговицы, и дело сделано.

Боцман подал Тимофею цепной пояс, сказал:

— Это для страховки. Застегни вокруг мачты, а то недолго и сорваться.

Тимофей застегнул страховочный пояс и, выждав момент, когда палуба пошла вверх, к небу, полез по скобтрапу на мачту.

Сначала лезть было легко — палуба вздымалась вверх, и вместе с ней вздымался и Тимофей. Скоба, другая, третья... Черт, обледенели так, что из рук вырываются, и ноги все время соскальзывают... А-ах! Чуть не сорвался... Спокойнее, не спеши, крепче за-

хватывай скобу, обстучи сначала ее, сбей, раздави ледяную корку, а потом уж прочно ставь ногу... Еще...

Порыв ветра тугой, плотной массой придавил Тимофея к мачте, так что руки не оторвать от скобы трапа. Тимофей переждал, приноравливаясь к новой обстановке, чуть расслабил мышцы рук, чувствуя, как ветер ощутимо поддерживает его в спину. Он не оглядывался по сторонам, не смотрел ни вниз, ни вверх. Он видел перед глазами лишь желтое обледенелое железо мачты и скобу, за которую держались его руки. «Еще десять скоб, и буду у цели», — подумал он. Весь мир, вся жизнь уместались сейчас для него в этом отрезке вертикального пути, измеряемого десятью скобами.

Так... поднимаем правую ногу... Ага, вот она, скоба, нащупана... Скользко... Тянем вверх руку... Вот другая скоба... Тоже обледенелая... Перчатки мешают, срываются... И снять нельзя... Пальцы можно отморозить... Теперь всю тяжесть тела на правую ногу, и быстрый рывок вверх... Хватай другой рукой скобу. Теперь ногой... вот... нащупал... Теперь вжимайся в мачту, крепче, крепче... ногой сдирай лед со скобы, так... еще раз... теперь плотнее ноги стоят...

На самом верху, там, где висел блокочек для антенны, ветер был полновластным хозяином. Хорошо еще, что он дул в спину, прижимал к мачте.

Вот и блок. Сначала надо освободиться от оборванной антенны, вытащить из блока трос. Ну, это несложно — обрыв произошел рядом с блоком. Надо открыть щеку блока. Но замок замерз, не поддается пальцам. Тимофей передохнул, покрепче схватился за скобу левой рукой и, развернув блок, стукнул им о мачту. Ледяная корка брызнула в лицо.

...Ну вот, теперь щека открывается. Так, этот тротик долой, а шкерт сюда. Ага... Хорошо лег на место. Теперь щеку замыкаем, конец шкерта берем в зубы и вниз. Скорее вниз! А-ах! Нога вдруг скользнула по обледенелой скобе, и Тимофей сорвался, повиснув на страховочном поясе, больно стукнувшись под-

бородком о мачту. Руки судорожно стиснули скобу. Сердце, казалось, вот-вот вырвется из груди — так застучало оно тяжело и часто. Тимофей крепче сжал зубами шкерт. Чуть было не выпустил его. Все бы тогда пришлось сначала делать — опять лезть наверх, опять налаживать блок.. нет, уж если падать, так хоть шкерт на палубу доставить...

Тимофей перевел дыхание и осторожно, хорошо рассчитанными движениями продолжал свой путь вниз, на палубу. Вот уж и ветер не так рвет, значит, спустился ниже мостика, еще скоба, еще. Палуба!

— Молодец, Андреич! Аккуратно сработано, — похвалил его боцман.

Матросы приладили к шкерту тросик антенны, быстро натянули ее на место и закрепили. «Кильдин» вышел в эфир.

— Докладывает Бурмистров. Связь с «Кильдиным» восстановлена. Сообщают, что трещину заварили прочно, непосредственная опасность разлома судна устранена. Идут по волне малым ходом, курсом на Новую Землю... Нет, повернуть, видимо, не могут. Воду откачивают, но крен есть. В балласте при таком ветре и волнении очень опасно бортом к волне оказаться. Военный спасатель в четырех часах от них... Успеют вполне... Да, да, вполне. «Кильдин» имеет запас хода пять-шесть часов. Ну, это значит, что через пять-шесть часов судно может быть выброшено на скалы. Да, как только подойдет спасатель, будут брать на буксир с кормы. Нет, разворачивать не будем, рисковать не следует. Когда стихнут волна и ветер, тогда и развернем. Связь со спасателем устойчивая все время.

Бурмистров положил трубку телефона и вышел в приемную. Там его ждали люди. Он обвел всех долгим взглядом.

— Можете расходиться по домам. Связь с «Кильдиным» восстановлена устойчивая, у них все в по-

рядке, трещину заварили. Через четыре часа к ним подойдет спасатель и возьмет их на буксир. Так что никакой опасности для судна нет. Не мучайте себя и других. Идите домой, а через двое суток будем вместе встречать «Кильдин» у третьего причала порта.

Облегченно заплакала молодая женщина в углу приемной, мужчины закашляли и заговорили, перебывая друг друга, кто-то закурил...

Бурмистров вернулся в кабинет и устало привалился к столу. Нечего сказать, веселые выдались сутки. Молодец старик, не паниковал, держался достойно. Даже помощи не просил. Гордец. А может, гордость здесь и ни при чем, а просто опыт подсказывал ему, что все обойдется, да и знал, что пойдем мы здесь его положение, примем меры.

— Еще радиограмма. — Радист положил перед Бурмистровым синий листок.

«Установили связь спасателем. Идет по пеленгу. Полагаю, успеет. Готовим буксир кормы, широта... долгота... Ветер, море по-прежнему. Сильная килевая качка. Шулепов».

«Полагаю, успеет», — Бурмистров усмехнулся. Осторожен старик. Раньше времени «гоп» не скажет. Успеет, успеет, это точно.

Бурмистров прикинул циркулем расстояние от «Кильдина» до берега Новой Земли. Да... Спасатель успевает.

Он откинулся в кресле, закрыл глаза и задремал.

— Николай Иванович, — осторожно толкнул его кто-то в плечо. Бурмистров открыл глаза.

Главный диспетчер пароходства протянул ему бумагу.

— Дислокация наших судов на восемь ноль-ноль.

— Утро уже?

— Так точно.

— Где «Кильдин»?

— Неподалеку от западного побережья Новой Земли, между Русской гаванью и губой Крестовой.

— А точнее?

— Точнее — в пятнадцати милях от берега.

— Спасатели?

— Спасатель подошел. Вот радиограмма о благополучной заводке буксира.

Когда окончился этот бесконечно длинный и холодный день, и сумерки сгустились так, что почти исчезла грань между морем и небом, и корабль словно растворился в грохочущей мгле, с «Кильдина» заметили далеко на горизонте по правому борту белый столб.

— Спасатель идет. — Шулепов оторвался от бинюка и приказал старпому перебраться с матросами на корму, готовиться принять буксир.

Прожектор на мостике «Кильдина» установили лучом в небо, чтобы спасатель точнее вышел к цели.

Буксир шел поперек хода волны, и потому ходовые огни его на мачте кланялись поочередно, описывая быстрые полукружья. Пузатый и широкий, он зашел «Кильдину» с носа и двинулся навстречу по правому борту малым ходом. Когда корабли поравнялись, с буксира выстрелила пушка, и на палубу «Кильдина» на редкость удачно лег прочный тонкий трос. Его быстро обнесли по борту на корму, провели в клюз и намертво соединили с толстым буксирным канатом. Шулепов застопорил машину. Потом все ощутили, как дрогнул «Кильдин», как оглушительно и часто застучали по корме волны и пронзительно завыл ветер.

Спасатель натянул канат и потащил «Кильдин» навстречу ветру и волнам.

— Ну, теперь только бы выдержал буксир, только бы не лопнул, — вздохнул на мостике Шулепов. — А то ведь еще пару часов — и нас бы выбросило на берег. Тимофей Андреевич! — позвал он второго помощника. — Вам придется нести вахту на мостике. Старпом и третий будут на палубе следить за буксиром. Берите радиопеленги и почаще наше место определяйте.

...Шлеп-шлеп, шлеп-шлеп... — мерно шлепали по корме волны, и вдруг бух-х, и «Кильдин» судорожно вздрагивал, а корма скрывалась под волной.

Потоки воды прокатывались к средней надстройке, заполняя всю кормовую палубу вплоть до планшира фальшборта и потом долго выплескивались через полупортики обратно в море.

После каждого такого удара с кормы по телефону докладывал старпом: «Буксир на месте. Все в порядке».

«А как же люди? — думал Тимофей. — Как там они, на корме? Ведь укрыться им негде, от волны негде там спрятаться. А вода ледяная...»

Когда через три часа Тимофей нанес точку на карту по радиопеленгам, он не поверил своим глазам — она оказалась совсем рядом с предыдущей. Полторы мили за три часа! Впрочем, и то хорошо, хоть от берега немного отделились.

Прошло еще три часа, и еще четыре... Медленно, но неуклонно буксир тащил «Кильдин» от берегов Новой Земли. 16,5 мили от берега... 19 миль... 23 мили...

К утру следующего дня подошел еще один спасатель — из Мурманска, завел второй буксир на корму «Кильдина», и гуще засвистел в снастях встречный ветер, чаще зашлепали волны по корпусу.

У острова Харлов, под его крутыми высокими берегами спасатель из Мурманска завел трос на нос «Кильдина». Военный буксир, пожелав гудками доброго пути, повернул на свою базу. Теперь «Кильдин» мог подработать своей машиной. Шторм уже не страшен.

...Вся команда «Кильдина» стояла на палубе, всматриваясь в приближающийся причал.

— Смотри, сколько народу пришло нас встречать! Только оркестра не хватает. А машин сколько! Вот

это встречал — возбужденно шептал на ухо Тимофею третий помощник.

И верно, причал был забит народом. А насчет оркестра ошибся третий, и оркестр тоже был.

Забегали, задвигались по палубе матросы, что-то кричали встречающие, кто-то не выдержал там, на причале, заплакал в голос, и засморкался кое-кто на палубе «Кильдина»...

А потом все перемешалось на палубе: и начальство, и встречающие друзья, и родственники, и матросы, и кочегары...

И когда через мегафон капитан попросил команду построиться на носовой палубе, странный получился строй. С детьми, с женами, со стариками встали перед Шулеповым в одном строю члены его экипажа.

Шулепов взглянул на начальника пароходства. Тот кивнул головой, ничего, мол, сойдет, тут все одна семья. Бурмистров достал лист бумаги и зачитал приказ по пароходству: благодарность экипажу «Кильдина» за проявленное мужество и стойкость в борьбе со стихией. Каждый член экипажа был назван в приказе поименно. И каждому члену экипажа от имени министра Бурмистров вручил именные часы с надписью: «За мужество на море».

Через три дня, как и было назначено, моряки с «Кильдина» собрались в кабинете начальника пароходства. В парадной форме они сидели за длинным столом, уставленным бутылками с минеральной водой, бутербродами и фруктами. Стаканы с круто заваренным чаем медленно исходили паром.

Бурмистров пошутил:

— Товарищи, это не натюрморт, на который можно только смотреть. Пожалуйста, не стесняйтесь!

Все сразу задвигались, зазвенели ложечки, зазвякали тарелки.

Капитан Шулепов сидел рядом с начальником пароходства и ревниво оглядывал свой экипаж. Все как будто нормально — все трезвые, подстриженные,

при галстуках, хмурых нет... Он смотрел на знакомые лица и думал о том, что вот и пришло время расставаться. Они еще не знают, а Шулепову уже сказали, что «Кильдин» ставят на капитальный ремонт. Это года на два-три. Людей придется направить на другие суда. Пока временно, как он надеется, потом он попробует опять их собрать в один экипаж.

Шулепов так погрузился в свои мысли, что не расслышал, о чем завязался разговор у Бурмистрова с моряками. А тот сообщил им о решении пароходства и стал расспрашивать каждого о планах и намерениях. Одни нуждались в отпуске — Бурмистров согласно кивал и делал пометку в списке экипажа. Другие не возражали перейти на новые пароходы — и Бурмистров обещал сделать это. А боцман, старый морской волк Горлов, неожиданно попросился в отставку.

— Я дважды уже тонул, Николай Иванович. Первый раз — когда немцы торпедировали «Стрелу» у Медвежки... Двое нас тогда только и осталось, я да буфетчица Полина... Второй раз...

— Знаю, Василий Серафимович, знаю про второй раз, — тихо перебил боцмана Бурмистров.

— Второй раз, — тем же ровным голосом продолжал боцман, — тонули вместе с вами и с капитаном Шулеповым, когда на мину напоролись у Святого носа... Тоже спаслось немного, двенадцать из сорока восьми... Третий раз не хочу судьбу испытывать, да и стар уже, тяжело такие катавасии, как эта последняя, переносить стал. Сердце сдает, — виновато закончил он.

Бурмистров тронул боцмана за плечо и проговорил:

— Я понимаю вас, Василий Серафимович. Вы послужили флоту честно и так, как дай бог каждому из нас служить. Только зачем увольняться из флота? Пойдете в мореходку учить молодежь? Очень ваш опыт пригодится там. И просят они вас, именно вас.

— Ну какой я учитель? — смущенно проговорил боцман.

— Не учителем, а руководителем морской прак-

тики курсантов. Зимой будете учить матросскому делу, а летом либо в отпуск, либо с курсантами на практику: на учебном корабле плавать.

— Подумаю, — серьезно ответил боцман.

— А вы, Тимофей Андреевич? — повернулся к Таволжанову Бурмистров. — Вы бы куда хотели?

— Я хочу продолжать службу на судне.

— «Кильдин», как вы знаете, становится на капитальный ремонт. Надолго. На пару лет. Чего вам, молодому, торчать на ремонте? — грубовато сказал Бурмистров, сосредоточенно разминая папиросу.

Тимофей растерянно посмотрел на него.

— Понимаю. Тогда, конечно, можно на какой-нибудь другой пароход направить... — неуверенно начал он.

— Почему на какой-нибудь? — весело сказал Бурмистров. — Нам такие люди нужны не на какие-нибудь пароходы, а на самые лучшие, на самые большие.

Тимофей выжидательно смотрел на начальника. Шулепов покосился на Бурмистрова и вдруг озорно подмигнул Тимофею и улыбнулся.

— Вот передо мной лежит заготовленный текст приказа о вашем назначении, штурман Таволжанов, — продолжал Бурмистров. — Я так и ожидал, что вы попроситесь направить вас на пароход. Так вот, я беру ручку, — он взял ручку, — и подписываю, — он подписал, — приказ о назначении штурмана Таволжанова старшим помощником капитана дизель-электрохода «Россия».

У Тимофея захватило дух. Это же самое новейшее судно, построенное по нашему заказу в Англии! Оно еще и сейчас стоит на заводе...

— Пойдете принимать «Россию» на «Ельце». Он через пару дней отходит. Так что будьте готовы, товарищ старпом. Будем встречать вас в Мурманске после первого рейса «России» из Ливерпуля во Францию и Голландию. Надеюсь, вы и впредь будете нести службу столь же безупречно, как и на «Кильдине».

— Буду стараться, — проговорил Тимофей и спросил: — А кто капитаном на «России» будет?

Бурмистров достал из папки документы и показал:

— Вчера министерство утвердило капитаном «России» товарища Шулепова.

Лицо Тимофея расплылось в улыбке.

Вместе с ним получили назначение на «Россию» еще двенадцать моряков из экипажа «Кильдина». Тимофей смотрел на них и радовался тому, что на новом дизель-электроходе вокруг него будут эти ребята, вместе с ним побывавшие в соленой купели. Такие не подведут.

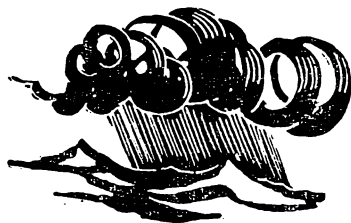

Тимофей стоял на мостике «Ельца» и, пока пароход убирал швартовые и медленно выходил из ковша, все смотрел на причал, на раскинувшийся по склонам сопки город, вспоминал, как два года назад приехал сюда и начал плавать матросом на стареньком пароходе. Вспоминал короткие рейсы на регулярной, трудной линии малого каботаж... И вот новый пароход, новые плавания...

«Елец» вышел на фарватер и лег курсом на выходные створы. Прозвенел машинный телеграф, громче забурила вода по бортам, и пароход, чуть вибрируя, начал набирать скорость.

На ровной, словно облитой маслом поверхности залива неподвижно сидели чайки.

Спасибо вам, белые птицы, за доброе предзнаменование!

ВЫШЕ НАС —ОДНО МОРЕ

На старых морских картах поморское становище называлось Семь Двориков. Несколько лет назад Семь Двориков влились в большой рыболовецкий колхоз, и с тех пор на новых картах упорно пишут длинное и нудное название: «Третье отделение рыболовецкого колхоза «Северное сияние». Но все жители становища, да и рыбаки Мурмана по-прежнему так и зовут это селение — Семь Двориков.

Сейчас уже никто не помнит имени того отчаянного рыбака,

который решил поставить первую избу здесь, у самого берега моря, в распадке двух гололобых темно-коричневых сопок; на побережье есть места и получше. Сопки защищают селение лишь с юга. Отмель не позволяет подходить близко к берегу даже небольшим судам, и потому рейсовый каботажный пароходик «Харловка», появляющийся здесь два раза в месяц, становится на якорь и переправляет почту и груз на рыбацких лодках. Пассажиров, как правило, сюда не бывает. При северных ветрах, даже и небольших (с точки зрения жителей поселка), «Харловка» проходит мимо, не задерживаясь. И тогда надо ждать еще две недели до очередного рейса.

Взрослое мужское население Семи Двориков целиком составляло экипаж рыболовного сейнера «Пикша». Капитаном сейнера вот уже много лет был Яков Антонович Богданов, знаменитый на Севере рыбак. Он родился и вырос в Семи Двориках, работал грузчиком в Мурманске, рыбачил в колхозе, колхоз и послал Богданова учиться на штурмана. Яков Антонович год проучился в Мурманске и сбежал из мореходки назад. «Можно и заочно учиться», — заявил он правлению колхоза. Три года назад Богданова избрали депутатом Верховного Совета.

Вот к этому человеку я и ехал сейчас на «Харловке». Редактор газеты, давая мне задание написать очерк о делах депутата, поднял прокуренный палец и погрозил:

— Смотри, Богданов — это фигура. Он не любит нашего брата газетчика. Но очерк нужен до зарезу.

...«Харловка» подошла к становищу и стала на якорь. Пароход ждал — на берегу толпились люди, а к борту судна торопилась большая рыбацкая лодка. Пока перегружали почту и груз, приехавшие с берега женщины осаждали ресторан, закупая пиво в бутылках, таранку, булочки и пирожные. Я стоял у борта и ждал сигнала. Погрузка закончилась, женщины перебрались по штурмтрапу в лодку и требовали отдать концы. Они удивились, узнав, что к ним в становище есть пассажир, и с любопытством наблюдали за моими неумелыми упражнениями на штурмтрапе.

Лодка отошла от парохода и направилась к берегу.
— Уж не к Якову ли Антоновичу? — ехидно улыбнулась дородная тетя, сидевшая за рулем.

Я кивнул.

Женщины засмеялись.

— Как же, держи карман шире! Так он и ждет вас, шелкоперов! Хватит с него и одного раза, — грубовато отрезала рулевая. — Уж лучше сразу откажись от этой затеи, это я тебе точно говорю.

«Харловка» протяжно загудела и, выбрав якорь, пошла своим курсом дальше. Густой черный дым низко стлался по морю чуть не до самого берега. В шлюпке размеренно поскрипывали уключины, тяжело плюхали в воду весла. Вдруг рулевая, невинно хлопая глазами, простодушно сказала:

— А Якова Антоновича-то нет сейчас в поселке, и вернется он из рейса не скоро. Радиограмма была с промысла.

Я мгновенно повернулся в сторону моря. Увы, «Харловка» еле виднелась на горизонте.

Черт! Не могли сказать об этом раньше. Теперь придется торчать в этих Семи Двориках целых две недели, пока не вернется «Харловка»... Да и то если хорошая погода выдастся...

Но, делать нечего, я смирился со своей участью и, пожав плечами, неторопливо ответил:

— Что ж, нет капитана — есть капитанши.

От хохота качнулась лодка. Женщины бросили весла и смеялись так, словно я сказал действительно что-то очень веселое. Я с недоумением смотрел на них и вдруг понял, отчего они так смеются. Мне стало жарко. Я почувствовал, как от шеи вверх по лицу медленно поползла и растеклась горячая струя.

— Извините, — пробормотал я, запинаясь. — Я совсем не в том смысле...

Но женщины развеселились еще пуще и стали отпускать довольно смелые шуточки по моему адресу. Я не знал, куда деться от стыда, я растерялся — вот это и подогревало веселое настроение моих спутниц. Мне бы просто поддержать их шутки, и все бы сразу кончилось..

Меня выручила все та же дородная тетя — рулевая.

— Ну, хватит, бабоньки! — властно прикрикнула она. — Парень совсем сгорел, не видите, что ли? А ты не смущайся, — повернулась она ко мне. — У нас народ такой, ядрено живет — ядрено и шутит.

Не знаю почему, но женщины враз перестали смеяться и, подобрев, заговорили со мной без подковырок. Они расспросили подробно, и как зовут, и сколько лет, и женат ли я, а когда получили полные ответы на все свои вопросы, заговорили между собой «о собачьей корреспондентской жизни». Я пытался протестовать, пытался доказать, что это, мол, очень интересно — так вот разъезжать по разным местам, узнавать новых людей и писать о них. Но, видимо, мои слова звучали неубедительно. Рулевая бесцеремонно отрезала:

— Сиди уж! «Интересно»! Никакой своей воли у тебя нету. Загонят, вот как сейчас к нам, — и сиди загорай две недели, а голку что? Про нас, про баб, чего напишешь? — Помолчала и добавила: — Меня зовут Марией.

Она внимательно всматривалась в приближающийся берег и отрывисто скомандовала:

— А ну, бабоньки, навались! Как раз на волну попали. И-и-и раз! И-и раз! — зычно выкрикивала она.

Резче заскрипели уключины, и лодка рывками понеслась прямо на берег. На горбу пологой волны она взнеслась над отлогим берегом и, когда волна схлынула обратно в море, прочно легла всем корпусом на землю.

— Вылезай! Приехали! — опять скомандовала рулевая.

Подбежали люди и помогли оттащить лодку подалее от моря.

Мария повела меня за собой. Размашисто шагая впереди, поясняла:

— Поселок наш небольшой, но все имеется, даже гостиница. Ну, правда, это я округляю, не гостиница, конечно, а комната для приезжих, но жить там будет неплохо. Бабка Нефедовна обхаживать тебя будет,

чай готовить, а продукты в сельпо сам будешь брать. Обедом она тоже накормит, это уж ты сам с ней договоришься. Будешь жить, в гости к нам ходить, вот и познакомишься со всеми в поселке.

Мы подошли к высокому, в полтора этажа, дому из толстых бревен, под железной крышей. Вдоль подножья сопки стояли еще девять точно таких же домов.

— Так у вас тут десять, а не семь дворов? — спросил я.

— Десять. И еще два будем строить. Молодежь подрастает, женится, свой дом каждый желает иметь. Семь-то изб тут до войны еще было.

Бабка Нефедовна, хозяйка комнаты для приезжих, и впрямь оказалась очень заботливой и ласковой старушкой. Когда я завел разговор об оплате ее услуг, она вздохнула:

— И-и, милый! Живи. А и то сказать, за что платить-то? Мне это в удовольствие, все вроде как опять нужна людям.

Она подумала и добавила:

— Я ведь не всегда одна жила. Муж у меня был. Законный. Филипп Тимофеевич. Потонул в море, царствие ему небесное. Два сына были — Андрей и Тимофей. Пали смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины.

Она произнесла эти слова спокойно и привычно — видно, тысячи раз читала и перечитывала пришедшие на сыновей «похоронные», и слова эти, страшные в своем скорбном пафосе, стали давно уже неотъемлемой частью ее дум и ее жизни.

Я молчал, силясь проглотить подступивший к самому горлу теплый комок. А Нефедовна вздохнула и сказала:

— Ну, да что там говорить. Давно это было, и все уже перегорело в душе-то. А нет-нет да и всплакну иногда. Теперь, правда, реже это случается. Постарела, да и хочешь не хочешь, а жить надо. Куда денешься?

И тем же ровным и спокойным голосом она продолжала:

— А ты не бойсь наших-то. У нас народ без балов-

ства. Все у всех на виду. Труженики. Ходи смело, приходи к себе в комнату когда вздумаешь, милости просим. Дверей мы не запираем ни днем ни ночью. Так уж у нас испокон водится. Живем дружно. Конечно, случается, что мужики, как с моря придут, пошумят по пьяному делу. Только тем все и кончается, сами порядок наводят промеж себя. Да и милиции тут нету ведь...

Весь вечер мы просидели с Нефедовной, пили чай, и я слушал ее рассказы о житье-бытье.

Слушал я добросовестно, и старушка, видимо, прониклась ко мне доверием — все говорила и говорила...

Когда я проснулся утром и вышел в просторные теплые сени умываться, Нефедовна поздоровалась и сказала:

— Завтрак готов, сынок. Умоешься, так приходи, я мигом соберу.

Она принесла и поставила на стол сковородку с жареной рыбой. Я попробовал и зачмокал от удовольствия — рыба была удивительно вкусная и нежная, сама, как говорится, таяла во рту.

— Это палтус, — уверенно произнес я, — недаром зовут его царь-рыба.

Нефедовна рассмеялась.

— А вот и нет! Самая обыкновенная наша камбала.

— Камбала такой вкусной не бывает. Я же знаю.

— Ничего ты не знаешь, сынок. Ты камбалу небось все соленую едал. А это свеженькая камбала, прямо из моря — и на сковородку, на собственном жиру готовится. Морская курятина — вот как у нас зовут камбалу. А ты «палтус»! Палтус хорошо в ухе, да копченый. А так вот, поджарить чтоб, лучше камбалки и нет рыбы: ни костей в ней нет, и жирна в меру, и мясо нежное.

День был солнечный. Я медленно шел по единственной улице. Окна домов были растворены, но людей нигде не было видно.

— Эй, журналист!

Я обернулся и увидел вчерашнюю рулевую Марию. Она улыбалась из окна и приглашала зайти.

Я поднялся на высокий порожек и вошел в просторную избу. Девочка лет трех, игравшая на полу в куклы, испуганно подбежала к Марии, цепко ухватилась за ее юбку и, засунув в рот палец, во все глаза уставилась на меня.

— Не бойся, глупенькая, — Мария ласково погладила ее по головке. — Дядя хороший, он не обижает детей, не бойся.

Девочка плотнее прижалась к матери и поглубже засунула палец в рот.

— Проходите, садитесь, — пригласила Мария, и я прошел к столу, на котором стояли большой письменный прибор, подушечка для печати, коробка скрепок и лежали папки с бумагами.

Мария заметила мой взгляд и пояснила:

— Это все канцелярские дела поселкового Совета. Я тут уже восьмой год председательствую, вот и приходится возиться с бумагами да с печатью, закон блюсти.

Я достал из кармана командировочное удостоверение и протянул Марии:

— Отметочку сделайте, раз уж к вам попал.

Мария внимательно прочитала удостоверение, поставила печать и записала что-то в книгу.

— Ну вот, теперь ты законный житель в нашем поселке.

— А где народ? Никого на улице не видно, — полюбопытствовал я.

— А на берегу. Сети чинят. Я тоже сейчас туда иду. У нас одна забота — сети чинить, маты для сейнера плести, а то и кранцы делать. Мы все тут умеем, хоть и бабы.

— Мне бы хотелось познакомиться с семьей капитана Богданова, — нерешительно сказал я.

— А чего ж! Вот на берегу и познакомишься с его жинкой и домой зайдешь, сына ихнего посмотришь. — Мария усмехнулась.

Я не понял причину ее усмешки, но расспрашивать не стал...

Пологий каменистый берег был утыкан кольями. Навешенные на них сети хлопали и вздувались под ветром. Женщины и дети штопали порванные ячеи сетей, орудуя большими деревянными иглами.

— А вот и супруга Якова Антоновича, Елизавета Васильевна. Прошу любить и жаловать, — Мария остановилась перед невысокой молодой женщиной.

Обветренное лицо Елизаветы Васильевны с добрыми и доверчивыми серыми глазами было красивой неяркой русской красотой, которая, не обжигая, надолго запоминается милой женственностью и привлекательностью. Жена Богданова казалась несколько полноватой для своего роста, но движения ее были легкими и быстрыми.

— Здравствуйте, — спокойно ответила она на мое приветствие и вопросительно взглянула на Марию.

— Да вот, прибыл к твоему Якову. Интервью брать.

— Ужас! Опять! Мало вам одного, что ли, раза? — недовольно проговорила Елизавета Васильевна.

— А в чем все-таки дело? — спросил встревоженный я. — Что произошло в прошлый раз?

— Будто не знаете, — Елизавета Васильевна строго взглянула на меня. — Яков вам в газету письмо писал, да вы побоялись его напечатать.

— Честное слово, я ничего не знаю о письме, — растерялся я. — Я недавно в газете работаю.

— А что тут говорить! — вмешалась Мария. — Такое там понаписано в том интервью, что Якову глаза стыдно было показать на народ. Ну, да мы-то знаем, какой он на самом деле. Сроду такого не скажет. У него и мыслей подобных никогда не бывает и быть не может: «Мы геройски вступили в схватку со стихией» — тьфу, да и только! — гневно сверкнула глазами Мария. — И как только не стыдно срамить людей! Ну, вы теперь сами разбирайтесь, а я пошла, мне свою долю надо отштопать.

Я стоял перед Елизаветой Васильевной, не зная, что сказать.

— Вы уж извините, что так вышло, — промямлил я, — только я ни при чем.

— Да вы не огорчайтесь, — сочувственно произнесла Елизавета Васильевна. — Это все ваш редактор насочинял. А вам вот не повезло — Яков в море, и я не жду его скоро.

— Я знаю. Да только теперь все равно парохода придется ждать. Может, вы мне что расскажете...

— Что ж, заходите домой, там и поговорим, — Елизавета Васильевна вновь взялась за иглу.

Я поблагодарил. Однако идти сейчас мне было некуда, и я остался на берегу. Женщины окружили меня и стали учить своему нехитрому ремеслу. Смеху и шуму было много — они от души потешались над моими неуклюжими действиями иглой. Но я не обижался — понимал, что приезд постороннего человека несколько оживил однообразие их жизни...

Когда вечером я сидел с бабушкой Нефедовой за ужином и рассказывал ей о событиях дня, она качала головой и посмеивалась.

— Наши бабы, они такие. Задиристые. Ты на них обиды не имей. А к Лизавете сходи, да не раз. Поговори. И на сынка обрати внимание. Особенный он у них парень. А и упрямый — страсть! Весь в отца.

...К Богдановым я зашел на следующий день, под вечер. Внутри изба была отделана по-городскому — стены обшиты сухой штукатуркой и оклеены красивыми обоями. Две комнаты и гостиная обставлены современной мебелью, в углу гостиной на тумбочке стояла радиолка «Эстония». Пол устлан большим ковром.

Елизавета Васильевна и ее еще не старая мать встретили меня радушно и сразу пригласили к столу.

— Ваня, иди чай пить! — крикнула в окно Елизавета Васильевна.

— Сейчас! — глухо послышалось в ответ.

— Опять в сарае с утра сидит. Только поесть и забегает, — пожаловалась неизвестно кому Елизавета Васильевна.

— Мастерит что-нибудь? — поинтересовался я.

Елизавета Васильевна махнула рукой.

— Какое там мастерит! Да вы вот днем к нему

зайдите, полюбопытствуйте. Сидит за книгами или транзистор слушает. Ванюша! — опять крикнула она в окно. — Иди поешь хоть, горе ты мое горькое. — Она вздохнула и повернулась ко мне: — Поверите, как привез ему отец эту игрушку — «Спидолу», так не оторвешь теперь мальчика: день и ночь крутит ее, все Англию ловит. Ужас!

В комнату вошел невысокий парнишка лет тринадцати. В руках он держал белую «Спидолу», из которой четко раздавалась английская речь.

— Знаешь, мам, сегодня почти весь день Англия отлично слышна! Никаких помех, — обрадованно объявил он. Заметив за столом незнакомого человека, мальчик приглушил звук и поздоровался со мной.

— Ты знаешь английский язык? — спросил я.

Ваня мотнул головой.

— Нет еще. Но уже немного понимаю.

— Прямо с ума сошел, — опять вздохнула мать, — по почте книг ему английских напisyлали целую уйму. И что он ему дался, этот язык? Целые дни сидит, как сыч. «Ха ду ду, ха ду ду» — долбит и долбит. Ужас!

К словам матери мальчик отнесся равнодушно, словно это и не про него говорилось.

— А вы изучали английский язык? — спросил он у меня.

— Изучал, — признался я, — только наполовину уже забыл.

— Ну, теперь он от вас не отстанет, лучше бы не говорили, — засмеялась Елизавета Васильевна.

...Назавтра в полдень я опять был в доме Богдановых. Ваня встретил меня у порога и провел в маленькую комнату, сплошь увешанную географическими картами мира. Письменный стол у окна, выходившего на море, был завален книгами. На стене висел барометр. Большой морской бинокль стоял на подоконнике.

— Да у тебя, брат, тут как в капитанской каюте на корабле! — воскликнул я.

Ваня промолчал, хотя ему, было видно, пришлось по душе мои слова.

— Ты что, капитаном собираешься стать?

— Да, хочу, как и отец, капитаном быть. Но сначала мне надо еще на штурмана выучиться.

— Сначала, наверное, надо еще среднюю школу окончить? — перебил я его.

— Ну, это само собой. Только я не буду десять классов кончать. Я хочу через год, после восьмилетки, поступить в среднюю мореходку, окончить ее и пойти плавать. В высшей мореходке можно учиться и заочно.

Ваня достал из ящика стола подробную карту Баренцева моря, расстелил на столе и подозвал меня.

— Вот, смотрите, где наш поселок. Видите, где мы? — он показал точку на карте, обведенную красным кружком. — На самом-самом краю земли. Выше уже ничего и нет. Выше нас — одно море. — И он посмотрел на меня, словно проверяя, какое впечатление произвело его сообщение.

— Верно, — подтвердил я, — выше вас действительно одно море, а в море — корабли.

— До Мурманска от нас сто шестьдесят семь морских миль, до Лондона — тысяча девятьсот двадцать три, а до Владивостока — если идти Северным морским путем — почти шесть тысяч миль. — Ванюшка опять пытливо посмотрел на меня.

— Может быть.

— Не может быть, а точно. Я сам все промерил на морских картах. — Он помолчал и вдруг спросил: — Как вы думаете, трудно сдать вступительные экзамены в мореходку?

Я пожал плечами.

— Конечно, не легко. Сейчас конкурсы большие везде. Но ведь если человек сильно чего-то захочет, он обычно добивается своей цели. Так что все зависит от самого себя.

— Ну, что от меня зависит, я все сделаю, — почему-то с грустью произнес Ваня.

Он встал, вышел из комнаты и тут же вернулся. Морская фуражка с капитанским «кравом» лихо сидела на его голове.

— Идет мне форма, правда?

Я пошутил:

— Ты прямо рожден для капитанской фуражки.

Ваня показал мне свои богатства. Тут были отличная коллекция высушенных морских звезд, и большой гербарий водорослей с четкой классификацией каждого растения, и чучела «морского черта» — морского ежа — и каких-то неведомых мне других диковин моря...

— И ты все это сам собрал? — спросил я.

— Нет, не все. Звезды отец привез, а уж готовил и сушил их я. Отец научил. Водоросли я сам собирал. А чучела мне с папиного сейнера рыбаки подарили.

А потом мы с Ваней долго «гоняли» транзистор, отыскивая волну с английской речью. Однако эфир в диапазоне коротких волн был забит шорохами и треском. Лишь на средних волнах с трудом прослушивался Мурманск.

— Элегрические разряды, — деловито объяснил мне Ваня. — Циклон идет. Возможен шторм. — Он с любопытством посмотрел на меня и добавил: — А у нас тут если шторм — так надолго.

Я понял его и развел руками.

— Что ж делать, Ванюша, будем сидеть и ждать...

— ...у моря погоды? — подхватил весело Ваня.

— Точно.

— Вам, наверное, скучно у нас?

— Но ты же здесь живешь, и ничего, не жалуешься?

— Я-то что... Я тут родился, тут все кругом мое, — с необычайной серьезностью произнес Ваня.

Он взглянул на меня и предложил:

— А не могли бы вы со мной позаниматься английским? Хоть немного.

Он смотрел на меня с такой надеждой, что я не смог ему отказать. Ваня обрадовался, тут же принес учебник и тетради, и я начал свой первый в жизни урок английского языка. Учитель из меня, наверное, получился неважный, но Ваня терпеливо слушал путанные разъяснения полузабытых мной грамматических правил. Когда я окончательно запутался в не-

определенном и определенном артиклях, Ваня вежливо сказал:

— Это мне ясно. Мне не совсем понятны только модальные глаголы.

Я взмолился.

— Я сам их только в контексте понимаю. А почему и как — черт их знает. Знаешь, Ваня, как только я вернусь в Мурманск, с первым же пароходом пришлю тебе учебник Диксона с набором пластинок. Там все это здорово объяснено... Это будет от меня подарок.

Ваня покачал головой.

— Мама мне не разрешит принимать такие подарки.

Я принялся убеждать его, что с мамой можно уладить этот вопрос, если только мы с ним вдвоем постараемся убедить ее, что такой учебник и пластинки абсолютно необходимы для изучающих язык.

— Ваня! Ванюша! — донеслось откуда-то издалека, затем протопали сапоги, и в комнату вбежала Елизавета Васильевна. Она прислонилась к дверному косяку и, с трудом переводя дыхание, счастливыми глазами посмотрела на своего сына. Она вся так и светилась радостью.

— Что? — рванулся к ней Ванюшка.

— Вот... — она протянула ему листок бумаги. — Отец... отец завтра будет дома.

Ваня схватил листок, прочитал и с криком «ура» запрыгал на одной ноге по комнате. Елизавета Васильевна протянула к нему руки, и он обнял ее.

Я потихоньку вышел из комнаты и пошел в «гостиницу».

Нефедовна встретила меня на крыльце и первым делом сообщила:

— Слышал? Завтра Яков Антонович приходит. И впрямь повезло тебе.

— А как же сказали...

— Вызвали в Москву его, — внушительно проговорила Нефедовна, — все приказали бросить и лететь. Вот его завтра и высадят на пару деньков домой, чтоб он к земной жизни немного привык, а потом

за ним катер военный придет из Мурманска. Во как! А ты говоришь «Дворики»!

Нефедовна смотрела так, словно уличила меня в неуважении к ее такому знаменитому селению.

Я рассмеялся.

— Что вы, бабушка, да разве я сомневался когда?

— То-то, — удовлетворенно качнула головой старушка...

...Утром меня разбудило солнце. Его было много, очень много в комнате, солнца. Я торопливо оделся и вышел в горницу. Из-за печи выплыла Нефедовна и пропела:

— Проспал, соколик, все проспал. Погляди-ка вон в окошко.

Я выглянул и увидел сейнер. Он стоял на якоре неподалеку от берега. Его зеленые борта были изрядно ободраны. На носу четко проступали белые буквы: «Пикша».

— Когда?

— Под утро пришли, в пятом часу. Я уж побывала там, свежей рыбкой разжилась, тебе на завтрак приготовила.

— Что ж вы меня-то не разбудили?

— А незачем было, вот и не разбудила. Ведь они пришли ненадолго, нынче же и уйдут опять в море. Им не до тебя, им нужнее семью свою повидать, детей да жен своих. А ты бы помешать мог, а то и турнули бы тебя, — с грубоватой прямоотой ответила Нефедовна.

В полдень сейнер уходил в море. Вместе со всеми я тоже пошел на берег провожать моряков. И здесь Ванюшка познакомил меня со своим отцом. Яков Антонович тряхнул мою руку и спросил:

— Опять материал о «героях-моряхах» понадобился? Так вы не туда прибыли.

Я энергично замотал головой.

Он усмехнулся.

— У меня с вашей газетой старые счеты. И мой вам совет — не тратьте зря время, езжайте обратно. Кстати, завтра к вечеру за мной придет катер, могу и вас захватить. Все равно вы сейчас не соберете

материала для статьи. Второй месяц рыбы нет, план не всегда вытягиваем.

Капитан Богданов был в меру высок и в меру плотен, широкие плечи и сильные, чуть согнутые в локтях руки говорили о постоянном тяжелом труде, большая голова чуть откинута назад... Нет, сказать, что он был красив, значило бы сказать неправду. Черты лица его были, пожалуй, даже грубы: резко очерченный излом мясистых губ крупного рта, желтые большие зубы, прямой нос, большие уши и заду-белая красная кожа в крупных редких морщинах.. Нет, определенно он не был красив. Но когда он взглянул на меня из-под нахмуренных бровей... Бывают взгляды, пронзающие насквозь, бывают тяжелые, камнем давящие взгляды, бывают высокомерные или презрительные... Но взгляд капитана Богданова был особенным. Его налитые умом глаза уверенно просвечивали человека и, казалось, обнажали самое сокровенное... Когда Богданов, знакомясь, взглянул на меня, я даже зажмурился на мгновение, а потом никак уже не мог отделаться от унижительного ощущения своей ничтожности рядом с этим могучим моряком с его откровенными глазами мудреца. Нет, что там ни говорите, а незаурядную личность узнаешь с первого знакомства, цельность и твердость характера видны у человека в глазах.

Да-а, такой орешек не по моим молочным зубам. И задание редактора я провалю с треском... Материала не будет. Будут лишь одни неприятности. Это-то я сознавал отчетливо. Ну и пусть! Чему быть, тому не миновать!

С утра следующего дня я стал томительно ждать — позовет меня Богданов к себе до прихода катера или нет? Я был один в доме, Нефедовна ушла куда-то, мне не с кем было даже поговорить. И когда появился сияющий Ванюшка, сердце мое дрогнуло. Он вбежал в комнату и закричал:

— Игорь Петрович, пошли к нам! Папа и мама зовут вас обедать.

— Знаешь, Ваня, — признался я, — я на тебя крепко рассчитывал.

— Ага. Папка у нас не любит корреспондентов, но я сказал, что вы не такой. И бабушка за вас заступилась.

— Какая бабушка?

— Бабушка Нефедовна.

— Она у вас?

— Конечно. Она всегда бывает у нас, когда папка приходит с моря.

...За столом собралась вся семья капитана Богданова. Из посторонних были только Нефедовна да я. Признаться, мне было не по себе. Я не знал, о чем говорить. А молчать тоже было неудобно. Но после первой рюмки стало, как говорится, легче, и я почувствовал себя свободнее.

Пили коньяк. Три звездочки. Армянский. Яков Антонович пил, не морщась, до дна. А я боялся опьянеть и поэтому старался не допивать свою рюмку. Капитан заметил это и добродушно похлопал меня по плечу.

— Хитришь, корреспондент? А я вот знал ребят-грузчиков в рыбном порту, так они с получки могли выпить четверть водки на двоих, съесть целого барана и после этого еще ночь работали. Вот, брат, какие люди прежде крепкие были.

Ваня с любопытством спросил:

— А сколько это — четверть?

— Вот сын мой и мерки-то такой не знает, — Яков Антонович привлек к себе Ванюшу. — До войны была такая посуда, сынок, очень большая. После войны я не встречал четвертей в магазине. Тебе это, сын, ни к чему, у вашего поколения совсем другие условия жизни, да и интересы не те.

Он задумался.

— Говорят, моряки много пьют. А вы прикиньте, верно ли? Я, например, месяц был в море. Там не выпьешь. И вот выпили мы сейчас бутылку...

Я перебил:

— Да, но месяц вы были в море, и вас там никто не видел. А пришли на берег — вас ждут, на вас все глядят, и тут вы как раз и выпили. Много ли, мало ли — неважно. Люди видят, что выпили. И так каж-

дый ваш приход в порт, пусть таких приходов будет всего пять-шесть в год. Вот и идут разговоры.

— А ты не гляди за другими-то, не гляди. За собой досматривай, так-то оно будет лучше, — вступилась обиженно Нефедовна. — Выпить с радости, чай, не грех. Чего же не выпить? Мэру только свою не забывай. Мой Филипп Тимофеевич тоже, бывало, любил с удачного промысла посидеть с приятелями за рюмкой. Ну и что же тут плохого было? Пьян да умен — два угодья в нем — вот как старые-то люди говорили.

Яков Антонович повернулся ко мне.

— Рыбак был Филипп Тимофеевич — нынче таких поискать. О нем статей не писали, а на побережье все его знали и уважали, да и сейчас помнят.

— Как не помнить, — раздумчиво произнесла Нефедовна. — Поди, все нынешние рыбаки-то у него учились рыбацкому делу.

— Верно, у него, — Яков Антонович задумался. — Не будь его, не быть бы мне капитаном, да и вообще не сидел бы я сейчас за этим столом.

Он взглянул виновато на Нефедовну и попросил:

— Разреши, мать, расскажу я ему про Филиппа Тимофеевича, про то, как я жить остался, а он смерть принял.

Нефедовна кивнула.

— Когда я еще был мальчишкой, Филипп Тимофеевич брал меня с собой в море на своей лодке. Дорой она зовется у нас. Учил распознавать рыбные места, сети ставить уловистые, погоду угадывать...

— Любил он тебя, Яков, — перебила его Нефедовна, — любил.

— Это верно, — подтвердил Яков Антонович, — и я его очень любил, вместо отца он был мне в те годы. Ну, потом убежал я по молодости и по глупости из своих Двориков. Город захотелось увидеть. Грузчиком в Мурманске в рыбном порту работал с полгода. А потом вдруг появился Филипп Тимофеевич, нашел меня, крепко отругал. — Яков Антонович

улыбнулся и добавил: — Да и по шее, признаться, попало мне тогда. Что было, то было.

— А чего ж не дать? Если для пользы, так можно и по шее, — сказала Нефедовна.

— Для пользы оказалось, — подтвердил Богданов и продолжал: — Взял он меня за руку и повел с собой на «Буран» — буксир так назывался прибрежный — и до вечера не выпускал на берег. А вечером мы отошли в рейс. По пути буксир должен был высадить нас в Семи Двориках. И попали мы в шторм... «Бурану» много ли надо было? Маленький буксирчик, машина слабая, корпус старый... Капитан решил не рисковать, а зайти в Корабельное, отстояться от шторма в бухте... Мы вдвоем с Филиппом Тимофеевичем сидели в кубрике, когда буксир начал делать поворот... И при повороте оказался бортом к девятому, как говорится, валу. А остойчивость у буксира была маленькая. И перевернуло его волной в один момент, и пошел он на дно... А мы в кубрике задранным как в мышеловке оказались. Перепугался я смертно тогда, думал, все, конец пришел. Лежу в темноте, плачу, проклиная про себя Филиппа Тимофеевича. Зачем, думаю, поддался ему, зачем согласился ехать с ним в Дворики? Остался бы живой, а теперь вот конец приходит. Слышу, Филипп Тимофеевич кличет меня, не убится ли, не покалечился ли, спрашивает. «Нет, — говорю, — да что толку? Уж лучше бы сразу убится, чем задыхаться тут». А он мне: «Не хнычь раньше времени. Тут есть в борту иллюминатор где-то, найди его, прикинь, пролезешь ли. Я знаю эти места, глубины тут небольшие, мы промышляли здесь в прошлом году. Сумеешь пролезть в иллюминатор — значит, выплывешь. До берега с полмили будет, держись на волне, авось да вынесет, а то и подберут. Погранпост отсюда неподалеку, они наверняка ведут наблюдение за морем, так что могли видеть нас, а коли видели, значит искать будут. Главное, не дрейфь...» — «А как же ты? — спрашиваю. — Я без тебя не пойду». — «Слушай, что тебе говорят старшие, и исполняй!» Я заплакал навзрыд: «Не пойду один, все равно, где

помирать — наверху ли, внизу ли». Слышу, застонал Филипп Тимофеевич, зубами заскрежетал, потом говорит: «Дурачок ты, Яшка, вот уж не думал, что слабонервным окажешься. Я не могу с тобой выбраться, у меня что-то с позвоночником нехорошо, стукнуло крепко, ноги не действуют. Да и не пролезу я в иллюминатор. А ты молодой, плечи у тебя узкие, ты должен выбраться, слышишь, должен». Ох, как же он меня ругал! Но я боялся. Боялся оказаться в море один. А дышать становилось уже трудно... Потом слышу — стук раздался, и вода вдруг заплескалась в кубрик. Я пополз на шум и наткнулся на Филиппа Тимофеевича. Он откручивал болты у иллюминатора. Вода уже хлестала в кубрик вовсю.... Филипп Тимофеевич говорит: «Не торопись, Яша, дожись, пока вода подойдет к подволоку, набери воздуха побольше и выныривай... Держись, родной, не подкачай, сынок» — это были его последние слова. Вода хлынула потоком и вмиг заполнила кубрик. Я действовал именно так, как научил меня Филипп Тимофеевич, — вздохнул поглубже, нырнул, с трудом пролез через иллюминатор и на последнем пределе вынырнул на поверхность... Как глянул вокруг, как увидел холмы и горы водяные, гривастые со всех сторон, да как увидел, что берег-то ой-ой, ой как далеко, прямо скажу, совсем я упал духом... Держусь на поверхности, всхлипываю, а в ушах голос Филиппа Тимофеевича звучит: «Ты должен выбраться, слышишь, ты должен. Кто же еще расскажет...» И поплыл я по волне к берегу... Плыву, а сам криком кричу от страха и горя... Похлебал я тогда соленой водицы... Может, и не доплыл бы я до берега, да Филипп Тимофеевич верно угадал — на погранпосту видели, как перевернуло буксир, и послали к месту катастрофы вельбот спасательный... Он-то меня и подобрал. Я уже совсем оконченел и никуда не плыл, просто шевелил руками и ногами, чтобы удержаться на плаву... Вот так и получил я свое первое крещение в соленой купели, и отцом моим крестным был Филипп Тимофеевич. Понял я после этого, что никуда из Двориков не уеду — должен остаться здесь, чтобы за себя и за отца сво-

его крестного послужить морю... И не жалею. Не увези меня тогда с собой Филипп Тимофеевич, кто знает, где бы я сейчас был и кто бы я был...

Богданов осторожно обнял Нефедовну за плечи:

— Ну-ну, мать, не надо плакать, не надо... Успокойся...

Елизавета Васильевна принесла самовар.

Я сидел рядом с Ванюшкой, и, пока старшие вели разговор о своих домашних делах, он тихо спросил меня:

— Как вы думаете, Игорь Петрович, примут меня в мореходку? Только по-честному.

— Что за вопрос! — воскликнул я.

Но, вероятно, мой ответ прозвучал слишком бодро. Ванюшка вдруг усмехнулся совсем по-взрослому.

— Ростом мал, думаете, да? Знаю, мне мамка все уши прожужжала. Но ведь я еще подрасту, верно?

Да, рост у парня действительно был маловат. Мне не хотелось разочаровывать его, и я поддакнул:

— Конечно, подрастешь.

Он уловил нотки сомнения в моем голосе и сказал:

— Вон дядя Кузьма тоже был невелик ростом, а его ведь приняли.

— А что за дядя Кузьма?

— Мам, пожалуйста, расскажи, как дядя Кузьма в мореходку поступал.

Елизавета Васильевна переглянулась с мужем:

— Ты же сто раз об этом слышал.

— Да я не для себя прошу. Игорь Петрович вот интересуется, — Ванюшка хитро покосился на меня.

— Нет, нынче я не буду рассказывать, проси отца.

— Пап, ну, пожалуйста, расскажи, — канючил Ванюшка.

Яков Антонович прокашлялся.

— Что ж, рассказать можно. Видно, мне сегодня так уж повезло — все рассказывать да рассказывать... Было это давно уже. Что-то в году сорок девятом, не позже. Меня в первый раз пригласили в мореходное училище поработать в приемной комиссии. Я ка-

питаном уже плавал тогда. Ну, сидим мы, значит, в комиссии, заседаем каждый день, личные дела поступающих изучаем, разговариваем о том, о сем... И вот подошла очередь Кузьмы Куроптева. Смотрю я на его экзаменационный лист, а там одни пятерки. Вот, думаю, парнишка смысленный... Да-да... И вдруг слышу, завуч — он председателем комиссии был — говорит горестно: «Вот, пожалуйста, одни пятерки у парня, а принять не сможем». — «Почему же это?» — спрашиваю я. «А вы взгляните на его медицинскую карту. Видите, росточек-то какой? Сто сорок два сантиметра. А по положению нужно не меньше ста пятидесяти. Реветь парень будет, а ничего не делаешь!»

Ну, входит, значит, в кабинет Кузьма Куроптев. Вошел степенно, поклонился, неторопливо сделал три шага и встал навывтяжку перед столом комиссии. Уж как он тянулся! Да только и впрямь, ну, никак ростом не вышел парень. Одет очень бедно — рваные ботиночки из брезента, заштопанная рубашка и изношенные донельзя брючки. На вид ему никак не больше тринадцати лет было, хотя по документам значилось полных пятнадцать. С виду совсем ребенок. Личико такое худющее-прехудующее, только глаза смотрели не по годам серьезно.

Он стоял, весь вытянувшись в струнку, изо всех сил стараясь казаться повыше. И были в его глазах такое ожидание, такая надежда...

Завуч вздохнул и развел руками. «Вот, брат, какое дело, — смущенно проговорил он, — все бы хорошо, и экзамены ты сдал на пятерки, да не можем мы принять тебя». — «Почему?» — рванулся вперед Кузьма. «Рост маловат. Целых восемь сантиметров не хватает до нормы. Ну, если бы хоть сорок восемь, а тут... — и завуч снова развел руками. — Не можем, брат, извини. Подрасти еще немного, а потом приходи, примем!»

Кузьма долго молчал, а потом тихо так проговорил: «Откуда же росту быть — одну картошку дома ели... А тут, в училище, я бы быстро вырос, тут ведь хорошо кормят... Мне нельзя домой возвращаться...

У матери еще пять душ, кроме меня... А отца нет... не вернулся с войны. Вся надежда у нас на училище была... Я буду очень стараться. — И почти шепотом добавил: — Примите, пожалуйста.

Комиссия тогда раскололась: с одной стороны, уставы там разные, положения, а с другой — уж больно хорошим парнишка показался: серьезный, упорный, умный. И жизнь трудная у него — такой действительно будет учиться прилежно. И так, знаете, мне жалко стало его... Вспомнил я Филиппа Тимофеевича, как он меня, несмышленища, под крыло свое брал, учил, в люди выводил... Эх, думаю, если не вступлюсь за парня, стыдно мне будет перед памятью Филиппа Тимофеевича светлой, и никогда не прощу я себе, если не помогу сейчас парню... Вступился я. Спорили долго, до хрипоты. Все-таки решили сделать исключение. Правда, завуч настоял на том, чтобы запись в протоколе сделать особую. И записали: «Ввиду настоятельной просьбы капитана Богданова и под его личную ответственность». Что ж, не возражал... Личную так личную. У нас на море иной ведь и нет.

Позвали парня, объявили ему решение. Он вспыхнул и выбежал.

Взял я его на заметку, переписывался с ним, летом к себе на судно брал, у нас он часто жил здесь. Учился Кузьма отлично. Ну и слушался. Как-то в шутку я сказал ему, что спортом, мол, надо заниматься, быстрее вырастешь. И что же? Поверил и всерьез занялся спортом — на лыжах ходил, на коньках бегал, а уж гимнастикой увлекся до того, что первое место по городу держал.

А в последнюю практику плавал он на учебном корабле. И случилась у них в рейсе авария очень серьезная. В горячую топку надо было лезть, чтобы исправить повреждение. Вы представляете — в раскаленную топку лезть? А Кузьма полез. Ожоги сильные получил. Но исправил все, что надо. Как-то сидели мы здесь, за этим столом, и я спросил его: что это, мол, тебя заставило лезть в топку? А Кузьма ответил: «Что там попусту говорить. Надо ведь кому-

то было, а я все же спортсмен, покрепче других. Не я, так другой полез бы». Вот и вся недолга.

Ну, кончил Кузьма мореходку с отличием, а сейчас стармехом плавает у меня на сейнере. И не хочет уходить, хотя ему предлагали на большом пароходе должность. Не хочет. Дом вот собирается в поселке поставить нынче и всех своих перевести сюда. Вот, собственно, и все. — Яков Антонович помолчал немного и добавил: — А больше, пожалуй, я вам ничего рассказать не могу. И лучше не спрашивайте.

Он еще просил меня ни о чем больше не спрашивать. Да и того, что он сейчас рассказал, я никогда не предполагал услышать. Мне оставалось только благодарить судьбу.

Ванюшка торжествующе смотрел на мать. Елизавета Васильевна взглянула на него и рассмеялась.

— Ну, что ты на меня так смотришь?

— А то, — многозначительно сказал Ванюшка. — Что и требовалось доказать. Сама же видишь, что все твои прежние доводы против мореходки рушатся.

Ванюшка вышел из комнаты.

— А вы разве действительно против того, чтобы Ваня стал моряком? — спросил я.

Она задумалась и высказала, видимо, давно выношенные свои думы:

— Представьте себе — всю жизнь я жду мужа. Провожая и жду, провожаю и жду. Хорошо, хоть Ванюшка пока дома, все мне веселее. Гляжу я на него — и вижу в нем Яшу своего. Такой же... — Она помолчала. — А теперь вот и Ваня улетит из гнезда. И останусь я одна... Хоть бы десятилетку кончил... повзрослее стал бы... А то дитя ведь еще... И понимаешь, что не удержишь, а все по-женски противишься, хоть и ничего не изменишь...

— Да, жизнь идет своим чередом, — начал было я и покраснел. Разве нужны матери мои банальные слова?

Елизавета Васильевна вышла вслед за сыном.

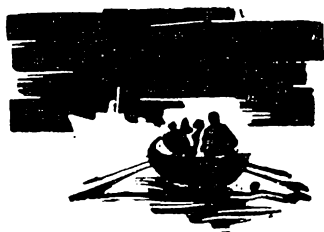
— А вы, Яков Антонович, тоже не разделяете стремление сына? — осторожно спросил я.

— Нет, я не мешаю сыну. А мать что же, мать

понять можно. Но от судьбы никуда не уйдешь. Ждет одного — будет ждать двоих. А там, глядишь, и внучата пойдут...

...Вечером мы уезжали из Семи Двориков. Снова та же шлюпка везла меня на рейд, где стоял на якоре военный катер, пришедший за капитаном Богдановым из Мурманска; снова за рулем сидела Мария. Только сейчас в лодке не было разговоров и веселья, женщины молча работали веслами, и я сидел притихший и грустный, неотрывно глядя назад, на берег, где у самой воды стояли провожающие, махая платками и фуражками...

С борта катера я еще долго видел в бинокль маленькую фигурку на берегу. Ванюшка стоял в стороне от взрослых и все махал и махал вслед катеру рукой.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

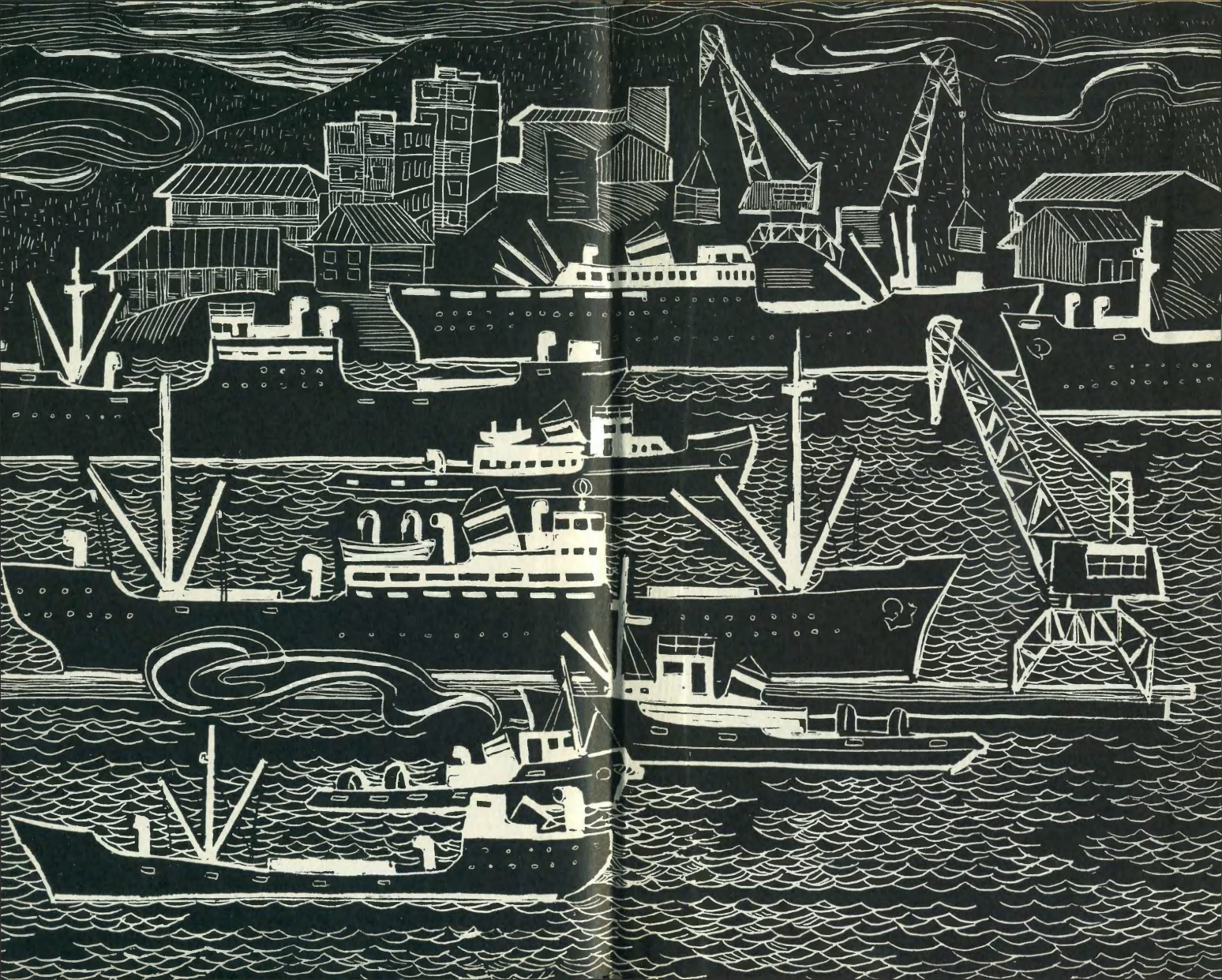
Море шумит	5
Настоящий моряк	19
Снабженческий рейс	32
Крутая волна	59
Начало пути	73
В дальнем рейсе	87
На шлюпке	104
Сердце остается на берегу	109
«Человек за бортом!»	128
Последнее траление	135
Крузенштерн и малый каботаж	144
Чайки садятся на воду	174
Выше нас — одно море	198

Беляев Альберт Андреевич
ЧАЙКИ САДЯТСЯ НА ВОДУ. Морские рассказы, М.,
«Молодая гвардия», 1969.
224 с. Р2

Редактор **А. Строев**
Оформление художника **Б. Федотова**
Художественный редактор **Г. Позин**
Технический редактор **З. Сутченко**

Сдано в набор 3/VII 1969 г. Подп. к печ. 18/XI 1969 г.
A01245. Формат 84×108^{1/32}. Бумага № 2. Печ. л. 7
(усл. 11,76). Уч.-изд. л. 10,6. Тираж 65 000 экз. Заказ 1392.
Цена 32 коп., в переплете 47 коп. Б. З. № 31, 1969 г., п. 7.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Сущевская 21.

47 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

